

№ 3 (72)
2025

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России имени И.Ф. Шилова

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени И. Ф. Шилова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
И. В. Никитенко,
доктор юридических наук, профессор

Заместитель
главного редактора
А. Н. Дерюга,
доктор юридических наук, доцент

Ответственный секретарь
Е. Ю. Колобанова

Члены редколлегии:

М. В. Бавсун,
доктор юридических наук, профессор;

А. М. Баранов,
доктор юридических наук, профессор;

А. С. Бахта,
доктор юридических наук, профессор;

С. С. Безруков,
доктор юридических наук, доцент;

В. Н. Борков,
доктор юридических наук, профессор;

Б. Б. Булатов,
доктор юридических наук, профессор;

В. Ф. Васюков,
доктор юридических наук, профессор;

С. И. Давыдов,
доктор юридических наук, доцент;

Е. В. Демидова-Петрова,
доктор юридических наук, доцент;

А. Н. Древалъ,
доктор юридических наук, профессор;

Н. Н. Егоров,
доктор юридических наук, профессор;

Ю. И. Кулешов,
доктор юридических наук, профессор;

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор;

Н. Е. Мерещкий,
доктор юридических наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Уголовный процесс

Каримова Г. Ю. К вопросу об идеологии построения современного уголовного судопроизводства в России / 5

Гаджиев Ш. Ф. Генезис правовой регламентации доказывания психического (физического) состояния в уголовном процессе / 10

Уголовное право

Середа И. М., Ступина С. А. Критерии малозначительности применительно к экологическим преступлениям: теоретико-правовые основы и практика применения / 17

Велиев Я. П., Велиева Е. А. Противодействие мошенничествам с автотранспортными средствами, находящимися в обременении: вопросы законодательства и правоприменения / 25

Шевелев Н. Р. Влияние воли потерпевшего на применение обстоятельств, смягчающих наказание виновному / 31

Сунгатуллин А. Н. Информационно-телекоммуникационные сети в структуре элементов объективной стороны состава преступления (на примере статей 150–151 Уголовного кодекса Российской Федерации) / 40

Криминология

Дерюга А. Н., Дерюга Н. Н. Профилактика и предупреждение правонарушений в сфере авторского права: поиск нестандартных решений / 47

Кафарова Р. Д. Криминологическая характеристика личности IT-преступника / 53

Ильиных Н. А. Предпосылки киберэкстремистских преступлений и отдельные меры их предупреждения / 58

Мамедов Ш. Г. Вооруженные нападения в образовательных организациях: криминологическая характеристика и предупреждение / 67

Уголовно-исполнительное право

Зарубина К. А. Факторы детерминации криминального профессионализма в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы в современной уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / 73

К. В. Муравьев,
доктор юридических наук, доцент;
А. А. Пунышева,
доктор юридических наук, доцент;
И. М. Середа,
доктор юридических наук, профессор;
А. Е. Чечетин,
доктор юридических наук, профессор;
С. В. Шевелева,
доктор юридических наук, профессор;
Н. Г. Шурухов,
доктор юридических наук, профессор

Редактор
Е. Ю. Колобанова
Корректор
Н. Б. Хохлова

Компьютерная верстка и дизайн
О. Ф. Вальченко

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени
доктора наук по научной специальности
5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Журнал отнесен к категории К2.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-77679
от 10 февраля 2020 г.

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 30.09.2025.
Дата выхода в свет 07.10.2025.
Бум. офис. Формат 60×84 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20,0 Тираж 300 экз.
(1-й завод: 1–50 экз.). Заказ № 35.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России
имени И. Ф. Шилова.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru,
тел. (4212) 92-02-59

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России
имени И. Ф. Шилова, 2025

Криминалистика

Мерецкий Н. Е., Жердев П. А. Тактические приемы нейтрализации противодействия расследованию при допросе участников уголовного процесса / **81**

Галкин Д. В. Криминалистические возможности радиоразведки при выявлении и раскрытии преступлений / **88**

Усенко О. В., Пудовикова Т. Ф. О криминалистическом обеспечении расследования отдельных видов преступлений / **94**

Морозов А. В., Котельникова Д. В. Возможности комплексного подхода к исследованию беспилотного воздушного судна как орудия совершения преступления / **100**

Дрога А. А. О влиянии некоторых изменений налогового законодательства на предотвращение преступлений в сфере малого и среднего бизнеса / **108**

Петров С. А. Некоторые аспекты расследования мошенничества, сопряженного с неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности / **113**

Судебно-экспертная деятельность

Краинский А. В. Исследование приборов для запаивания пакетов по следам их применения / **120**

Гречкина Ю. С. О некоторых побочных эффектах на лице человека после проведения косметологических коррекций внешности: криминалистический аспект / **129**

Оперативно-розыскная деятельность

Парфенов А. В., Харитонов А. А. Организация оперативно-розыскной деятельности по борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем в сфере цифровой экономики: современное состояние / **135**

Васильев Э. А., Кремнев Р. Н. Оперативно-розыскная характеристика организации незаконной миграции / **142**

Правоохранительные органы в сфере борьбы с преступностью

Богданов Л. А. Основные факторы, обуславливающие взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов в ходе противодействия преступлениям в сфере валютного обращения / **148**

Уголовно-правовые науки в зарубежных странах

Никитенко И. В. Уголовная ответственность за преступления против правосудия по уголовному законодательству Турецкой Республики и Исламской Республики Иран / **156**

Швейгер А. О. Уголовная ответственность за преступления против правосудия по уголовному законодательству Германии / **162**

Информация для авторов / 172

№ 3 (72)
2025

VESTNIK

of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
named after I. F. Shilov

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
named after I. F. Shilov

Editorial board:

Editor-in-Chief
I. V. Nikitenko,
Doctor of Law, Professor

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Derjuga
Doctor of Law, Associate Professor

Executive Secretary
E. Yu. Kolobanova

Editorial staff:
M. V. Bavsun,
Doctor of Law, Professor;
A. M. Baranov,
Doctor of Law, Professor;
A. S. Bakhta,
Doctor of Law, Professor;
S. S. Bezrukov,
Doctor of Law, Associate Professor;
V. N. Borkov,
Doctor of Law, Professor;
B. B. Bulatov,
Doctor of Law, Professor;
V. F. Vasyukov,
Doctor of Law, Professor;
S. I. Davydov,
Doctor of Law, Associate Professor;
E. V. Demidova-Petrova,
Doctor of Law, Associate Professor;
L. N. Dreval,
Doctor of Law, Professor;
N. N. Egorov,
Doctor of Law, Professor;
Yu. I. Kuleshov,
Doctor of Law, Professor;
S. Ya. Lebedev,
Doctor of Law, Professor;
N. E. Meretsky,
Doctor of Law, Professor;

CONTENTS

Criminal procedure law

Karimova G. Yu. On the question of the concept and essence of the ideology of constructing modern criminal proceedings in Russia / **5**

Gadjiev Sh. F. The Genesis of the legal regulation of proving a mental (physical) condition in criminal proceedings / **10**

Criminal law

Sereda I. M., Stupina S. A. Criteria of insignificance in relation to environmental crimes: theoretical and legal foundations and practice of application / **17**

Veliev Ya. P., Velieva E. A. Countering fraud with encumbered motor vehicles: issues of legislation and law enforcement / **25**

Shevelev N. R. The influence of the victim's will on the application of circumstances mitigating punishment to the perpetrator / **31**

Sungatullin A. N. Information and telecommunication networks in the structure of elements of the objective side of the body of crime (on the example of articles 150-151 of the Criminal Code of the Russian Federation) / **40**

Criminology

Deryuga A. N., Deryuga N. N. Prevention and control of copyright-related offenses: search for non-standard solutions / **47**

Kafarova R. D. Criminological characteristics of a personality the IT criminal / **53**

Ilyinyh N. A. Prerequisites of cyber-extremist crimes selected measures for their prevention / **58**

Mamedov Sh. G. Armed attacks in educational institutions: criminological characteristics and prevention / **67**

Penal enforcement law

Zarubina K. A. Factors Determining criminal professionalism in conditions of serving prison sentences in the modern penal correction system of the Russian Federation / **73**

K. V. Muravyov,
Doctor of Law, Associate Professor;
L. A. Pupyshcheva,
Doctor of Law, Associate Professor;
I. M. Sereda,
Doctor of Law, Professor;
A. E. Chechetin,
Doctor of Law, Professor;
S. V. Sheveleva,
Doctor of Law, Professor;
N. G. Shurukhnov,
Doctor of Law, Professor

Managing editor

E. Yu. Kolobanova

Proofreader

N. B. Khokhlova

Typesetting and design

O. F. Valchenko

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published by scientific specialties
5.1.4. Criminal law sciences (legal juridical sciences)

The journal is classified as K2.

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИИ № ФС77-77679 of February, 10, 2020.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 30.09.2025.
Issue: 07.10.2025.
Format 60×84 1/8. Size 20,0 printer sheets. Circulation 300 copies (1–50 copies).
Order 35. Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. Editorial office.
Printing House.
15, Kazarmenny pereulok, Khabarovsk, 680020

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru,
tel. (4212) 920-259

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, 2025.

Criminalistic

Meretskiy N. E., Zherdev P. A. Tactical techniques for neutralizing obstacles to investigation during interrogation of participants in criminal proceedings / **81**

Galkin D. V. Forensic capabilities radio intelligence in detecting and solve crimes / **88**

Usenko O. V., Pudovikova T. F. On forensic support for the investigation of certain types of crimes / **94**

Morozov A. V., Kotelnikova D. V. The possibilities of an integrated approach to the study of an unmanned aircraft as a weapon for committing a crime / **100**

Droga A. A. About the impact of some changes in tax legislation on the in prevention of crimes in the field of small and medium-sized businesses / **108**

Petrov S. A. Some aspects of fraud investigation related to non-fulfillment of contractual obligations in the field of business activities / **113**

Forensic expertise activity

Krainskiy A. V. Investigation of devices for sealing packages on the traces of their use / **120**

Grechkina Yu. S. About some side effects on a person's after cosmetic appearance adjustments: forensic aspect / **129**

Operative search activity

Parfenov A. V., Kharitonov A. A. Organization of operational investigative activities to combat the legalization of proceeds from crime in the digital economy: current state / **135**

Vasiliev E. A., Kremnev R. N. Operational and investigative characteristics illegal migration organizations / **142**

Law enforcement agencies in the field of combating crime

Bogdanov L. A. The main factors determining the interaction of law enforcement and regulatory authorities in the course of countering crimes in the field of currency circulation / **148**

Criminal law sciences in foreign countries

Nikitenko I. V. Criminal liability for crimes against justice under the criminal laws of the Republic of Turkey and the Islamic Republic of Iran / **156**

Shveyger A. O. Criminal liability for crimes against justice under German criminal law / **162**

Information for authors / 172

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 5–9.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 5–9.

Научная статья

УДК 343.1:316.75

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕОЛОГИИ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Гульназ Юрисовна Каримова

Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Республика Башкортостан

kg579@yandex.ru

Аннотация. Автором статьи предпринята попытка формулирования понятия идеологии современного уголовного судопроизводства в России, а также анализа сущности и содержания идеологических основ уголовного процесса. Предложено идеологию построения уголовного судопроизводства определить как систему идей и ценностей, выражающих национальные интересы государства, основанные на разумном балансе сочетания интересов личности и государства в уголовном процессе. Установлено наличие системных проблем в определении идеологии построения современного уголовного судопроизводства в России. Обоснована целесообразность переоценки концептуальных ценностей уголовного судопроизводства и формирования его новых идеологических основ, заключающихся в переосмыслении всей концепции построения Уголовно-процессуального кодекса РФ. Сделан вывод о том, что идеология построения современного уголовного судопроизводства в России не отличается концептуальным подходом, общество нуждается в принятии новой Концепции судебной реформы в Российской Федерации, структура и содержание которой требуют самостоятельного комплексного исследования.

Ключевые слова: идеология, уголовное судопроизводство, идеологические основы уголовного процесса, национальный интерес, национальная безопасность

Для цитирования: Каримова Г. Ю. К вопросу об идеологии построения современного уголовного судопроизводства в России // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2025. № 3 (72). 5–9.

Original article

ON THE IDEOLOGY OF MODERN CRIMINAL JUSTICE IN RUSSIA

Gulnaz Yu. Karimova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Republic of Bashkortostan

kg579@yandex.ru

Abstract. The author of the article attempts to formulate the concept of ideology of modern criminal justice in Russia, as well as to analyze the essence and content of the ideological foundations of the criminal process. It is proposed to define the ideology of building criminal proceedings as a system of ideas and values expressing the national interests of the state, based on a reasonable balance between the interests of the individual and the state in the criminal process. It has been established that there are systemic problems in determining the ideology of modern criminal justice in Russia. The expediency of re-evaluating the conceptual values of criminal justice and the formation of its new ideological foundations, which consist in rethinking the entire concept of building the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, is substantiated. It is concluded that the ideology of building modern criminal justice in Russia does not differ in a conceptual approach, and society needs to adopt a new Concept of judicial reform in the Russian Federation, the structure and content of which require independent comprehensive research.

Keywords: ideology, criminal proceedings, ideological foundations of the criminal process, national interest, national security

For citation: Karimova G. Yu. On the ideology of modern criminal justice in Russia // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 5–9.

Вопросами идеологии в праве были озадачены многие мыслители различных эпох. И в настоящее время освещение данной проблематики приобретает большое научное и политическое значение.

Произошедшие в начале 90-х гг. XX в. глубокие социально-правовые преобразования нашего общества и государства привели к формированию правового государства, провозглашению приоритета личности, ее прав и свобод. Если в прошлом столетии понятие «идеология» подлежало критике как «ложное сознание» [1, с. 128], то в современном понимании идеологии заложены российская самобытность, национальные интересы и стратегические национальные приоритеты нашего государства.

Конечно же, мы не можем отрицать влияния советской эпохи на формирование понятия «идеология» [2]. В марксистской редакции идеология определяется как система идей и теорий, ценностей и норм, идеалов и директив действия, выражающих интересы, цели и задачи определенного класса, способствующих закреплению или устранению существующих общественных отношений [3, с. 390]. Исторический материализм, по мнению В. И. Ленина, явился «величайшим завоеванием научной мысли», установив, что конечный источник общественных идей и теорий, взглядов и представлений находится не в сфере чистого мышления, а в самой социальной действительности – в общественном бытии, представляющем собой совокупность различных сторон и процессов материальной жизни общества и в котором определяющую роль играет способ производства материальных благ [4, с. 343]. В этом умозаключении явно прослеживается идея первенства «материальной» над «духовной» составляющей идеологии, закрепления государством основополагающих норм и принципов социальной справедливости, равенства прав всех трудящихся в пользовании средствами производства без нарушения интересов и прав друг друга.

В современной России, по мнению большинства ученых, сформировалась либеральная идеология*. Но есть и противоположное мнение: в России XX – начала XXI столетия либерализм практически отсутствует, и идеи, появившиеся в последние десятилетия на отечественной почве, не являются прямым продолжением какой-либо из традиций западной или старой русской либеральной философии. Следует согласиться с мнением о том, что либерализм 1989–1991 гг. сыграл роль «идеологии антикоммунизма» [5, с. 25]. В обществе постсоветского времени господствовала идея прекращения коммунистического прошлого, а не продуманная программа модернизации страны применительно к новым российским условиям. Дальнейшее развитие событий показало неприемлемость антисоциалистических идей и либерально-демократических ценностей для значительной части населения. Произошел распад не только прежней государственности, но и общественной нравственности, морали, этики, духовности. Возможно, статья 13 Конституции Российской Федерации, провозгласившая, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», привела к стагнации поиска новых идейных ценностей в нашей стране. Однако любому обществу присуща идеология, поскольку она формирует у каждого человека определенное мировоззрение, ориентиры в окружающей политической жизни, направлена на формирование общественного и индивидуального сознания. Под идеологией современного общества предлагается понимать систему идей и ценностей, взглядов, принимаемых большинством общества и выраженных в форме идеологических учений и доктрин.

Отрицание необходимости существования государственно-правовой идеологии и стремление к идеологическому многообразию сказались и на формировании идеологических основ уголовного судопроизводства. Следует согласиться с мнением М. П. Полякова о том, что попытка сделать отечественный уголовный процесс либеральным и состязательным на всех этапах судопроизводства оказалась безуспешной. Отечественный уголовный процесс так и остался наполовину розыскным [6].

Таким образом, стала очевидной необходимость формирования новой идеологии в современном российском обществе, и в 2000 г. в ежегодном Послании Президента Федеральному Собранию РФ В. В. Путин заявил, что «демократическое устройство страны, открытость новой России миру не противоречат нашей самобытности и патриотизму, не мешают находить собственные ответы на вопросы духовности и морали. И не нужно специально искать национальную идею. Она сама уже вызревает в нашем обществе. Главное – понять, в какую Россию мы верим и какой хотим мы эту Россию видеть»**. Тогда еще не было уточнено содержание новой общенациональной идеологии. Позднее, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. в разделе «Общие положения» определены векторы современной национальной идеологии, направленные на соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности и др.***

Следует отметить основные аспекты национальной идеологии. В первую очередь, она охватывает фундаментальные ценности: личность, ее права и свободы, национальную безопасность нашего государства как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее не-

* Гришина Е. П. Концепция использования специальных познаний в контексте осуществления публично-го и частного начал российского уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 4.

** Какую Россию мы строим: послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ 08.07.2000. URL: <https://base.garant.ru/1583595/>

*** О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

зависимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны. Другим не менее важным аспектом любой идеологии является патриотизм как политический принцип и социальное чувство, привязанность к родине, преданность ей и готовность ее защищать. И, конечно же, третья составляющая – духовность [7, с. 38]. Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, «Россия – великая тысячелетняя держава, страна – цивилизация», что подразумевает понимание и знание исторического пути России с сохранением традиционной культуры, духовно-нравственных основ*. В свою очередь, «сильное» государство предполагает наличие идеологических основ конкретных законов и эффективной правоприменительной деятельности. Конечно же, изменения в социально-политической сфере последних 3–4 лет (глобализация, международные конфликты, проведение специальной военной операции, ухудшающаяся эпидемиологическая обстановка, цифровизация) обуславливают необходимость переосмысления идеологических принципов, лежащих в основе национальной системы правосудия, для обеспечения ее эффективности и соответствия международным стандартам, в то же время постоянное совершенствование уголовно-процессуального законодательства требует глубокого анализа идеологических предпосылок принимаемых изменений.

Следует согласиться с мнением А. Н. Конева о том, что уголовно-процессуальная идеология призвана даровать понимание общей идеи уголовного судопроизводства (идеи, протянутой из прошлого в будущее), в рамки которой укладывались бы все усилия и устремления теоретиков, законодателя и правоприменителей [8, с. 58]. При этом невозможно сформировать понятие идеологических основ уголовного судопроизводства, не анализируя идеологическое состояние современности и идеологическую основу прошлых лет и эпох. С этой точки зрения интересна концепция Д. Шварцмантеля, который определил идеологию как «не просто абстрактную философию или выдумку отдельного человека, а нечто, что способно связать такие общие идеи и конкретную политическую деятельность нескольких человек или, что характерно именно для идеологии, – множества людей» [9, с. 50]. Таким образом, практика есть главный критерий идеологии. Идеология становится таковой только в ходе практического воплощения. Если идеология формально есть, а соответствующей практики нет, то, по сути, нет и реальной идеологии. Поэтому, возможно, концепция либеральной идеологии в УПК РФ так и осталась частично декларативной. Это можно наблюдать и при реализации участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных прав и обязанностей, и при реализации отдельных идеологических принципов уголовного судопроизводства.

По мнению В. А. Азарова, «идеологической основой нового УПК РФ должны служить идеи, взгляды и представления об усилении влияния государства через своих представителей в сфере уголовного судопроизводства» [10, с. 8]. При этом, как отмечает М. П. Поляков, должны непременно учитываться интересы личности. Однако во времена, когда звучит лозунг «Отечество в опасности», «указанные интересы должны приниматься во внимание лишь в контексте национальных интересов. Именно национальные интересы России должны стать главным приоритетом в развитии и укреплении уголовно-процессуального законодательства» [11, с. 191].

Идеологию построения уголовного судопроизводства можно определить как систему идей и ценностей, выражающих национальные интересы государства, основанные на разумном балансе сочетания интересов личности и государства в уголовном процессе.

По мнению С. В. Власовой и М. С. Кесаева, необходимо продолжить путь демократических преобразований с целью совершенствования системы уголовно-процессуальных гарантий прав личности при осуществлении уголовного преследования, что возможно исключительно в рамках состязательного процесса [12, с. 5]. Идеи развития институтов правового государства, демократии, гуманного отношения к личности и ее правам в России должны находить реальное воплощение, в том числе в уголовном судопроизводстве на всех его стадиях.

* Президент Российской Федерации В. В. Путин сформулировал национальную идеологию. URL: <https://ruskline.ru>.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что в настоящее время идет переоценка концептуальных ценностей уголовного судопроизводства и формирование его новых идеологических основ. В связи с этим, несмотря на ряд достоинств Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 года, благодаря которой, по мнению Д. А. Медведева, правосудие в Российской Федерации перестало быть карательным и приобрело в большей степени правозащитный характер*, все же с учетом современных вызовов и угроз требуется принять на высшем законодательном уровне новую Концепцию судебной реформы и как результат этого – переосмыслить всю концепцию построения Уголовно-процессуального кодекса РФ с учетом дальнейшей реализации идеологических принципов уголовного процесса, направленных на признание и защиту прав и свобод личности в досудебном и судебном производствах.

Список источников

1. Хельце Е. Идея и идеология. Берлин, 1969.
2. Яковлев М. В. Идеология. Редакция философской литературы. М.: Мысль, 1979.
3. Основы марксистско-ленинской философии. М., 1971.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 18.
5. Кочетков А. П., Кочетков А. А. Нужна ли России идеология в XXI веке? М.: Ин-октаво, 2004.
6. Поляков М. П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 43–47.
7. Баяхчева С. А., Илларионов С. И. Идеология гражданского общества. М.: РИЦ «ПрофЭко», 2006.
8. Конев А. Н. Идеологические основы современного уголовного судопроизводства России: моногр. М., 2021.
9. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков, 2009.
10. Азаров В. А. Уголовно-процессуальная идеология и одновременная фразеология // Вестник Омского государственного университета. 2006. № 3.
11. Поляков М. П. Национал-процессуализм как идеологическая основа отечественного уголовного процесса // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.). Екатеринбург, 2005. Ч. 2.
12. Власова С. В., Кесаева М. С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам: моногр. / под ред. А. С. Александрова. М., 2019.

Информация об авторе

Г. Ю. Каримова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин.

Information about the author

G. Yu. Karimova – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, associate professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 20.01.2025.

* Российская газета. 2008. 23 мая. URL: <https://rio.ru>.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 10–16.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): С. 10–16.

Научная статья
УДК 343.1

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО (ФИЗИЧЕСКОГО) СОСТОЯНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Шахбаз Феликсович Гаджиев

Омская академия МВД России, Омск
shahgadjiyev265@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена возникновению и развитию нормативных положений, регламентирующих процедуру доказывания психического или физического состояния участников уголовного судопроизводства с середины XIX в. по настоящее время. Автор выделяет четыре исторических этапа формирования правовой регламентации доказывания психического (физического) состояния в уголовном процессе. Проведенный анализ нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что на разных исторических этапах существовали проблемы недостаточности либо коллизии данной регламентации.

Ключевые слова: доказывание, психическое состояние, физическое состояние, специальные познания, специалист, эксперт

Для цитирования: Гаджиев Ш. Ф. Генезис правовой регламентации доказывания психического (физического) состояния в уголовном процессе // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 10–16.

Original article

THE GENESIS OF THE LEGAL REGULATION OF PROVING A MENTAL (PHYSICAL) CONDITION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Shahbaz F. Gadjiyev

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk
shahgadjiyev265@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the emergence and development of regulations governing the procedure for proving the mental or physical condition of participants in criminal proceedings from the middle of the 19th century to the present. The author identifies four historical stages in the formation of the legal regulation of proving a mental (physical) condition in criminal proceedings. The analysis of regulatory legal acts allows us to conclude that at different historical stages there were problems of insufficiency or conflict of laws of this regulation.

Keywords: proof, mental state, physical condition, special knowledge, specialist, expert

For citation: Gadzhiev Sh. F. The genesis of the legal regulation of proving a mental (physical) condition in criminal proceedings // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): С. 10–16.

В настоящее время в доктрине уголовного процесса и в правоприменительной деятельности правоохранительных органов к наиболее важным и сложным проблемам относятся обстоятельства, подлежащие установлению при производстве по уголовному делу. В уголовно-процессуальной науке данная тенденция, по мнению исследователей, начала наблюдаться уже с середины 50-х гг. XX в. и сохраняется по настоящее время*. Несмотря на то, что научным сообществом данные вопросы признаются дискуссионными, они не нашли своего окончательного разрешения, в связи с этим интерес к этой проблеме у специалистов в области уголовно-процессуального права является вполне понятным и оправданным.

Доказывание – это синергетическое понятие. Как правило, его рассматривают в качестве фундамента уголовного процесса, поскольку оно не только пронизывает все этапы уголовного судопроизводства, но и прямо либо опосредованно касается деятельности всех его участников. По этой причине учеными-процессуалистами доказывание именуется «душой», «сердцевиной» уголовного процесса и позиционируется в качестве некоего стержня всей уголовно-процессуальной деятельности, который обуславливает ее содержание, сущность и форму [см., напр., 1, с. 12].

В то же время доказывание – это сложное и комплексное правовое явление. Оно имеет юридическую формализацию с точки зрения логики и гносеологии [2, с. 48], а также выступает в качестве закономерностей познания обстоятельств совершенного преступления.

Несмотря на то, что регламентировать познавательную, как и любую другую творческую деятельность, сложно либо практически невозможно, законодатель, в свою очередь, предпринимает попытки его формализации в части установления источников доказательств, субъектов, этапов, средств доказывания, в том числе обстоятельств, подлежащих доказыванию. Так, например, законом установлены обстоятельства, подлежащие доказыванию, совокупность которых образует предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ). Однако термин «предмет доказывания» законодателем не раскрывается. По этому поводу существуют различные точки зрения ученых-процессуалистов. Некоторые авторы под предметом доказывания понимают совокупность обстоятельств, установление которых является обязательным по каждому уголовному делу, для того чтобы достичь задачи уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6 УПК РФ [3, с. 136]. Схожей позиции придерживались ученые советского периода [4, с. 213].

Обратим внимание на то, что в ст. 73 УПК РФ психическое (физическое) состояние участников уголовного судопроизводства в качестве самостоятельного обстоятельства, подлежащего установлению при производстве по уголовному делу, не указано. В то же время наряду с «общим» законодатель определил «особый» предмет доказывания в отношении несовершеннолетних и для производства о применении принудительных мер медицинского характера. Установление в законе особого предмета доказывания некоторыми исследователями рассматривается в качестве критерия отнесения уголовно-процессуальной деятельности, предусмотренной гл. 50 и 51 УПК РФ, к числу особых уголовно-процессуальных производств [5, с. 150; 6, с. 213, 216–217; 7, с. 17–19; 8, с. 24–26; 9, с. 123–126].

Полагаем, что содержание ст. 73 УПК РФ необходимо воспринимать в контексте элементов состава преступления и признаков, их характеризующих. Именно поэтому психическое или физическое состояние участников уголовного процесса находится в неразрывной связи с обстоятельствами, характеризующими личность подозреваемого (обвиняемого), а также с характером и размером вреда, причиненного преступлением. Известно, что субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Для целей настоящего исследования значение имеет в первую очередь такой обязательный признак субъекта преступления, как вменяемость. Кроме того, в качестве общественно опасных последствий преступления может выступать причиненный вред не только физическому, но и психическому здоровью потерпевшего.

* Татьяна А. Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 4.

Если вести речь об установлении психического или физического состояния лица, то важно учитывать, что одним из наиболее распространенных источников доказательств для его установления выступают показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля. В связи с этим значимость установления психического (физического) состояния лиц, вовлеченных в каком-либо статусе в производство по уголовному делу, сомнений не вызывает.

Актуальность исследования доказывания психического или физического состояния данных участников возрастает не только с каждым десятилетием, но и с каждым годом. Это объясняется перманентным увеличением лиц, страдающих психическими или физическими расстройствами. Данный факт подтверждается сведениями Федеральной службы государственной статистики (Росстат): основные показатели, характеризующие развитие здравоохранения в Российской Федерации, свидетельствуют о росте числа лиц, имеющих психические (физические) расстройства [10, с. 48]. Между тем официальная статистика не отражает реального количества лиц, страдающих психическими (физическими) расстройствами, поскольку здесь велика латентность.

Определение перспектив и направлений разрешения проблем, связанных с процессом доказывания психического или физического состояния участников уголовного судопроизводства, на наш взгляд, должно осуществляться с учетом исторического опыта правовой регламентации, что предполагает необходимость анализа уголовно-процессуального законодательства, действующего со второй половины XIX в. и по настоящее время.

Как отмечает С. М. Курбатова, вплоть до середины XIX в. законодателем не было закреплено полноценных правовых институтов, которые бы явно отражали общее понимание уголовно-процессуальной значимости существования у лица ограниченных возможностей, чтобы являться полноправным участником складывающихся правоотношений*. Соглашаясь с данным выводом, добавим, что, с нашей точки зрения, основной причиной этого явления выступает не столько длительность становления непосредственно уголовно-процессуальной отрасли, сколько в целом отсутствие до XIX в. отраслевой систематизации права.

Считаем целесообразным выделить следующие исторические этапы правовой регламентации доказывания психического (физического) состояния участников уголовного процесса: первый этап – с 60-х гг. XIX в. до 1918 г.; второй этап – с 1918 г. до середины XX в. (конец 50-х гг.); третий этап – с середины XX в. (1960 г.) до начала XXI в.; четвертый этап – с начала XXI в. (2001 г.) по настоящее время.

Первый этап. С 60-х гг. XIX в. до 1918 г. нормативным актом, регулирующим порядок уголовного судопроизводства, являлся Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС), который содержал разд. 4 «Освидетельствование обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным», включавший нормы (напр., ст. 353–356), регламентирующие правовые последствия установления психических (физических) расстройств: п. 1 ст. 93, п. 3 ст. 95, ст. 410, ст. 411, ст. 413, ст. 450, п. 1 ст. 704, п. 3 ст. 706.

Базовой нормой применительно к психическим (физическим) недостаткам участников уголовного процесса можно считать ст. 353 УУС, предусматривавшую, в случае установления в ходе расследования психического расстройства (отсутствие здравого рассудка либо страдание умственным расстройством) у обвиняемого, передачу уголовного дела прокурору с последующей передачей дела на рассмотрение суда. Освидетельствование обвиняемого являлось обязательным в случае, если возникали какие-либо сомнения относительно его умственных способностей [11, с. 12]. Привлеченный эксперт (судебный врач), при наличии признаков душевного расстройства у обвиняемого, должен был уведомить следователя и высказать свою позицию о важности наблюдения за подсудимым в психиатрической больнице, однако дальнейшие действия зависели напрямую от прокурора. Если последний соглашался

* Курбатова С. М. Участие в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями: дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 156.

с заключением следователя, основанного на мнении врача, то направлял уголовное дело со своим заключением о необходимости освидетельствования обвиняемого, оказавшегося сумасшедшим или безумным, в окружной суд (ст. 354 УУС). Вследствие подтверждения результатов данного освидетельствования происходило прекращение судебного разбирательства в отношении обвиняемого, имеющего психические либо физические недостатки.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данном историческом этапе ключевой проблемой правового регулирования доказывания психического или физического состояния в уголовном судопроизводстве являлась в первую очередь недостаточная регламентация установления правовых последствий психических или физических состояний по отношению к потерпевшему, подозреваемому, подсудимому.

Второй этап. В 1918 г. УУС 1864 г. утратил свою юридическую силу, и только в 1922 г. был принят первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права – Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Данный исторический этап, по мнению С. Б. Россинского, характеризуется не только планомерным выходом Советской России из постреволюционного кризиса, но и формированием наиболее устойчивых методов и форм государственного управления [12, с. 229].

Относительно правовой регламентации доказывания психического или физического состояния участников уголовного процесса следует иметь в виду, что в УПК РСФСР 1922 г. законодатель постарался сохранить и развить основные идеи, содержащиеся в УУС. Так, например, было предусмотрено производство медицинского освидетельствования в отсутствие соответствующих документов о возрасте несовершеннолетнего обвиняемого (ст. 144). В то же время в данном законе появилась отдельная глава, посвященная определению психического состояния обвиняемого (гл. XVI). Из ее положений следует, во-первых, что следователь должен собрать сведения, необходимые для суждения о психическом состоянии обвиняемого, посредством как освидетельствования обвиняемого врачом-экспертом, так и опроса обвиняемого, его близких и других лиц. Однако эта обязанность возникала при наличии в деле сведений о невменяемом состоянии обвиняемого во время совершения им преступления либо о болезненном расстройстве душевной деятельности (ст. 199). Во-вторых, если суд признавал, что имевшихся в деле сведений было недостаточно для суждения о психическом состоянии обвиняемого, то суд имел право вынести определение о помещении обвиняемого для наблюдения в лечебное заведение, в то же время имел право на ходатайство такого характера сам следователь (ст. 202). При этом законодатель оперировал такими терминами, как «психическое состояние» и «физические недостатки» (см., например, п. 4 ст. 59: обязательное участие защитника по делам немых, глухих и вообще лиц, лишенных в силу физических недостатков способности правильно воспринимать те или иные явления).

Буквально спустя год после принятия первого кодифицированного акта постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. был утвержден новый текст Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Этому содействовали события, связанные с завершением гражданской войны и переходом к мирной жизни, с новой социально-экономической политикой, а также с другими обстоятельствами, способствовавшими формированию устойчивых методов и форм государственного управления. Следует подчеркнуть, что УПК РСФСР 1923 г. сохранил социальные и гуманистические начала прежнего уголовно-процессуального закона.

Нормативную основу доказывания психического или физического состояния участников уголовного процесса в этот момент составляли следующие нормы: п. 2 ст. 55 и 61, примечание 1 ст. 63, ст. 140, гл. XVI (ст. 196–201). Необходимо отметить, что в этот период внимание законодателя привлек свидетель и его психическое (физическое) состояние, которое могло негативно сказываться на процессе доказывания по уголовному делу. Существенных различий между упомянутыми уголовно-процессуальными законами в интересующем нас смысле не имелось, так как законодатель продублировал содержание большинства статей

в новом УПК. Однако в части психических (физических) состояний таких участников уголовного судопроизводства, как подозреваемый, подсудимый и потерпевший, в УПК РСФСР 1923 г. по-прежнему отсутствовали необходимые предписания.

Основной проблемой правового регулирования доказывания психического или физического состояния в уголовном судопроизводстве на данном историческом этапе также являлась недостаточная регламентация. Пробельность в этом вопросе исследователи связывают с такими факторами, как нестабильность политической, экономической, социальной ситуации в стране, массовые политические репрессии 30–50 гг. XX в., события Великой Отечественной войны [13, с. 127].

Третий этап. Одним из наиболее значимых правовых событий в жизни государства в середине XX в. стало принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в 1960 г., в котором получили дальнейшее развитие гуманистические начала уголовного процесса и воплотились многие идеи советской уголовно-процессуальной науки. Принятие УПК РСФСР 1960 г. выводило отрасль уголовно-процессуальной деятельности на новый качественный уровень, в том числе применительно к институту участников процесса. Например, были легализованы значимые термины (ст. 34), выделена самостоятельная глава, посвященная участникам уголовного судопроизводства (гл. 3), отражены самостоятельные процессуальные гарантии прокурорского надзора за обеспечением прав социально уязвимой категории граждан (ст. 25 и гл. 18). Наряду с этим внимание законодателя было обращено на лиц, имеющих психические (физические) недостатки.

Так, обязательное участие защитника по уголовным делам немых, глухих, слепых и иных обвиняемых лиц, не способных самостоятельно осуществлять право на защиту ввиду своих психических или физических недостатков. Например, одной из процессуальных гарантий лиц, имеющих психические (физические) недостатки (ст. 49, 50), выступала обязанность дознавателя, следователя, прокурора и судьи не только в разъяснении этим лицам их прав, но и в создании возможности для их реализации (ст. 58); обязанность устанавливать обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ст. 68); признание не имеющих юридической силы доказательств, полученных с нарушением закона (ст. 69); установление в качестве основания для предварительного следствия или судебного разбирательства, когда у обвиняемого имелось наличие подтвержденного врачом психического или другого тяжкого заболевания (п. 2 ст. 195) и др.

Также законодатель определял, что после признания состояния невменяемости подсудимого суду следовало вынести определение в соответствии с гл. 33 УПК РСФСР «Производство по применению принудительных мер медицинского характера», которая выступала не только в качестве законодательной новеллы, но и в качестве самостоятельного института*.

Важно отметить, что лицо, имеющее психические недостатки, направлялось на судебно-психиатрическую экспертизу при наличии достаточных данных о совершении общественно опасного деяния конкретно им. Непосредственно в суде заслушивалось заключение эксперта о психическом состоянии данного лица и проверялись иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела (ст. 404–410). В случае необходимости определения психического или физического состояния лица (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля) и установления его возраста, производство экспертизы было обязательным (п. 2–4 ст. 79).

Можно сделать вывод, что термины «психические или физические недостатки» и «психическое или физическое состояние» участников уголовного судопроизводства получили фактическую легализацию. По своему содержанию они являлись тождественными. Важно отметить, что в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. физические недостатки определялись в качестве способности обвиняемого лица правильно воспринимать те или иные явления, а термин «психические недостатки» отсутствовал, фигурировал термин «психическое состояние» лица.

* См., напр.: Журавлева Т. Н. Институт принудительных мер медицинского характера в законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2002. С. 14–31 и др.

В советской уголовно-процессуальной науке существовали разные позиции по поводу определения обозначенных нами выше категорий, однако основоположником соответствующей доктрины является профессор С. П. Щерба, который ввел в научный оборот определения физических недостатков и психических недостатков*.

Четвертый этап. Данный этап связан с принятием в 2001 г. ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ. В этот период страна приходила в нормальное состояние после серьезного экономического кризиса, требовались качественные преобразования и в уголовно-процессуальном законе, тем более что уже действовала новая Конституция РФ.

Относительно нашего вопроса, сравнивая УПК 1960 г. и УПК 2001 г., следует указать на отсутствие существенных отличий в нормативном регулировании участия лиц, имеющих психические или физические недостатки. Между тем законодатель постарался сохранить некую преемственность и признал в идеях советского УПК жизнеспособность в современных условиях, отражающих потребности общества и государства.

Сегодня основу механизма правового регулирования доказывания психического (физического) состояния участников уголовного судопроизводства составляют следующие нормы УПК РФ: п. 3 ч. 1 ст. 51, ч. 1 ст. 96, п. 10 ст. 190, ст. 196, ч. 2 ст. 252, ч. 3 ст. 253, ст. 280, п. 16 ч. 1 ст. 299, ст. 300, гл. 51 (ст. 433–446). Однако специфика устанавливаемых сведений обуславливает необходимость включения в него положений иных законодательных актов, например, Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 2 июля 1992 г., Федерального закона «О ратификации Конвенции о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения» от 6 декабря 2000 г., Федерального закона «О передаче и принятии Российской Федерацией лиц, страдающих психическими расстройствами, в отношении которых имеется решение суда о применении принудительных мер медицинского характера» от 23 июля 2013 г. и др.

Сложность складывающихся при этом правоотношений обуславливает необходимость принятия дополнительных мер для обеспечения единства правоприменения и требует непосредственного участия высших судебных инстанций. По этой причине вопросы, связанные с доказыванием психического (физического) состояния участников уголовного судопроизводства, регулярно становятся предметом оценки Конституционного Суда Российской Федерации, а также разъяснений Верховного Суда Российской Федерации**.

Изложенное дает основание для главного вывода: в настоящее время проблемами правового регулирования доказывания психического или физического состояния в уголовном судопроизводстве является как недостаточная регламентация, так коллизионность имеющихся норм. Это обусловлено тем, что усилия законодателя направлены на регламентацию правового положения таких участников уголовного процесса, как подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель (в том числе несовершеннолетний свидетель), а подсудимый и осужденный остались без его соответствующего внимания. Поэтому согласимся с Л. А. Пупышевой в том, что необходимо легализовать обстоятельства обязательного участия защитника осужденного в производстве, предусмотренном гл. 47 УПК РФ***.

Резюмируя, отметим, что на разных исторических этапах правовое регулирование доказывания психического либо физического состояния участников уголовного процесса существовали различного рода факторы, способствующие отсутствию либо недостаточности

* Щерба С. П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 55–56, 83.

** См., напр.: О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6; Определение Верховного Суда РФ от 12.08.1997 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3. Изв. 6 и др.

*** Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 343.

правовой регламентации, ее коллизиионности. В то же время следует принимать во внимание трудности, с которыми сталкивались законодатели, так как им необходимо было учесть правовые, политические, социальные, экономические и иные факторы совместно с доктринальными положениями.

Список источников

1. Шейфер С. А. Собираение доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015. 110 с.
2. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021. 408 с.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / О. Н. Ведерникова, С. А. Ворожцов, В. А. Давыдов [и др.]; отв. ред. В. М. Лебедев; рук. авт. кол. В. А. Давыдов. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 1056 с.
4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
5. Бурмагин С. В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды // Государство и право. 2019. № 2. С. 146–152.
6. Николюк В. В. К вопросу об особых производствах в российском уголовном процессе // Правовые проблемы укрепления российской государственности: материалы конф. (26–28 января 2017 г., г. Томск). Томск: Томский гос. ун-т, 2018. С. 210–223.
7. Пупышева Л. А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (постановка проблемы) // Мировой судья. 2021. № 6. С. 17–24.
8. Пупышева Л. А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (общетеоретические и отраслевые аспекты) // Мировой судья. 2021. № 8. С. 24–31.
9. Татьяна Л. Г. Виды особых производств в уголовном процессе России // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2016. Т. 26, № 2. С. 123–126.
10. Здравоохранение в России. 2023: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 179 с.
11. Буфетова М. А. Законодательное регулирование и порядок применения принудительных мер медицинского характера по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Глаголь правосудия. 2014. № 2 (8). С. 11–13.
12. Россинский С. Б. УПК РСФСР 1922 года – первый кодифицированный источник советского уголовно-процессуального права (к 100-летию с момента принятия) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3. С. 229–238.
13. Смирнов А. В. УПК РСФСР 1922–1923 гг. и политический переворот в российском уголовном процессе // Первые уголовно-процессуальные кодексы: к 100-летию принятия УПК РСФСР 1922–1923 гг.: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. СПб.: Санкт-Петербургская акад. СК России, 2023. С. 125–128.

Информация об авторе

Ш. Ф. Гаджиев – адъюнкт.

Information about the author

Sh. F. Gadzhiev – postgraduate.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025; одобрена после рецензирования 14.08.2025; принята к публикации 14.08.2025.

The article was submitted 12.08.2025; approved after reviewing 14.08.2025; accepted for publication 14.08.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 17–24.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72) : 17–24.

Научная статья
УДК 343.77

КРИТЕРИИ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Ирина Михайловна Середа¹, Светлана Александровна Ступина²

¹Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск

²Сибирская пожарно-спасательная академия Государственно-пожарной службы МЧС России, Железногорск

¹irina-sereda@mail.ru ORCID: 0000–0002–5092–8187, ResearcherID: M-8289–2016

²sstupina@mail.ru, ORCID: 0000–0002–8816–9841, ResearcherID: ABC-3349–2021

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию института малозначительности деяния применительно к экологическим преступлениям, которое проведено на основе современной практики Верховного Суда Российской Федерации. Обосновывается позиция о том, что малозначительность является оценочным критерием, который зависит от размера причиненного ущерба, способов причинения вреда и субъективной направленности действий лица. Признать деяние малозначительным можно только при условии, что малозначительность носит как объективный, так и субъективный характер. Исследование показывает, что вопрос о малозначительности деяния является вопросом факта и решается, исходя из конкретных обстоятельств дела. Авторами предложены общие ориентиры для правоприменителей, включая обстоятельства, которые могут влиять на признание содеянного малозначительным.

Ключевые слова: малозначительность деяния, экологические преступления, критерии малозначительности, общественная опасность, экологическая безопасность, разграничение уголовной и административной ответственности

Для цитирования: Середа И. М., Ступина С. А. Критерии малозначительности применительно к экологическим преступлениям: теоретико-правовые основы и практика применения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 17–24.

Original article

CRITERIA OF INSIGNIFICANCE IN RELATION TO ENVIRONMENTAL CRIMES: THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND PRACTICE OF APPLICATION

Irina M. Sereda¹, Svetlana A. Stupina²

¹ Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice, Irkutsk

² Siberian Fire and Rescue Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Zheleznogorsk

¹ irina-sereda@mail.ru ORCID: 0000-0002-5092-8187, ResearcherID: M-8289-2016

² sstupina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8816-9841, ResearcherID: ABC-3349-2021

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the institute of insignificance of an act in relation to environmental crimes, which was conducted on the basis of modern practice of the Supreme Court of the Russian Federation. The author substantiates the position that insignificance is an evaluation criterion that depends on the amount of damage caused, the ways of causing harm and the subjective orientation of a person's actions. It is possible to recognize an act as insignificant only on condition that the insignificance is both objective and subjective. The study shows that the question of the insignificance of an act is a matter of fact and is resolved based on the specific circumstances of the case. The authors propose general guidelines for law enforcement officers, including circumstances that may affect the recognition of the deed as insignificant.

Keywords: insignificance of an act, environmental crimes, criteria of insignificance, public danger, environmental safety, differentiation of criminal and administrative responsibility

For citation: Sereda I. M., Stupina S. A. Criteria of insignificance in relation to environmental crimes: theoretical and legal foundations and practice of application // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 17–24.

По официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за экологические преступления (гл. 26 УК РФ) в 2024 г. осуждено 4762 лица, что составляет менее 1 % от общего числа осужденных (512 845 чел.)*.

Как правило, лицам, совершившим экологические преступления, назначаются наказания, не связанные с лишением свободы. В 2024 г. за совершение экологических преступлений наказания, не связанные с лишением свободы, были назначены 250 лицам (5,2 % от осужденных), из которых осуждены на срок до 1 года включительно 26 чел.; свыше 1 года до 2 лет – 38 чел.; свыше 2 до 3 лет – 82 чел.; свыше 3 до 5 лет – 76 чел.; свыше 5 до 8 лет – 26 чел. и свыше 8 лет – 2 чел. К 42,1 % осужденных за экологические преступления применено условное осуждение к лишению свободы. К обязательным работам было приговорено 1066 чел. (22,4 %), к штрафу – 878 чел. (18,4 %), к исправительным работам – 257 чел. (5,4 %), к ограничению свободы – 82 чел. (1,7 %).

В целом по результатам анализа судебной практики по уголовным делам об экологических преступлениях можно констатировать следующие ключевые тенденции назначения наказания:

– преобладание мягких мер воздействия: 94,8 % осужденных получили наказания, не связанные с реальным лишением свободы, что, в свою очередь, может быть свидетельством, в определенной мере, снисходительного подхода судов к оценке общественной опасности экологических преступлений, их вредности и личности виновных, совершивших эти деяния;

* Данные судебной статистики. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 12.05.2025).

– имеет место широкое применение условного осуждения (42,1 %), что также показывает оценку судами общественной опасности личности виновных;

– активное использование альтернативных лишению свободы видов наказания, среди которых обязательные работы (22,4 %) и штрафы (18,4 %) составляют значительную долю назначенных наказаний, что отражает стремление судов к ресоциализации правонарушителей без изоляции от общества и свидетельствует о максимальном учете характеристик лиц, виновных в совершении этих преступлений.

Анализ по отдельным составам преступлений гл. 26 УК РФ показал, что, например, за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256) осуждено 1953 чел. (41 % от всех осужденных за экологические преступления), за незаконную охоту (ст. 258) – 324 чел. (6,8 %), за незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260) – 1990 чел. (41,8 %).

Обратим внимание и на тот факт, что по экологическим преступлениям имеет место высокий уровень прекращения уголовных дел [1]. Так, в отношении 3127 лиц дела прекращены по нереабилитирующим основаниям, что составляет 39,6 % от общего числа рассмотренных дел. Это может свидетельствовать о сложности квалификации и доказывания всех признаков состава того или иного преступления, предусмотренного гл. 26 УК РФ. При этом необходимо отметить, что за рассматриваемые составы преступлений в отношении 2 чел. в 2024 г. уголовные дела были прекращены за отсутствием состава, события преступления, в отношении 8 чел. (0,1 %) был вынесен оправдательный приговор.

Таким образом, можно констатировать, что правоприменитель в настоящее время к большинству экологических преступлений относится как к деяниям, не представляющим высокой общественной опасности. Между тем даже неглубокий анализ судебной статистики указывает на потребность в выработке более четких правил квалификации экологических преступлений и критериев определения их малозначительности.

Экологические преступления занимают особое место в системе уголовного права, поскольку посягают на ценности, имеющие конституционное значение – экологическую безопасность и охрану окружающей среды. При этом практика показывает, что значительная часть дел об экологических преступлениях прекращается по различным основаниям, включая малозначительность деяния.

В Постановлении от 30 мая 2023 г. № 27-П Конституционный Суд РФ рассматривал вопросы конституционности положений экологического законодательства, подчеркнув важность обеспечения экологической безопасности как конституционной ценности*. Конституционный Суд РФ отмечает, что право на благоприятную окружающую среду является одним из основных конституционных прав граждан, что должно учитываться при применении института малозначительности к экологическим преступлениям.

Указанный институт в современном уголовном праве представляет собой один из наиболее дискуссионных и теоретически неразработанных правовых механизмов дифференциации уголовной ответственности. Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте экологических преступлений, где вопросы определения границ преступного и не преступного поведения осложняются спецификой объекта посягательства и сложностью оценки причиняемого вреда. Анализ формирующейся судебной практики свидетельствует о необходимости выработки единообразного подхода к применению института малозначительности в сфере экологических правонарушений.

* Постановление Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Кудинск Кежемского муниципального района Красноярского края» и администрации Новосибирского района Новосибирской области». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Отметим, что Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к вопросам применения института малозначительности, подчеркивая его значение для обеспечения принципа справедливости в уголовном праве. В Определении КС РФ от 16 июля 2013 г. № 1162-О указано, что институт малозначительности обеспечивает адекватную оценку правоприменителями степени общественной опасности деяния, зависящую от конкретных обстоятельств содеянного*.

В Определении от 27 июня 2017 г. № 1360-О Конституционный Суд РФ подчеркнул, что при решении вопроса об уголовной ответственности за экологические преступления необходимо учитывать не только формальные признаки состава преступления, но и реальную степень общественной опасности с учетом всех обстоятельств дела, включая размер вреда и его возмещение**.

Верховный Суд РФ в п. 12 Постановления Пленума от 23 ноября 2010 г. № 26 (ред. от 31.10.2017) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» разъяснил, что основанием для признания действий малозначительными могут служить такие критерии, как незначительное количество и стоимость выловленной рыбы, отсутствие вредных последствий для окружающей среды, неопасный для биологических ресурсов использованный способ добычи.

На основе анализа определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 мая 2025 г. № 25-УД25-3-К4*** по делу Халитова А. И. можно выделить следующие ключевые позиции суда о малозначительности преступления, предусмотренного ст. 256 УК РФ. В частности, были приняты во внимание такие объективные критерии, как характер причиненного вреда, который применительно к рассматриваемому Верховным Судом РФ уголовному делу характеризовался отсутствием вредных последствий для окружающей среды и влияния на экологическую стабильность нереста, а также отсутствием фактически выловленной рыбы. В рамках объективных критериев малозначительности был дан анализ особенностям места совершения преступления и его способа. В рамках исследования последнего было отмечено, что имели место непродолжительность противоправных действий, неиспользование способов массового истребления водных биоресурсов и отсутствие массовой гибели объектов водного мира. При рассмотрении же места совершения преступления было учтено, что водоем лишь частично являлся миграционным путем к местам нереста и основная масса рыбы уже разошлась в пойменные системы на нерест. Кроме того, было отмечено, что совершенное преступление относится к категории небольшой тяжести****. Также Верховным Судом РФ был дан всесторонний анализ и субъективных критериев содеянного, которые свидетельствовали о малозначительности последнего. Прежде всего, было учтено, что лицо, совершившее преступление, было ранее не судимо, работает руководителем кружка в Доме культуры, характеризуется положительно и имеет на иждивении совершеннолетнего ребенка – инвалида I группы. Таким образом, при установлении малозначительности содеянного был дан анализ и личности виновного.

* Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1360-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Вадима Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 260 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Приговор: по п. «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ (незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов). Определение ВС РФ: производство по делу прекращено в связи с отсутствием в деянии состава преступления. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=855021#MINI4oUSK75UVPai2> (дата обращения: 12.05.2025).

**** Здесь следует подчеркнуть, что большинство преступных посягательств на окружающую среду (60 %), как можно вывести из исследования Ю. А. Тимошенко [2], относятся к категории небольшой тяжести, что создает предпосылки для применения института малозначительности.

На это же указывает в своих исследованиях В. В. Степанов, подчеркивая, что «среди обстоятельств, учитываемых при установлении основания применения нормы о малозначительности правонарушения, без сомнения, должны быть обстоятельства, относящиеся к характеристике личности правонарушителя» [3]. А Ч. М. Багиров провел анализ отказных материалов и уголовных дел, прекращенных по основанию малозначительности, и сделал вывод о том, что при применении нормы о малозначительности деяния правоприменитель нередко ссылается на обстоятельства, характеризующие личность виновного*.

В противовес такой позиции Д. Ю. Корсун обосновывает следующий тезис: малозначительность – это характеристика деяния, а значит, не должны учитываться в качестве критерия малозначительности обстоятельства, которые характеризуют личность деятеля**. По мнению автора, смысл института малозначительности состоит в том, чтобы освободить от уголовной ответственности лицо, которое совершило деяние, не обладающее общественной опасностью. В рамках этого института должно рассматриваться и анализироваться деяние на предмет отсутствия общественной опасности***.

Безусловно, справедливо утверждение А. Ю. Боковня о том, что общественная опасность преступления выражает и общественную опасность виновного, а последняя, так или иначе, отражает степень общественной опасности деяния [4, с. 157]. Общественная опасность «обусловлена всеми объективными и субъективными признаками преступления, выступающими в качестве ее критериев» [5, с. 97].

В целом следует отметить, что в настоящее время перспективы развития концепции общественной опасности связаны с необходимостью интеграции различных научных подходов, с учетом экзистенциальных и социальных факторов преступности, а также развития новых теоретических моделей, способных адекватно отражать сложность современных общественных отношений и вызовов, стоящих перед системой уголовного права.

Рассматриваемая позиция Верховного Суда РФ по делу Халитова А. И. свидетельствует о всестороннем комплексном и компромиссном подходе к определению малозначительности содеянного, согласно которому должны учитываться как объективные факторы – характер причиненного вреда, способ совершения преступления, так и субъективные факторы – данные о личности виновного, но только в части, непосредственно относящейся к совершенному деянию.

Таким образом, можно констатировать, что при определении малозначительности такого экологического преступления, как незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, необходим совокупный учет всех обстоятельств содеянного. Суд подчеркнул, что способ и орудие лова сами по себе, без учета конкретных обстоятельств дела, не могут указывать на повышенную общественную опасность.

Обратимся к еще одному уголовному делу.

На основе анализа кассационного определения Верховного Суда РФ от 25 февраля 2025 г. № 84-УД24–9-КЗ**** по делу Наврузова П. Х. можно выделить следующие критерии, которые суд учел при определении малозначительности преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ.

* Багиров Ч. М. Малозначительность деяния и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 18 с.

** Корсун Д. Ю. Малозначительное деяние в уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 231 с.

*** Там же.

**** Приговор: по ч. 1 ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений). Определение ВС РФ: производство по делу прекращено в связи с отсутствием состава преступления ввиду малозначительности деяния; за осужденным признано право на реабилитацию. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=849205#O0Oc4oUiHT4ZxjN8> (дата обращения: 12.05.2025).

Прежде всего, Верховный Суд РФ ссылается на правовую позицию Конституционного Суда РФ (Определение от 27 июня 2017 г. № 1360-О*), согласно которой статья 260 УК РФ должна применяться во взаимосвязи с ч. 2 ст. 14 УК РФ, позволяющей отграничить преступления от иных правонарушений, направленной на реализацию принципа справедливости и обеспечение адекватной оценки степени общественной опасности деяния.

Анализ указанного кассационного определения свидетельствует о том, что Судом был учтен размер причиненного ущерба, который составил 7303 руб. 65 коп. и лишь на 2303 руб. 65 коп. превышает размер (5000 руб.), предусмотренный ст. 8.28 КоАП РФ. Однако Судом при этом подчеркнуто, что незначительное превышение административного порога само по себе не свидетельствует о достаточной степени общественной опасности. Также при обосновании малозначительности содеянного Верховным Судом РФ было принято во внимание и то, что имело место полное возмещение причиненного ущерба со стороны виновного, что следует рассматривать как смягчающее обстоятельство, снижающее общественную опасность деяния. Кроме того, было учтено, что у осужденного имелись законные основания нахождения в лесу, и нарушение заключалось лишь в выходе за пределы предоставленной делянки. Также было указано на незначительность факта совершенного деяния, что имело выражение в том, что срублено только одно дерево породы береза объемом 0,87 куб. м, отсутствует массовый характер нарушения и имеет место локальное воздействие на лесные ресурсы.

Важно подчеркнуть, что Верховным Судом РФ при установлении малозначительности была дана оценка и личности виновного. Суд первой инстанции не учел объем материального ущерба в соотношении с административным порогом; не принял во внимание полное возмещение ущерба; не дал оценки породе и возрасту срубленного дерева; не учел наличие оформленного договора купли-продажи лесных насаждений; не привел мотивы, по которым счел действия субъекта обладающими достаточной общественной опасностью.

Таким образом, Верховный Суд РФ установил нарушение принципа дифференциации преступлений и административных правонарушений, указав, что при решении вопроса об уголовной ответственности необходимо учитывать не только формальные признаки состава, но и реальную степень общественной опасности с учетом всех обстоятельств дела, включая размер вреда и его возмещение.

Следует обратить внимание на то, что и в данном примере при установлении малозначительности деяния, посягающего на экологическую безопасность, необходим учет как обстоятельств содеянного, его вредоносности, так и личности виновного и его общественной опасности. При этом признание именно экологической безопасности объектом анализируемых посягательств позволяет считать, что критерии малозначительности последних зависимы и от состояния защищенности природной среды, и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий. Соответственно, в каждом конкретном случае необходимо рассматривать и время, и место, и обстановку совершения посягательства, а также учитывать и в целом угрозы общественной безопасности в тот или иной период существования общественных отношений.

При определении малозначительности совершенных экологических преступлений является необходимым, по нашему мнению, учет характеристики виновных в содеянном лиц, что подтверждается и рассмотренными позициями Верховного Суда РФ. Приведем некоторые личностные характеристики осужденных за совершение экологических преступлений [5].

Так, экологические правонарушения совершают преимущественно мужчины – 95–98 % осужденных. При этом преступления, предусмотренные ст. 256 УК РФ, в большинстве

* Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1360-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Вадима Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 260 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

случаев совершаются лицами от 40 до 49 лет (30,4 %), по ст. 258 и 260 УК РФ – лицами от 25 до 39 лет (36,7 и 30,6 % соответственно), большинство из них имеют среднее профессиональное образование. Более половины осужденных за анализируемые преступления являются трудоспособными лицами без постоянного источника дохода, что может быть индикатором взаимосвязи экологических преступлений с социально-экономическими проблемами.

Отдельно следует отметить, что значительное количество лиц, признанных виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 256, 258 и 260 УК РФ, – это местные жители, что может указывать на знание ими местных природных ресурсов и возможностей их незаконного использования. В то же время нельзя не учитывать и то, что для ряда местных жителей добыча рыбы и животных, вырубка леса составляют их привычный образ жизни, являются источником их жизнеобеспечения и не воспринимаются как совершение преступлений.

Так, С. В. Пархоменко и Д. С. Лазук, изучая вопросы разграничения малозначительных деяний и иных правонарушений на примере ст. 256 УК РФ, отмечают, что в настоящий момент положения ч. 1 ст. 256 УК РФ не отвечают существующим социальным и экономическим условиям в обществе, в связи с этим указанные действия не воспринимаются населением, в том числе и сотрудниками органов правосудия, как преступление, что, в свою очередь, непосредственно влияет на вопросы признания действий лица малозначительными в определенных ситуациях [6, с. 85–86].

В целом проблема малозначительности деяний в уголовном праве приобретает особую актуальность в контексте экологических преступлений, где грань между административным правонарушением и уголовно наказуемым деянием часто размыта. Прежде всего, это связано с тем, что ни один нормативно-правовой акт не дает разъяснений по вопросам малозначительности в системе уголовного права, отсутствуют четко определенные критерии для отнесения деяния к малозначительному, нет границ последнего. Решение о малозначительности принимается на основе личных убеждений правоприменителя, что может приводить к ошибкам. В настоящее время отсутствует полная и достоверная официальная статистика о делах, прекращенных в связи с применением исследуемого института. Правоприменительные трудности определены еще и наличием дискуссионных моментов на уровне доктрины.

Таким образом, для обеспечения единообразия судебной практики необходимо разработать четкие критерии и рекомендации по применению института малозначительности. Это позволит снизить субъективизм в правоприменении и обеспечить справедливость судебных решений.

При выработке критериев малозначительности экологических преступлений необходимо учитывать как характер объекта посягательства – экологическая безопасность как конституционная ценность, так и специфику причиняемого вреда – экологический ущерб может проявляться не сразу, а также сложность установления причинно-следственной связи между деянием и последствиями, а также высокий уровень латентности экологической преступности.

Для унификации правоприменительной практики с учетом позиции Верховного Суда РФ будет обоснованным использовать компромиссный подход к малозначительности, включающий оценку не только объективных обстоятельств содеянного, но и субъективных характеристик последнего, а также личность виновного в части, имеющей отношение к совершенному деянию.

Полагаем, что способствовать унификации правоприменительной практики и справедливого применения анализируемого института к экологическим преступлениям может создание единой методики оценки экологического ущерба для определения малозначительности, установление презумпции последней для деяний, причинивших ущерб менее определенной суммы при отсутствии отягчающих обстоятельств, обязательный учет возможности восстановления нарушенных природных объектов и исключение из категории малозначительных деяний, совершенных на особо охраняемых природных территориях.

Обратим внимание на следующее. Например, в ст. 261 УК РФ законодательно уже нашел отражение критерий отграничения преступления от административного правонарушения, заключающийся в том, что уголовная ответственность по ч. 1 ст. 261 УК РФ наступает только в случае причинения значительного ущерба, который, согласно примечанию к этой статье, определен как ущерб, превышающий 10 тыс. руб.

В контексте вышеизложенного видится целесообразной конкретизация критериев малозначительности в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ применительно к различным видам экологических преступлений; введение количественных критериев для оценки ущерба по отдельным составам экологических преступлений и совершенствование системы экспертного обеспечения рассмотрения этих дел.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных методик оценки экологического вреда и создание типовых критериев малозначительности для различных видов экологических преступлений.

Институт малозначительности деяния применительно к экологическим преступлениям представляет собой важный механизм дифференциации уголовной ответственности, который требует дальнейшего теоретического осмысления и практического совершенствования. Анализ формирующейся судебной практики показывает как потенциал данного института, так и существующие проблемы его применения.

Только комплексный подход, учитывающий как теоретические основы института малозначительности, так и практические потребности правоприменения, позволит обеспечить эффективное функционирование данного правового механизма в сфере охраны окружающей среды. Это будет способствовать достижению баланса между необходимостью защиты экологических интересов общества и принципами справедливости и соразмерности в уголовном праве.

Список источников

1. Забавко Р. А., Рогова Е. В. Комментарий постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам об экологических преступлениях (научно-практический, с материалами судебно-следственной практики): практ. пособие. Иркутск: ВСИ МВД России, 2018. 87 с.
2. Тимошенко Ю. А. Криминологическое измерение экологической преступности // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 4. С. 170–181.
3. Степанов В. В. Оценка обстоятельств, характеризующих личность, при принятии решения о признании правонарушения малозначительным // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2007. № 8. С. 186–189.
4. Боковня А. Ю. Понятие и система критериев типовой степени общественной опасности личности виновного в совершении преступления // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2020. Т. 1, № 2 (95). С. 156–162.
5. Боковня А. Ю. Критерии характера и типовой степени общественной опасности экологических преступлений // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 3. С. 97–101.
6. Пархоменко С. В., Лазук Д. С. К вопросу о разграничении малозначительных деяний (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и иных правонарушений // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4 (99). С. 81–86.

Информация об авторах

И. М. Середа – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии;

С. А. Ступина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы.

Information about the authors

I. M. Sereda – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology;

S. A. Stupina – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Forensic Expertise.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; принята к публикации 23.06.2025.

The article was submitted 23.06.2024; accepted for publication 23.06.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 25–30.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 25–30.

Научная статья
УДК 343.72

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МОШЕННИЧЕСТВАМ С АВТОТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ОБРЕМЕНЕНИИ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Яков Павлович Велиев¹, Елена Александровна Велиева²

¹ Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск

² Дальневосточный университет путей сообщения, Хабаровск

¹ veliev_ord@mail.ru

² lekimka@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты борьбы с мошенническими посягательствами в сфере купли-продажи автотранспорта, находящегося в собственности у иных лиц. Автором изучается нормативно- правовое регулирование договоров по переходу права собственности на имущество. Отмечается относительная незащищенность сделок купли-продажи автотранспорта. Особое внимание уделяется мерам по предупреждению указанных преступлений, предлагаются пути решения, а также рассматриваются информационные ресурсы, способствующие предупреждению мошенничеств, совершаемых при купле-продаже автотранспорта.

Ключевые слова: автотранспорт, мошенничество, купля-продажа, сделка, обременение

Для цитирования: Велиев Я. П., Велиева Е. А. Противодействие мошенничествам с автотранспортными средствами, находящимися в обременении: вопросы законодательства и правоприменения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 25–30.

Original article

COUNTERING FRAUD WITH ENCUMBERED VEHICLES: ISSUES OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT

Yakov P. Veliev¹, Elena A. Velieva²

¹ Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs named after I. F. Shilov, Khabarovsk

² Far Eastern State Transport University, Khabarovsk

¹ veliev_ord@mail.ru

² lekimka@mail.ru

Abstract. The article examines problematic aspects of combating fraudulent encroachments in the sphere of purchase and sale of motor vehicles owned by other persons. The authors study the legal regulation of contracts for the transfer of ownership of property. The relative vulnerability of motor vehicle purchase and sale transactions is noted. Particular attention is the paid

to measures to prevent these crimes, and solutions are proposed. The work also examines operational and investigative measures that help identify and expose fraud committed in the purchase and sale of motor vehicles.

Keywords: motor transport, fraud, purchase and sale, transaction, encumbrance

For citation: Veliev Ya.P., Velieva E. A. Countering fraud with encumbered vehicles: issues of legislation and law enforcement // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 25–30.

В настоящее время совершается большое количество имущественных противоправных деяний: в 2024 г. зарегистрировано 1, 041 млн таких преступлений – больше половины всех зарегистрированных преступлений (50,5 %). При этом основным видом имущественных преступлений является мошенничество (43 % от всех зарегистрированных преступлений против собственности). Одной из причиной роста мошеннических посягательств является возможность мошенников представить противоправные деяния, как нарушенные гражданско-правовые отношения. Данная тенденция возникла при переходе права собственности на имущество.

В Гражданском кодексе Российской Федерации закреплены различные виды передачи права собственности на имущество: купля-продажа, дарение, мена, рента, займ и т. д. Право собственности – наиболее полное субъективное имущественное право, определяемое ГК РФ как возможность собственника осуществлять в отношении принадлежащего ему имущества любые правомерные действия по своему усмотрению (п. 2 ст. 209). В большинстве случаев переход права собственности происходит путем заключения сделки, независимо от его предмета (движимое или недвижимое имущество). Правовое регламентирование (права и обязанности сторон) совершения сделок с оформлением договора купли-продажи в полном объеме закреплены в ГК России. Тем не менее, права собственника на недвижимость могут быть ограничены, если объект используется в качестве залога по ипотеке, сдается в аренду, определяется как сервитут, используется для получения ренты или находится под арестом. Ограничения в отношении прав на недвижимое имущество закреплены в ГК РФ. В частности, невозможно совершить сделку купли-продажи недвижимого имущества, если на него наложено Ограничения или обременение, при этом не уведомив покупателя.

Под обременениями понимаются права третьих лиц на вашу собственность, которые ограничивают ваши права в отношении ее и/или налагают на вас дополнительные обязанности*. Ограничения же направлены на сужение прав субъекта, рамки которых могут быть установлены законом или субъектом правоотношений, которые обычно накладываются уполномоченными государственными органами (судом, приставами-исполнителями и др.), запрещают правообладателю на объект недвижимого имущества совершать какие-либо действия с ним.

Не вдаваясь в полемику о различии понятий ограничения и обременения в отношении собственности, согласимся с мнением ученых, которые полагают, что эти понятия несовпадающие, поскольку обременению подлежит объект права, а ограничить можно только права субъекта.

Рассматривая ограничительные права на собственность, законодатель, понимая высокую значимость и специфику жилых помещений в гражданском обороте, особо тщательно регламентирует правоотношения, связанные с ограничением и обременением права собственности на жилое помещение. Сведения об ограничении права собственности на недвижимое имущество заносятся в Единый государственный реестр недвижимости, ведение которого находится в деятельности Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Введение в реестр сведений об обременении права собственности поручено также нотариату (ст. 15 ФЗ «О нотариате»). Правоотношения, связанные с недвижимостью,

* Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2004 № 425-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.02.2025).

находящейся в обременении, законодательно урегулированы, что фактически исключает совершение противоправных действий в данной сфере.

Однако иные имущественные правоотношения, связанные с передачей права собственности, защищены не настолько хорошо, как право на недвижимое имущество, поскольку государство не препятствует развитию рыночных отношений и не вводит здесь различные правовые барьеры и запреты. С одной стороны, это позволяет динамично и беспрепятственно заключать различные сделки, но с другой – этим могут пользоваться мошенники.

Одним из таких правоотношений, где нет законодательной регистрации перехода права собственности, является предпринимательская деятельность, связанная с продажей автотранспортных средств. Количество автомобилей, поставленных на государственную регистрацию, значительно выросло за последние 10 лет, и в 2024 г. этот показатель составил 55,06 млн единиц*.

Согласно статистическим данным за 2024 г., в России было совершено на вторичном рынке 6,036 млн сделок купли-продажи подержанных автотранспортных средств, что на 6 % больше, чем в 2023 г., ** данная тенденция сохраняется и в 2025 г. Как правило, именно данная категория автотранспортных средств является средством, с помощью которого совершаются мошенничества при купле-продаже автомобилей. При этом автотранспорт используется как средство, с помощью которого происходит обман добросовестного покупателя и завладение его денежными средствами.

Одним из способов совершения рассматриваемого преступления является совершение сделок купли-продажи с автотранспортными средствами, находящимися в обременении у третьих лиц. Под обременением понимается ограничение правопользования, владения и распоряжения имуществом***.

При изучении уголовных дел**** и материалов проверок***** мы смогли выделить следующие виды обременения автотранспортных средств у третьих лиц:

- аренда или лизинг автотранспорта;
- решение суда, связанное с арестом на автотранспорт;
- запрет на регистрационные действия в силу возникших правовых обстоятельств;
- залог у финансовой организации;
- приобретение автомобиля в рассрочку при условии, если в договоре купли-продажи указана обязанность покупателя не распоряжаться автотранспортным средством до момента погашения задолженности.

Таким образом, собственник автомобиля, находящегося в обременении у третьих лиц, не имеет права совершать юридические действия (продавать, обменивать, дарить и т. д. автотранспорт) без уведомления потенциального покупателя. Продавец обязан гарантировать, что автотранспортное средство не является предметом притязаний третьих лиц. В частности, согласно определению Верховного Суда РФ, обязанность доказывания о том, что покупатель знал или должен был знать о правах третьих лиц на автомобиль, возлагается на продавца*****. Однако, как правило, покупателю автомобиля, находящегося в обременении, приходится

* Статистические данные аналитического агентства «АВТОСТАТ». Режим доступа: <https://www.autostat.ru/> (дата обращения: 10.02.2025).

** Там же.

*** В отношении автотранспортных средств законодательно не закреплено понятие обременения. В связи с этим при формулировке термина «обременение» использовалось понятие, связанное с ограничением (обременением) недвижимого имущества, предусмотренное Федеральным законом «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 № 122.

**** Изучено 223 уголовных дела в архиве судов Хабаровского края и других субъектов Российской Федерации с использованием информационных ресурсов <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/>; и <http://sudact.ru/>.

***** Изучено 40 материалов проверок с принятыми решениями об отказе в возбуждении уголовных дел, вынесенных следственным управлением УМВД России по Хабаровскому краю по преступлениям, предусмотренным ст. 159 УК РФ, в период времени 2022–2024 гг.

***** Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23.11.2021 № 16-КГ21–27-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.11.2024).

доказывать факт того, что он не мог знать о наличии каких-либо ограничений на транспортное средство. Так, согласно ч. 2 ст. 474 ГК РФ, проверка качества товара производится в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно применяемыми условиями проверки товара, подлежащего передаче по договору купли-продажи. Согласимся с тем, что «вопрос привлечения к ответственности лица, реализующего товар или оказывающего услугу, информация о потребительских свойствах которых скрыта или сфальсифицирована, полностью перебазировался в гражданско-правовое поле» [1, с. 61].

Несмотря на это, покупатель при проверке автотранспорта по различным открытым интернет-ресурсам может не выявить факт обременения на автомобиль у третьих лиц ввиду различных ситуаций:

- решение суда (по исковому заявлению в рамках гражданского дела, по ходатайству следователя, дознавателя о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого и т. д.) о возникших правовых обязательствах, связанных с обременением права собственности на автомобиль в пользу третьих лиц, вступило в силу после совершения сделки купли-продажи автомобиля и поступления о запрете на регистрационные действия в отношении транспортных средств от Федеральной службы судебных приставов, не поступило в Государственную автомобильную инспекции МВД России;

- кредитное учреждение не направило в нотариат уведомление о залоге на автотранспортное средство для внесения в единую информационную систему нотариата;

- кредитное учреждение несвоевременно обратилось с иском в суд о взыскании с лица залогового обязательства, а именно изъятия автотранспорта;

- не вступило в законную силу решение суда об ограничении права собственности на автотранспорт.

Сведения о залоговом движимом имуществе нотариус обязан внести в единую информационную систему нотариата (п. 3 ч. 1 ст. 33. 4 ФЗ «О нотариате»), что способствует предотвращению совершения сделок с автомобилями, находящимися в залоге у третьих лиц. Тем не менее, в органы внутренних дел поступают обращения по фактам мошеннических действий при купле-продаже автотранспортных средств, находящихся в обременении у третьих лиц, в том числе в залоге у кредитных организаций. Большая часть обращений в ОВД связана с куплей-продажей автотранспорта, который находится в залоге у банка и по которому судом было принято решение о взыскании заложенного имущества в пользу кредитного учреждения.

Высокий спрос на автокредиты либо потребительские кредиты под залог автомобиля привел к появлению одного из способов совершения мошенничества при купле-продаже автомобилей*. В большинстве случаев органами предварительного следствия по фактам совершения сделки купли-продажи автотранспорта, находящегося в залоге у кредитной организации, принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Например, в Дальневосточном федеральном округе в 2021 г. было зарегистрировано более 90 обращений по факту продажи залогового автотранспорта, по 65 материалам было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела; в 2022 г. – более 80 обращений, по 77 материалам принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела; в 2023 г. – 87 обращений, по 79 материалам принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела; в первом полугодии 2024 г. – 37 обращений, по 16 материалам принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела**.

При изучении материалов проверок, по которым вынесено решение об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам заключения договоров купли-продажи автотранспортных средств, находящихся в обременении, авторы пришли к выводу, что проблема состоит

* Лицо заключает кредитный договор на покупку автомобиля под его залог и затем продает его третьему лицу (см.: приговор № 1–217/2023 от 29.08.2023. Режим доступа <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo>).

** Статистические данные получены по запросам авторов в территориальные органы МВД России, расположенные в ДФО.

в доказывании умысла на мошеннические действия. При принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела следственные подразделения руководствуются п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием состава преступления). В постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела указывается, что данные правоотношения являются гражданско-правовыми, поскольку на покупателе лежит обязанность по надлежащей проверке автомобиля. Также в материалах отсутствовали результаты ОРД – фактические данные, подтверждающие мошеннические действия со стороны продавца автотранспортного средства. Данный факт подтверждает латентность рассматриваемых преступлений. Все это свидетельствует о необходимости принятия законодательных мер по урегулированию правоотношений в данной области. В частности, для противодействия мошенничествам при купле-продаже автомобилей, находящихся в обременении, важно регламентировать выявление указанных сделок на стадии их регистрации в ГАИ. Для эффективного выявления автомобилей, находящихся в обременении, можно выделить следующие информационные системы, в которых содержатся сведения о них:

- федеральная информационная система ГИБДД (ФИС ГИБДД-М), после внесения сведений об ограничительных мерах в отношении права собственности на автомобиль;
- информационная база кредитного учреждения;
- единый нотариальный реестр о движимом залоге имущества;
- автоматизированная информационная система (АИС) ФССП России.

Указанные информационные базы данных не интегрированы между собой ввиду различной правовой регламентации данных ресурсов и государственных ведомств. Поскольку регистрацией, перерегистрацией автотранспорта занимаются подразделения ГАИ, необходимо, чтобы все сведения о наличии ограничений или обременений на автотранспорт были у сотрудников ГАИ.

По нашему мнению, чтобы предупредить совершение мошеннических действий при купле-продаже залоговых автотранспортных средств, кредитному учреждению необходимо направлять уведомления о залоговом движимом имуществе в ОВД (ГАИ). В свою очередь, сотрудники ГАИ при перерегистрации автотранспортного средства могли бы сообщить покупателю о наличии залога на движимое имущество. В настоящее время сотрудники ГАИ получают сведения о запрете совершения регистрационных действий с автотранспортом при наличии судебного постановления, информации от службы судебных приставов либо от следственных органов.

Предлагаем на законодательном уровне ввести обязанность кредитного учреждения документально уведомлять ОВД (ГАИ) о возникновении залога на автотранспорт с указанием данных о его владельце [подробнее см.: 2, с. 95].

Однако следует отметить, что сведения о клиентах кредитного учреждения являются банковской тайной. В связи с этим необходимо дополнить ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности», в части обязанности кредитных учреждений предоставления в ГАИ сведений о залоговом движимом имуществе и о лицах, получивших кредит на приобретение движимого имущества либо заложивших движимое имущество в кредитном учреждении. В течение трех рабочих дней сведения о залоговом движимом имуществе должны быть переданы в ГАИ. Внесение дополнений в закон обеспечит предотвращение перерегистрации автотранспорта, находящегося в залоге у кредитных учреждений. Благодаря информационному взаимодействию кредитного учреждения с ОВД возникнут правовые барьеры регистрации сделок купли-продажи автотранспорта, находящегося в залоге.

Кроме того, из решений судов по фактам мошенничества в сфере купли-продажи автотранспорта, в том числе находящегося в обременении, обнаруживается, что стоимость автомобиля превышает 250 тыс. руб. В связи с этим предлагаем ввести законодательное регулирование заключения сделок купли-продажи автотранспортных средств, стоимость которых превышает 250 тыс. руб., и, по аналогии с государственной регистрацией недвижимого

имущества, осуществлять регистрацию договоров купли-продажи автотранспортных средств через государственные органы (многофункциональные центры государственных и муниципальных услуг или нотариальные конторы). Данная норма будет обеспечивать проверку совершаемых сделок купли-продажи автотранспорта, а также регулирование налоговых выплат. Безусловно, рассматриваемая норма имеет дискуссионный характер и требует дополнительной правовой проработки.

Таким образом, приходим к выводу о необходимости создания условий для обеспечения законности сделок купли-продажи автотранспорта и противодействия мошенничествам в данной сфере следующими способами:

– путем интегрирования информационных ресурсов кредитных организаций (по выданным автокредитам) в единый нотариальный реестр о движимом залоговом имуществе, АИС ФССП в ФИС ГИБДД-М;

– дополнения ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» в части обязанности кредитных учреждений предоставлять в ГАИ сведения о залоговом движимом имуществе и о лицах, получивших кредит на приобретение движимого имущества либо заложивших движимое имущество в кредитном учреждении;

– введения нормативного регулирования на сделки купли-продажи автотранспортных средств стоимостью свыше 250 тыс. руб.

Список источников

1. Никитенко И. В., Трубачев Н. А. К вопросу о совершенствовании уголовно-правовых мер ответственности за сокрытие или фальсификацию информации о потребительских свойствах товаров и услуг // Научный портал МВД России. 2023. № 1 (61). С. 59–64.
2. Велиев Я. П., Велиева Е. А. К вопросу об использовании электронного паспорта транспортного средства в качестве средства совершения мошенничества при оформлении сделки купли-продажи автомобиля // Актуальные проблемы юридической науки и практики: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2022. С. 93–98.

Информация об авторах

Я. П. Велиев – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел;

Е. А. Велиева – старший преподаватель кафедры «Управление процессами перевозок».

Information about the authors

Ya. P. Veliev – associate professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies;

E. A. Velieva – senior lecturer of the Department “Transport process technology and logistics”.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 21.03.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 04.04.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 31–39.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 31–39.

Научная статья
УДК 343.234

ВЛИЯНИЕ ВОЛИ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИМЕНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ВИНОВНОМУ

Николай Романович Шевелев

Юго-Западный государственный университет, Курск
jikod46@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3818-0209>

Аннотация. В статье предлагается нестандартный подход к оценке обстоятельств, смягчающих наказание виновному, – с позиций корреляции их с волей потерпевшего. Волеизъявление жертвы приобретает уголовно-правовое значение при применении п. «д», «е», «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Представлено авторское мнение о квалификации убийства из сострадания к безнадежно больному (эвтаназия), об особенностях оценки аморального или противоправного поведения потерпевшего и о разграничении с необходимой обороной. Предлагается расширить перечень обстоятельств, смягчающих наказание, пунктом, содержащим положительное мнение потерпевшего о назначении подсудимому нестрогого наказания.

Ключевые слова: потерпевший, свобода воли, наказание, эвтаназия

Для цитирования: Шевелев Н. Р. Влияние воли потерпевшего на применение обстоятельств, смягчающих наказание виновному // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 31–39.

Original article

THE INFLUENCE OF THE VICTIM'S WILL ON THE APPLICATION OF CIRCUMSTANCES MITIGATING PUNISHMENT TO THE PERPETRATOR

Nikolai R. Shevelev

Southwest State University, Kursk
jikod46@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-3818-0209>

Abstract. The article suggests a non-standard approach to assessing the circumstances mitigating the punishment of the perpetrator, from the standpoint of their correlation with the will of the victim. The victim's will acquires criminal legal significance when applying paragraphs "d", "e", "h" of Part 1 of Article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author's opinion is presented on the qualification of murder out of compassion for the terminally ill (euthanasia), the features of assessing the immoral or unlawful behavior of the victim and the distinction with the necessary defense. It is proposed to expand the list of circumstances mitigating punishment by a paragraph containing a positive opinion of the victim on the appointment of a minor punishment to the defendant.

Keywords: victim, free will, punishment, euthanasia

For citation: Shevelev N. R. The influence of the victim's Will on the application of circumstances mitigating punishment to the perpetrator // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov. 2025. 3 (72) : 31–39.

Вопрос свободы воли, являясь в большей мере философской категорией, в последнее время все чаще становится предметом научных исследований юристов. Специалисты в области общей теории права рассматривают данную дефиницию с позиций соотношения с конформизмом [1], свободой выбора [2], детерминизма и индетерминизма [3]. Имеют место отдельные исследования в области трудового права [4], гражданского права [5], уголовного права [6; 7] и других отраслей. В уголовно-правовых исследованиях свобода воли в большей степени изучается с точки зрения свободы действий лица, совершившего преступление*. Однако потерпевший как участник уголовно-правовых отношений, также имея возможность выбора варианта поведения (в некоторых случаях), своим волеизъявлением может влиять и на конечную квалификацию преступления, и на возможность освобождения виновного от уголовной ответственности. Однако при более детальном рассмотрении воля потерпевшего приобретает юридическое значение и при назначении наказания виновному, в частности при учете обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание.

Законодатель не отражает волеизъявление потерпевшего как юридически значимое обстоятельство, влияющее на снижение размера наказания виновному. Волеизъявление выражается через действия, поэтому мотив сострадания (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ), физическое или психическое принуждение, материальная, служебная или иная зависимость виновного (п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ), противоправность или аморальность поведения потерпевшего (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ) признаются обстоятельствами, смягчающими наказание, где реализация воли потерпевшего через поступки может иметь значение. При указанных обстоятельствах виновное лицо действует в условиях ограниченности выбора варианта поведения. И такая «ограниченность» спровоцирована волевым поведением потерпевшего. Условно данные обстоятельства с позиций свободы воли потерпевшего можно разделить на две группы: очевидные и косвенные. Первая группа – мотив сострадания как обстоятельство, смягчающее наказание. На практике такие случаи сопровождаются просьбой потерпевшего совершить незаконные действия, т. е. согласие потерпевшего на причинение вреда конкретизировано и относится к определенному действию, имеет ясно выраженный характер. Вторая группа ограничивает волю обвиняемого ввиду отрицательного поведения в форме провоцирующих действий в адрес виновного. Иными словами, вторая группа обстоятельств – это ситуации, когда свобода воли виновного ограничена свободой воли потерпевшего. Подобное волеизъявление потерпевшего не конкретизировано, не нацелено на получение конкретного результата. Однако выбор варианта поведения со стороны виновного имеет некий предопределяющий характер.

Рассмотрим первую группу обстоятельств. Наиболее ярким примером является эвтаназия. Представить иное преступление, кроме умышленного причинения смерти, по данному мотиву невозможно. На практике сложились три подхода к квалификации и назначению наказания за убийство из сострадания к физическим мучениям безнадежно больного человека по его просьбе (эвтаназия): либо по ч. 1 ст. 105 УК РФ с учетом при назначении наказания п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ, либо по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ с применением п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ, либо по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ без учета положений п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Чаще такого рода убийства оцениваются с учетом п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ по ч. 1 ст. 105 УК РФ**, несмотря на то, что безнадежно больной человек, как правило, является беспомощным, что должно было бы влечь ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Лишь исклю-

* Шевелева С. В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 403 с.

** См., напр.: апелляционное определение № 22–3569/2014 от 18.12.2014 по уголовному делу № 22–3569/2014. Тюменский областной суд (Тюменская область). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2023).

чение мотива сострадания является основанием переквалификации. Иными словами, *мотив сострадания вступает в противоречие с отягчающим обстоятельством, предусмотренным п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ**. Однако суды не всегда дают юридическую оценку данному мотиву. Так, С. признан виновным в убийстве своего отца, находившегося в беспомощном состоянии в силу длительной болезни. В приговоре последовательно приводятся данные, свидетельствующие о его беспомощном состоянии, однако оценка мотива совершения преступления не дана**, тогда как в силу положений ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать не только описание преступного деяния с указанием времени, места, способа, формы вины, но и мотивов совершения преступления.

Следует отметить, что неучет мотива совершения преступления довольно часто судами игнорируется при вынесении наказания. Так, Н.А. убил своего брата В.А. Последний на охоте случайно выстрелил себе в голову. Понимая, что брат не выживет и донести его до больницы не получится, Н.А. дважды выстрелил ему в грудь, чтобы прекратить страдания брата. Суд назначил наказание в виде 8 лет лишения свободы и не учел п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Надзорная инстанция снизила наказание до 6 лет лишения свободы, исправив ошибку суда первой инстанции***.

В практике встречаются решения с квалификацией по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ и признания смягчающего наказания обстоятельства – мотива сострадания. Так, Л. убил свою супругу, страдавшую онкологическим заболеванием, после того, как она попросила его избавить ее от мучений. Суд признал наличие мотива сострадания, при этом указал, что потерпевшая не могла передвигаться и, следовательно, оказать сопротивление. Мотив сострадания судом был учтен как исключительное обстоятельство, и на основании ст. 64 УК РФ Л. было назначено наказание в виде 4 лет лишения свободы****. Нельзя согласиться с подобным подходом. Беспомощность как квалифицирующий признак убийства характеризуется неспособностью потерпевшего в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление*****, но в случае эвтаназии, потерпевший не желает себя защищать, не желает оказывать сопротивление.

Ряд авторов указывают на пробельность уголовного закона в данном вопросе и предлагают квалифицировать подобные убийства по ч. 1 ст. 105 УК РФ [8], что заслуживает поддержки. Проблема квалификации убийства из сострадания не нашла своего отражения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Ее решение возможно путем указания мотива сострадания как фактора, позволяющего квалифицировать действия виновного по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Проектируемо п. 4 данного постановления можно сформулировать следующим образом: «По ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 106, 107 и 108 УК РФ (например, в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, **из сострадания при наличии высказанной просьбы потерпевшего**, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений).

Вторая группа обстоятельств более обширна и заслуживает детального изучения.

* См., напр.: приговор № 2–26/2019 от 27.12.2019 по уголовному делу № 2–26/2019. Забайкальский краевой суд (Забайкальский край). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 05.01.2023).

** Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго апелляционного суда (г. Санкт-Петербург). Дело № 55–489/2023 от 15.11.2023. URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 29.12.2024).

*** Апелляционное определение Иркутского областного суда. Дело № 11–544/1999. URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 29.12.2024).

**** Приговор Курганского областного суда от 27.12.2017 по уголовному делу № 2–29/2017. URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения 29.12.2024)

***** Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 (ред. от 03.03.2015) № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)».

Противоправность или аморальность поведения потерпевшего как некое провоцирующее поведение может быть катализатором к совершению преступления. Термин «противоправность» не вызывает какой-либо сложности в толковании, дефиниция «аморальность» по-разному понимается как в теории, так и на практике.

В доктринальных источниках указывается, что аморальность – антипод свойства моральности [9], синонимизируется с безнравственным поведением [10, с. 19]. Стоит поддержать Э.Л. Сидоренко в том, что отрицательное поведение потерпевшего не всегда должно учитываться как обстоятельство, смягчающее наказание. В частности, нельзя расценивать «вольность», «раскованность» поведения женщины перед изнасилованием, т. к. подобное поведение «уравнивает» права мужчин и женщин на регулирование интимных отношений. «Указание на данное обстоятельство в приговоре воспринимается как частичное признание государством самых циничных представлений о жертве» [11, с. 231]. Состояние опьянения также само по себе не может быть характеристикой аморального поведения жертвы. Полагаем, *только агрессивные, провоцирующие поведенческие акты со стороны потерпевшего должны учитываться в качестве смягчающего обстоятельства.*

К сожалению, суды не всегда принимают во внимание аморальное поведение, более того, не во всех случаях дается юридическая оценка противоправного поведения жертвы. Так, суд не учел поведение потерпевшего, который «в состоянии алкогольного опьянения вел себя агрессивно, вызывая, конфликтовал с другими посетителями, на замечания не реагировал, его поведение не соответствовало нормам морали и правилам поведения в обществе»*. В другом деле об убийстве было указано, что потерпевший вел себя агрессивно – крики, нецензурная брань, оскорбления, угрозы расправой – в отношении осужденного**. Однако следует подчеркнуть, что приведенные выше примеры – это исправленные ошибки вышестоящими судами в приговорах судов первой инстанции.

Еще одна проблема связана с временным разрывом между поведением жертвы и совершенным в отношении нее преступлением. Так, М. был осужден за убийство А. Суд первой инстанции, назначая наказание, учел противоправное поведение потерпевшего, явившееся поводом к совершению преступления, т. к. перед убийством потерпевший А. нанес М. удары руками и кочергой в область головы. Апелляционная инстанция отменила данный приговор, указав, что после того, как потерпевший нанес удары осужденному, он вышел из комнаты, а М. остался, хотя имел возможность покинуть помещение, взял в руку нож и стал дожидаться А. Через небольшое время А. вернулся, конфликт продолжился словесно. При высказывании угрозы убийством в адрес М. потерпевший А. никаких противоправных действий не осуществлял, поэтому апелляционная инстанция пришла к выводу, что в момент совершения преступления потерпевший аморальных и противоправных поступков, явившихся поводом к совершению преступления, не совершил. Дело было направлено на новое рассмотрение***. Данное решение вызывает недоумение: противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ), не подразумевает, что такое поведение должно быть именно в момент совершения уголовно наказуемого деликта. В представленном примере потерпевший бил виновного, что не отрицается, но в «вину» потерпевшему поставлено то, что он не покинул место ссоры. Такое же «обвинение» можно было предъявить и потерпевшему: если состоялся конфликт, он избил М., ушел, но потом вернулся, следовательно, его противоправность (или аморальность)

* Апелляционное определение Московского городского суда от 07.02.2018 по делу № 10–445/2018. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 27.08.2020 по делу № 221288/2020. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

*** Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда (г. Владивосток). Дело № 22–6468/2023 от 14.12.2023. URL: <https://судебныерешения.рф/79528395#decision> (дата обращения: 29.12.2024).

поведения заключалась в продолжении конфликта, при том что потерпевший высказывал угрозы убийством в адрес виновного.

Полагаем, *противоправность или аморальность поведения потерпевшего должна быть взаимосвязана с последующими преступными действиями виновного, но это не означает, что аморальные или противоправные действия должны осуществляться непосредственно в момент посягательства. Вариативность поведения виновного должна быть сужена. Если у виновного в полном объеме сохраняется возможность выбора варианта поведения, указанное обстоятельство учитывать нельзя.* Подобный подход можно обнаружить в апелляционном приговоре Саратовского областного суда. Я. осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ. В качестве смягчающего обстоятельства учтено противоправное поведение потерпевшего. В вечернее время к дому Я. приехал потерпевший Г. с друзьями требовать возврат долга брата виновного. В ходе разговора потерпевший «вел себя вызывающе, выражался нецензурной бранью», но непосредственно в момент нанесения удара ножом пытался убежать, что и послужило основанием непризнания в действиях Я. необходимой обороны. Если рассуждать в ключе предыдущего решения, то непосредственно в момент совершения преступления аморальных или противоправных действий потерпевший Г. не совершил, однако Саратовский областной суд, на наш взгляд, совершенно обоснованно, учел п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание*.

Аналогичный вывод следует из апелляционного приговора Белгородского областного суда. О. признан виновным по п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ. Потерпевший Б. начал во дворе дома ссору с О. В ходе ссоры он ударил его палкой, после чего О. взял в машине канцелярский нож и ударил потерпевшего по руке, причинив два резаных ранения. Суд признал в качестве смягчающего обстоятельства противоправность действий потерпевшего, выразившегося в нанесении побоев**.

Сходную позицию занял Президиум Верховного Суда РФ в рамках надзорной жалобы осужденного К., который убил братьев А. после того, как узнал, что они изнасиловали его сестру. «Несмотря на установленные по делу обстоятельства, свидетельствующие о противоправности поведения потерпевших, при назначении наказания суд указал на отсутствие обстоятельств, смягчающих наказание ... поводом для совершения К. преступления в отношении братьев А. явилось противоправное поведение потерпевших в отношении его сестры. Указанное обстоятельство, предусмотренное п. "з" ч. 1 ст. 61 УК РФ, уменьшает степень общественной опасности содеянного К. и его личности и должно быть учтено судом при назначении наказания»***.

Следует отметить, что рассматриваемое обстоятельство, смягчающее наказание виновному, довольно часто «конкурирует» с так называемой необходимой обороной. Данный институт интересен с позиций разграничения с аморальным (или противоправным) поведением потерпевшего. Так, Д. убила С. ножом, который смогла отобрать у потерпевшего. Суд не усмотрел нарушений условий правомерности необходимой обороны, т. к. «необходимость применения таких мер защиты явно отсутствовала». При этом показания Д. о том, что «С. на почве ревности стал ее оскорблять, ударил по лицу, высказывал угрозу убийством, размахивая в ее сторону ножом. Нож из его руки она выбила, толкнула потерпевшего, после чего, лежащему на полу пыталась ограничить доступ воздуха в районе шеи, желая тем самым обезвредить его. Он отбивался, продолжал ее оскорблять, и она, опасаясь за себя, увидев нож, нанесла им С. неоднократные удары в область головы и шеи, отчего наступила его смерть», не опровергнуты. Представляется, действиям Д. дана неверная юридическая оценка. Виновная

* Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Саратовского областного суда № 22–3046/2023 от 27.11.2023. URL: <https://судебныерешения.рф/79150405> (дата обращения: 29.12.2024).

** Апелляционный приговор Белгородского областного суда № 22–1418/2023 от 06.12.2023. URL: <https://судебныерешения.рф/78932510> (дата обращения: 29.12.2024).

*** Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 10.

действовала в условиях нарушения правомерности необходимой обороны, но не ввиду противоправности поведения потерпевшего*. Представленный пример с позиций свободы воли потерпевшего позволяет сформулировать следующий тезис: при необходимой обороне (или ее превышении) ограничивается свобода воли потерпевшего: он вынужден действовать. Вариативность выбора поведения виновного сохраняется в полном объеме.

Неправомерное поведение потерпевшего может выражаться в нападении на будущего преступника, который вынужден предпринимать соответствующие действия. Однако суды не придают данному факту существенного значения. Так, Верховным Судом РФ отменены решения нижестоящих инстанций в отношении К., который был признан виновным в убийстве. В ночное время в дом К., находящийся на территории СНТ, ворвалась группа людей. Нападавшие были в состоянии сильного алкогольного опьянения, высказывали угрозы убийством, вели себя агрессивно, кто-то из них распылил газовый баллончик, напали на его брата, потерпевший Д. ударил по голове осужденного К., после чего тот стал отмахиваться попавшимся случайно топором, чем причинил Д. смертельные ранения. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что суд апелляционной инстанции не признал наличие у К. смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а также, что судом не приняты во внимание разъяснения, данные в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»**. Высшая судебная инстанция не придавала значения тому, что в случае нарушения условий правомерности необходимой обороны, должен применяться пункт «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а не пункт «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Сходные выводы содержатся в решениях, в апелляционных определениях судов, где речь идет о необходимой обороне, но указывается на отсутствие указания в мотивировочной части приговора на п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ (противоправное поведение потерпевшего)***.

По сути, пункт «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ отчасти пересекается с п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, т. к. нападение (обязательное условие необходимой обороны) всегда является противоправным. Полагаем «водораздел» данных обстоятельств, смягчающих наказание, необходимо производить методом от противного: *если противоправность поведения потерпевшего была выражена нападением на виновного, то должен учитываться пункт «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ*.

Пункт «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ – «совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости» – лишь отчасти имеет отношение к исследуемому вопросу. Анализ более 200 уголовных дел, где при назначении наказания учитывалось рассматриваемое обстоятельство, показал, что ни в одном из исследованных уголовных дел принуждение либо использование служебной (или иной) зависимости не исходило от потерпевшего. На практике принуждение, под воздействием которого совершается преступление, чаще исходит от соучастников****, либо служебная зависимость соучастника облегчает совершение преступлений*****. Так, группа из 8 человек с особой жесткостью избила потерпевшего, в результате чего он скончался. М. и С.

* Апелляционное определение Белгородского областного суда. Дело № 22–923/2023 от 02.08.2023. URL: <https://судебныерешения.рф/77123571>.

** Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.06.2022 № 67-УД22–6-К8 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 5.

*** Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Санкт-Петербургского городского суда. Дело № 22–2639/2023 от 15.05.2023. URL: <https://судебныерешения.рф/75323992> (дата обращения: 30.12.2024).

**** См., напр.: кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.09.2024 № 41-УД24–39СП-А3; апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 03.10.2018 № 4-АПУ18–31. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

***** Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.06.2023 № 127-УДП23–6-К4. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

посредством угроз заставляли других виновных в избиении удерживать потерпевшего за руки и ноги. Суд признал в качестве смягчающего обстоятельства совершение преступления в результате психического принуждения и при назначении наказания учел положения п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ*. В данном вопросе имеет значение лишь факт непризнания либо учета данного обстоятельства в качестве смягчающего, когда подобный способ избран в качестве основного для вовлечения в число соучастников. Так, совершенно справедливо суд не признал в действиях Т. совершения преступления в результате принуждения. Т. совместно с А. совершили убийство. Когда потерпевший находился в ванной, А. нанес ему первый удар ножом, после чего позвал Т., передал ему нож и сказал, чтобы тот тоже нанес удар. Если не сделает этого, то А. его зарежет. Т. сделал так, как сказал ему А. Суд отметил, что в момент нахождения ножа в руках Т., последний мог покинуть ванную комнату и не продолжать нанесение ударов потерпевшему, однако этого не сделал, следовательно, принуждения со стороны А. в отношении Т. не было, и это способ вовлечения в совершение убийства**.

В правоприменительной практике имеет место учет мнения потерпевшего как смягчающего обстоятельства при назначении наказания, что заслуживает поддержки. Если в резолютивной части приговора указывается «мнение потерпевшего о назначении подсудимому нестрогого наказания», то в большинстве случаев установлены иные смягчающие обстоятельства, подтверждающие положительное отношение к дальнейшей судьбе виновного: «действия, направленные на заглаживание вреда, выразившиеся в принесении извинений потерпевшему, добровольное возмещение ущерба, причиненного преступлением, выразившееся в передаче денежных средств потерпевшему»***; «частичное добровольное в размере 30 000 рублей возмещение материального ущерба, причиненного преступлением»****, «добровольное возмещение имущественного ущерба»***** и т. д. Указанные действия совершает виновный, на основе чего формируется мнение потерпевшего. Однако при наличии процессуальной фигуры потерпевшего суды далеко не всегда выясняют его отношение к объему ответственности «обидчика». Он может простить его в силу иных мотивов: жалости, прощения, не сопровождаемых положительными посткриминальными поступками со стороны виновного, дружеских или родственных связей и т. д. Несмотря на открытый перечень смягчающих наказание обстоятельств, суды редко «выходят» за пределы данного перечня, устанавливая иные смягчающие обстоятельства. Представляется, что мнение потерпевшего имеет важное социально-правовое значение. В ходе проведенного анкетирования среди судей был задан вопрос: «Следует ли учитывать положительное мнение потерпевшего в качестве обстоятельства, смягчающего наказание виновному?», на который 98 % опрошенных дали положительный ответ*****. Полагаем, перечень обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 61 УК РФ, целесообразно дополнить следующим обстоятельством: «мнение потерпевшего о назначении подсудимому нестрогого наказания».

Итак, в целях усиления уголовно-правовой охраны прав потерпевших и конкретизации практики применения норм на основе учета воли потерпевшего, предложены следующие уточнения.

* Приговор Курганского областного суда от 12.05.2021 по делу № 2–2/2021. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 49-АПУ15–20. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

*** Приговор № 1–58/2024 от 26.07.2024 по делу № 1–58/2024. Верхнекамский районный суд (Кировская область). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 09.03.2025).

**** Приговор № 1–229/2024 от 15.07.2024 по делу № 1–229/2024. Тагилстроевский районный суд г. Нижнего Тагила (Свердловская область). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 09.03.2025).

***** Приговор № 1–126/2024 от 03.07.2024 по делу № 1–126/2024. Саракташский районный суд (Оренбургская область). URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 09.03.2025).

***** Опрошено 158 федеральных судей Курской, Орловской, Брянской, Воронежской областей.

Для формирования единообразной практики при квалификации и назначении наказания за убийство из сострадания (эвтаназия) пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» сформулировать следующим образом: «По ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без квалифицирующих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 106, 107 и 108 УК РФ (например, в ссоре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, *из сострадания при наличии высказанной просьбы потерпевшего*, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений)».

Для уточнения правил учета, отягчающих и смягчающих наказание обстоятельств, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» предусмотреть следующие разъяснения.

Пункт 29.1 – «Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом к совершению преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ), должна быть взаимосвязана с последующими преступными действиями виновного, что не означает, что аморальные или противоправные действия должны осуществляться непосредственно в момент посягательства».

Пункт 29.2 – «Разграничение положений, предусмотренных п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ и п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, должно осуществляться с учетом поведения потерпевшего. Если противоправность поведения потерпевшего была выражена нападением на виновного, то должен учитываться пункт «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ».

Пункт 29.3 – «Положения п. «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ не учитываются, если принуждение к совершению преступления было избрано в качестве способа вовлечения соучастника при наличии у последнего реальной возможности избежать совершения преступления».

Обоснован вывод о необходимости дополнения ч. 1 ст. 61 УК РФ п. «л» следующего содержания: «мнение потерпевшего о назначении подсудимому нестрогого наказания».

Список источников

1. Келлер В. Г. Свобода воли и конформизм: меньшей вере в свободу воли соответствует большая склонность к конформизму // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 3. С. 106–111. DOI 10.25206/2542-0488-2019-4-3-106-111.
2. Курлюта А., Левина И. Л. О проблеме свободы воли и свободы выбора // Вестник Кузбасской православной духовной семинарии. 2016. № 2. С. 217–232.
3. Ноговицын О. М. Свобода действия и свобода воли // EINA1: Философия. Религия. Культура. 2016. Т. 5, № 1–2(9–10). С. 71–79.
4. Мхитарян А. С. Свобода воли и свобода труда: философско-юридическое обоснование исторического материализма для определения объекта трудовых правоотношений // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 421–429.
5. Манджиев А. Д. Свобода договора как частное проявление свободы воли в гражданском праве // Законодательство. 2014. № 9. С. 20–28.
6. Петин И. А. Значение идей свободы воли, поведения и детерминизма в уголовном праве: психологические аспекты // Адвокатская практика. 2011. № 2. С. 33–36.
7. Шевелева С. В. Влияние идей детерминизма и индетерминизма на формирование концепта свободы воли в уголовном праве // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 3–4. С. 343–353. DOI 10.7256/2310-8681.2014.4.15429.
8. Горбатова М. А., Щипанова Н. И. Ответственность за убийство из сострадания: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2019. Т. 19, № 3. С. 22–27. DOI 10.14529/law190304.
9. Григорьев П. А. Моральные категории в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5.
10. Минская В. С. Криминологическое и уголовно-правовое значение поведения потерпевших // Вопросы борьбы с преступностью. 1970. Вып. 16.
11. Сидоренко Э. А. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.

Информация об авторе

Н. Р. Шевелев – аспирант кафедры уголовного права.

Information about the author

N. R. Shevelev – postgraduate of the Department of Criminal Law.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 11.04.2025.

The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 11.04.2025; accepted for publication 11.04.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 40–46.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 40–46.

Научная статья

УДК 343.5

ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЕ СЕТИ В СТРУКТУРЕ ЭЛЕМЕНТОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ 150–151 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Айдар Наилевич Сунгатуллин

Казанский юридический институт МВД России, Казань

ansngtx@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9568-8414>

Аннотация. Данная работа посвящена исследованию информационно-телекоммуникационных сетей, используемых непосредственно при посягательстве на объект уголовно-правовой охраны, как признака объективной стороны состава преступления. Цель исследования состоит в том, чтобы определить место информационно-телекоммуникационных сетей в структуре объективной стороны состава преступления на примере судебной практики по ст. 150–151 УК РФ с опорой на уголовно-правовую доктрину. Установлено, что в правовой доктрине отсутствует единообразие относительно того, является ли исследуемый признак средством совершения преступлений или способом их совершения. Использование информационно-телекоммуникационных сетей по определению не является противоправным, а способы, применяемые при совершении преступлений с их использованием, как правило, уточняются правоприменителем отдельно. Из этого следует, что информационно-телекоммуникационные сети в структуре элементов объективной стороны состава преступления выступают средством его совершения. Отнесение данного признака к числу способов совершения преступления представляется ошибочным.

Ключевые слова: антиобщественные действия, информационно-телекоммуникационные сети, вовлечение, несовершеннолетние, объективная сторона, способ совершения преступления, средства совершения преступления

Для цитирования: Сунгатуллин А. Н. Информационно-телекоммуникационные сети в структуре элементов объективной стороны состава преступления (на примере статей 150–151 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 40–46.

Original article

INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS IN THE STRUCTURE OF ELEMENTS OF THE OBJECTIVE SIDE OF THE BODY OF CRIME (ON THE EXAMPLE OF ARTICLES 150–151 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Aydar N. Sungatullin

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan
ansngtx@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-9568-8414>

Abstract. This paper is devoted to the study of information and telecommunication networks used directly when encroaching on an object of criminal legal protection as a sign of the objective side of the body of crime. The purpose of the study is to determine the place of information and telecommunication networks in the structure of the objective side of the crime using the example of judicial practice under Articles 150–151 of the Criminal Code of the Russian Federation based on the criminal law doctrine. It has been established that there is no uniformity in the legal doctrine as to whether the investigated feature is a means of committing crimes or a method of committing them. The use of information and telecommunication networks, by definition, is not illegal, and the methods used to commit crimes using them are, as a rule, specified separately by the law enforcer. It follows from this that information and telecommunications networks in the structure of the elements of the objective side of the body of crime are a means of committing it. Attributing this feature to the number of methods of committing a crime seems erroneous.

Keywords: antisocial actions, information and telecommunication networks, involvement, minors, objective side, method of committing a crime, means of committing a crime

For citation: Sungatullin A. N. Information and telecommunication networks in the structure of elements of the objective side of the body of crime (on the example of articles 150–151 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 40–46.

Информационно-телекоммуникационные сети (далее – ИТС) являются одной из основ цифровой трансформации общества, объединяющей сеть Интернет, мобильные и спутниковые системы передачи данных. Активное развитие ИТС обусловлено ростом интернет-пользователей, расширением сетей 5G, увеличением как государственного, так и частного финансирования цифровой инфраструктуры и многими другими факторами.

Разумеется, вышеуказанное не всегда рассматривается с положительных позиций. Всепроницающее влияние информационных технологий во многие социальные процессы стало одной из причин снижения уровня живого общения. Следует отметить, что негативное содержание информационно-телекоммуникационных технологий не исчерпывается разобщением общества, а приобретает более губительные формы их использования в криминальном направлении. По официальным данным МВД России, за 2024 г. зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. Указанное обстоятельство определяет необходимость приспособления уголовного законодательства к условиям цифровой трансформации общества.

Законодатель, в свою очередь, озаботился данным вопросом и не только обеспечил уголовно-правовую охрану информационно-телекоммуникационных сетей как основного непосредственного объекта (например, ст. 274 УК РФ) и дополнительного непосредственного

объекта (например, ст. 159⁶ УК РФ), но также предпринял меры к повышению степени защиты разнородных общественных отношений от преступных посягательств, совершаемых с использованием названных сетей.

Во-первых, публичная демонстрация умышленного преступления в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет) относится к числу обстоятельств, отягчающих наказание (п. «т» ст. 63 УК РФ). Кроме того, такая демонстрация относится к числу альтернативных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, а также в качестве квалифицирующего для 12 составов преступлений (п. «о» ч. 2 ст. 105, п. «и» ч. 2 ст. 111, п. «и» ч. 2 ст. 112, п. «д» ч. 2 ст. 115, п. «и» ч. 2 ст. 117, п. «в» ч. 2 ст. 119, п. «и» ч. 2 ст. 126, п. «з» ч. 2 ст. 127, п. «е» ч. 2 ст. 127.2, п. «г» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 258¹, п. «б» ч. 3 ст. 260¹ УК РФ). Во всех перечисленных случаях информационно-телекоммуникационные сети только сопровождают преступление, транслируя его в цифровое пространство. Признак публичности является самостоятельным признаком объективной стороны преступления.

Во-вторых, использование информационно-телекоммуникационных сетей при осуществлении объективной стороны посягательства непосредственно на объект уголовно-правовой охраны криминализировано для целей ст. 171², 185³, 282 УК РФ, а в качестве квалифицирующего признака выделено в рамках 30 составов преступлений (п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 2 ст. 110¹, ч. 2 ст. 110², ч. 2 ст. 128¹, п. «б» ч. 3 ст. 133, ч. 3 ст. 137, п. «б» ч. 2 ст. 150, п. «б» ч. 2 ст. 151, п. «в» ч. 2 ст. 151², ч. 2 ст. 205², п. «в» ч. 3, п. «в» ч. 5 ст. 222, п. «в» ч. 3, п. «в» ч. 5 ст. 222¹, п. «в» ч. 3, п. «в» ч. 5 ст. 222², п. «б» ч. 2 ст. 228¹, п. «д» ч. 2 ст. 230, ч. 11 ст. 238¹, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242¹, п. «г» ч. 2 ст. 242², ч. 1¹ ст. 258¹, ч. 2 ст. 260¹, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280¹, п. «в» ч. 2 ст. 280⁴, п. «д» ч. 2 ст. 322¹, п. «в» ч. 2, ч. 4 ст. 354¹ УК РФ). Вопросы определения места именно данного признака в структуре объективной стороны состава преступления лежат в основе настоящего исследования.

Расширение возможностей информационно-телекоммуникационных сетей, способствующих преступным посягательствам, объясняет тенденцию к постоянному расширению указанного выше перечня. Между тем, как пишет Е. А. Рускевич, «не всякое применение информационных технологий (например, Интернет) влияет на степень общественной опасности деяния» [1, с. 77], имея в виду, что их использование должно не только осложнять выявление и раскрытие преступления, но также существенно облегчать его совершение.

Спустя несколько месяцев после вступления в силу изменений, внесенных в ст. 150 УК РФ Федеральным законом от 29 мая 2024 г. № 111-ФЗ, Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ была усилена уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий посредством информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Необходимость введения данного признака в числе прочих, также внесенных в указанные статьи Уголовного кодекса, была аргументирована нами ранее [2, с. 67–68].

Информационно-телекоммуникационные сети, используемые при совершении преступления, являются признаком объективной стороны перечисленных преступлений. Вместе с тем в доктрине уголовного права остро стоит вопрос о том, какой именно признак отражают названные сети: средство или способ совершения преступления? Некоторые исследователи говорят о том, что: «использование сети Интернет или других информационно-телекоммуникационных сетей является одним из возможных способов совершения соответствующих преступлений» [3, с. 16]. Между тем М. А. Ефремова небезосновательно полагает, что «в системе признаков объективной стороны ИТС выступают средством совершения преступления» [4, с. 105].

Для того, чтобы разобраться в данном вопросе, необходимо уяснить сущность способов и средств совершения преступления. В отсутствие нормативного определения этих терминов обратимся к уголовно-правовой доктрине.

Юридическая наука изобилует различными определениями способа совершения преступления. Не вдаваясь в подробности разночтений, отметим, что понимание этой категории в доктрине находится далеко за гранью понимания средств совершения преступления. Бесспорно суждение о том, что способ «характеризует преступное действие (бездействие) с точки зрения порядка, последовательности методов, приемов и движений, применяемых при его осуществлении, а также избирательно используемых при этом средств совершения преступления» [5, с. 50].

Средство совершения преступления – категория более примитивная, чем способ, однако это не определяет единообразное ее понимание. Ключевым разногласием в контексте нашего исследования выступает материальное выражение названного признака объективной стороны преступления. В этом смысле, как считает А. Б. Чугунов, средства совершения преступлений могут воплощаться лишь в виде предметов материального мира [6, с. 101].

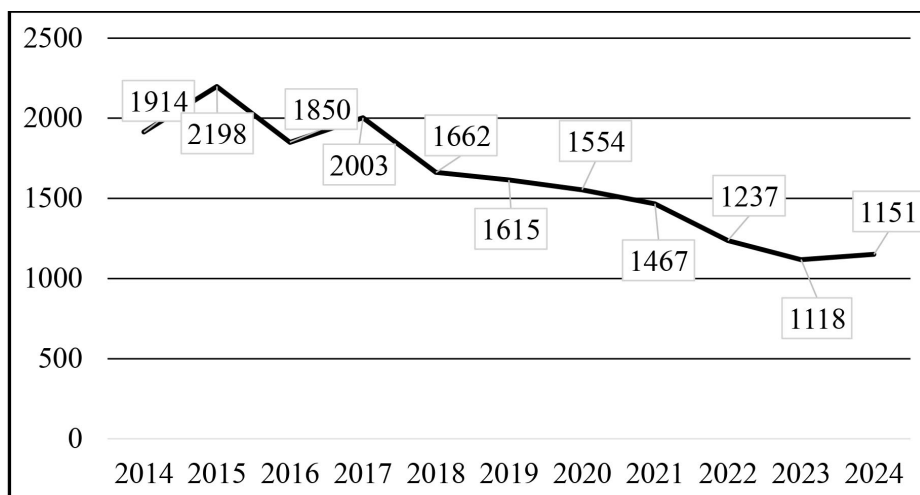
Некоторые исследователи, хотя и не утверждая этого, при перечислении средств совершения преступления обращаются лишь к о вещественным предметам [см., напр., 7, с. 54; 8, с. 144]. Другие ученые допускают возможность обладания средства совершения преступления неосознаваемым характером [см., напр., 9, с. 24; 10, с. 26].

В чем правоведы пришли к консенсусу, так это в том, что средство совершения преступления способствует наступлению преступного результата, но, в отличие от орудий, непосредственно не воздействуя на объект посягательства [см. подроб.: 11, с. 25].

Вопрос о том, являются ли информационно-телекоммуникационные сети средством, либо их использование выступает способом совершения преступления, требует наглядного разрешения. В качестве примеров ниже будут представлены выдержки из материалов судебной практики по ст. 150–151 УК РФ. Высокая актуальность вопросов совершенствования указанных статей подтверждается, в частности, активизацией деятельности субъектов законодательной инициативы в данной области, а также повышенным интересом общественности к этим вопросам. Кроме того, выбор именно данных норм для примера произведен не случайно. Несовершеннолетние лица ощущают себя комфортно и в известной степени свободно при веб-серфинге и общении в информационно-телекоммуникационных сетях. Самонадеянность подростков снижает их бдительность, а значит, делает несовершеннолетних привлекательной целью для преступников.

Между тем, несмотря на общую тенденцию к снижению количества зарегистрированных преступлений, обеспечивающую удовлетворительные статистические показатели (см. диаграмму), вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений и антиобщественных действий по-прежнему остается серьезной проблемой.

Количество зарегистрированных в 2014–2023 гг. преступлений, предусмотренных ст. 150–151 УК РФ

В традициях материалистической диалектики снижение количества фактов совершения преступлений «компенсируется» их качественной трансформацией. Это обстоятельство четко прослеживается при исследовании фактов вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений.

Так, 11 сентября 2024 г. двое подростков подожгли вертолет в аэропорту г. Ноябрьск. Им было обещано денежное вознаграждение*. Спустя десять дней, в другом сибирском городе двое 16-летних подростков с помощью коктейля Молотова подожгли вертолет. За это интернет-собеседник обещал им вознаграждение в размере 20 тыс. дол.** С 26 октября по 8 ноября 2024 г. двое подростков из корыстных побуждений совершили поджоги базовых станций подвижной радиосвязи на территории Пензы***. В конце ноября 2024 г. в Кирове было возбуждено уголовное дело в отношении женщины, вовлекшей в совершение кражи двух подростков, которые из пункта выдачи похитили имущество на сумму более 100 тыс. руб.****

Даже, казалось бы, такой поверхностный контент-анализ информации в СМИ за последний календарный год показывает, что такие преступления приобретают более опасный характер, а также влекут наступление более тяжких последствий.

Примечательным нам кажется тот факт, что во многих исследованиях, посвященных ст. 150–151 УК РФ, ИТС рассматриваются именно как способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений и антиобщественных действий [см., напр., 12; 13]. Это представляется, по меньшей мере, спорным заключением.

Возвращаясь к основному вопросу нашего исследования, обратим внимание на то, как правоприменитель описывает использование информационно-телекоммуникационных сетей при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий.

Так, согласно приговору Карпинского городского суда Свердловской области от 29 октября 2020 г., гр. Ж. вовлек несовершеннолетнего А. в совершение антиобщественных действий, а именно в систематическое употребление спиртосодержащей продукции. Ж., используя Интернет, в социальной сети «ВКонтакте» написал сообщение несовершеннолетнему лицу с предложением о совместном распитии спиртного. Указывается, что виновный совершил преступление, предусмотренное ст. 151 УК РФ, «используя свой авторитет и доверие к нему, путем уговоров»*****.

Другой пример. Согласно приговору Норильского городского суда Красноярского края от 22 июня 2022 г., гр. Г., владелец интернет-магазина на платформе мессенджера Telegram предложил несовершеннолетнему М., ранее приобретавшему у него наркотические средства, вступить в организованную группу в качестве курьера-закладчика. Согласившись на предложение Г., несовершеннолетний М. подтвердил свое намерение незаконно заработать, отправив названному лицу фотографию с паспортом в руках, а также денежный залог. Затем несовершеннолетний С., используя совместно с М. одну учетную запись в названном мессенджере, обратился к Г. за работой, на что получил указание прислать фотографию с паспортом в руках. Обладая информацией о несовершеннолетнем возрасте М. и С., указанный гражданин путем обещания денежного вознаграждения вовлек их в преступную группу и в совершение особо тяжкого преступления*****.

* В аэропорту Ноябрьска, где школьники сожгли вертолет, усилят меры безопасности // ТАСС. 12 сен. 2024 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21849995> (дата обращения: 10.03.2025).

** В Омской области два подростка подожгли вертолет // ТАСС. 23 сен. 2024 г. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/21934891> (дата обращения: 10.03.2025).

*** В Пензенской области на двух подростков завели дело о теракте // ТАСС. 19 нояб. 2024 г. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/22443533> (дата обращения: 10.03.2025).

**** В Кирове женщина привлекла детей к хищению товаров из пункта выдачи // ТАСС. 20 нояб. 2024 г. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/22453885> (дата обращения: 10.03.2025).

***** Приговор Карпинского городского суда Свердловской области по делу № 1–147/2020 от 19.10.2020. URL: <https://судебныерешения.рф/51898206>.

***** Приговор Норильского городского суда Красноярского края по делу № 1–240/2022 от 22.06.2022. URL: <https://судебныерешения.рф/71296012>.

Согласно апелляционному определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Адыгея от 27 ноября 2023 г., при осмотре телефонов, изъятых у гр. Х., была обнаружена переписка с пользователем мессенджера Telegram несовершеннолетней К. Из содержания переписки было установлено, что Х. вовлек К. в сбыт наркотических средств путем обещаний денежного вознаграждения*.

Исследование судебной практики показывает, что использование информационно-телекоммуникационных сетей не признается правоприменителем в качестве способа совершения преступлений, предусмотренных ст. 150–151 УК РФ. Конкретные способы совершения преступных посягательств отдельно уточняются в исследованных судебных решениях (путем уговоров, обещания денежного вознаграждения и т. д.). В целом такой подход представляется целесообразным. При этом следует признать, что любой из традиционных способов совершения названных преступлений (обещания, обман, угрозы или иные способы) при прямом общении не сравним с их применением при общении, опосредованном с помощью информационно-телекоммуникационных сетей. Использование ИТС позволяет преступнику «остаться в тени», то есть скрывать информацию о своей личности, не показывать истинные эмоции, держать беседу под постоянным контролем. Глава Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин при указании на необходимость дальнейшего совершенствования правоприменительной деятельности в исследуемой области справедливо отметил, что способы совершения преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий постоянно обновляются [14, с. 93]. Данное высказывание укрепляет нашу позицию относительно того, что информационно-телекоммуникационные сети – это всего лишь средство, способствующее совершению преступления.

Проведенное исследование позволяет нам заключить, что использование информационно-телекоммуникационных сетей не может являться способом совершения преступления. Их использование само по себе не предполагает противоправного характера. Судебная практика на примере ст. 150–151 УК РФ свидетельствует, что правоприменитель при указании способов имеет в виду конкретные действия, направленные на достижение преступной цели (например, уговоры, обещание денежного вознаграждения и иные). Между тем использование ИТС «осовременивает» традиционные способы совершения преступлений. В одних случаях это облегчает совершение посягательства (например, позволяет преступнику оставаться анонимным, выдавать так называемые «быстрые ответы» и т. д.), в других препятствует выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, в третьих – и то, и другое.

Список источников

1. Рускевич Е. А. Уголовное право и информатизация // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 73–80.
2. Сунгатуллин А. Н. О перспективах усиления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних лиц в совершение преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 3 (69). С. 65–74.
3. Суходолов А. П. (и др.). Актуальные проблемы предупреждения преступлений в сфере экономики, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 13–21.
4. Ефремова М. А. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 4 (54). С. 101–106.
5. Панов Н. И. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления. Харьков, 1984. 111 с.
6. Чугунов А. Б. Понятие и значение орудий и средств совершения преступления в уголовном праве // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве: сб. науч. статей. Ярославль, 1997. С. 98–108.
7. Бабий Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть. Минск: Тесей, 2000. 288 с.
8. Уголовное право России. Общая часть: учеб. / отв. ред. А. И. Плотников. Оренбург: Университет, 2016. 442 с.

* Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Адыгея по делу № 22–844/2023 от 27.11.2023. URL: <https://судебныерешения.рф/79114551>.

9. Наумов А. В. Средства и орудия совершения преступления // Советская юстиция. 1986. № 14. С. 24–27.
10. Федышина П. В. Способ совершения преступления: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. 36 с.
11. Хлус А. М. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1 (103). С. 24–33.
12. Бошаева Л. Л. Интернет-технологии как способ вовлечения несовершеннолетнего лица в преступную деятельность // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 153–155.
13. Цыганкова А. Н. Информационная телекоммуникационная сеть Интернет как основной способ вовлечения несовершеннолетних в криминальные субкультуры // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Воронеж, 2021. С. 77–79.
14. Бастрыкин А. И. Выявление и расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 4. С. 88–94.

Информация об авторе

А. Н. Сунгатуллин – адъюнкт.

Information about the author

A. N. Sungatullin – postgraduate.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 07.06.2025; принята к публикации 07.06.2025.

The article was submitted 10.04.2025; approved after reviewing 07.06.2025; accepted for publication 07.06.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 47–52.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 47–52.

Научная статья

УДК 343.9

ПРОФИЛАКТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ АВТОРСКОГО ПРАВА: ПОИСК НЕСТАНДАРТНЫХ РЕШЕНИЙ

Артем Николаевич Дерюга¹, Николай Николаевич Дерюга²

¹Дальневосточный юридический институт МВД России им. И. Ф. Шилова, Хабаровск

²Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, Хабаровск

¹derjuga@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются социально-правовые вопросы противодействия преступлениям и административным правонарушениям, посягающим на авторские права. Рассмотрено соотношение профилактических и предупредительных мер в изучаемой сфере, доказывается их самостоятельность. Перечисляются отдельно меры предупреждения и меры профилактики противодействия преступлениям и административным правонарушениям в сфере охраны авторских прав. Называются полномочия органов публичной власти, права граждан и их общественных объединений в сфере охраны и защиты авторских прав.

Ключевые слова: охрана авторских прав, профилактика нарушений авторских прав, предупреждение нарушений авторских прав

Для цитирования: Дерюга А. Н., Дерюга Н. Н. Профилактика и предупреждение правонарушений в сфере авторского права: поиск нестандартных решений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 47–52.

Original article

PREVENTION AND CONTROL OF COPYRIGHT-RELATED OFFENSES: THE SEARCH FOR NON-STANDARD SOLUTIONS

Artem N. Deryuga¹, Nikolai N. Deryuga²¹Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov²Far Eastern branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev¹derjuga@mail.ru

Abstract. The article examines the socio-legal issues of countering crimes and administrative offenses that infringe on copyright. The ratio of preventive and preventive measures in the studied area is considered, their independence is proved. Prevention measures and preventive measures for countering crimes and administrative violations in the field of copyright protection are listed separately. The powers of public authorities, the rights of citizens and their public associations in the field of copyright protection and protection are called.

Keywords: copyright protection, copyright infringement prevention, copyright infringement warning

For citation: Deryuga A. N., Deryuga N. N. Prevention and control of copyright-related offenses: the search for non-standard solutions // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 47–52.

Профилактика и предупреждение преступлений и административных правонарушений является важной частью государственной политики по противодействию нарушениям закона.

Основанные на деятельности всех институтов публичной власти, общественных институтов и отдельных граждан, профилактика и предупреждение противоправного поведения раскрываются в самых широких рамках, границы которых выходят далеко за пределы позитивного права. При этом механизм такой охраны применительно к отдельным правоотношениям воспринимается максимально просто в силу очевидности их значимости. Охрана других правоотношений, наоборот, требует дополнительных усилий понять не только нужду в этом, но и сам предмет охраны, а значит, вызывает необходимость поиска нестандартных вариантов профилактики и предупреждения посягательства на них. Последнее в полной мере относится к правоотношениям в сфере интеллектуальной собственности, в том числе к ее разновидности – авторскому праву.

Существуют разнообразные формы противоправных посягательств на объекты авторского права – литературные, музыкальные аудиовизуальные, производные и составные произведения; живопись и графика; скульптура и декоративно-прикладное искусство, программы для ЭВМ, произведения народного творчества, имеющие конкретных авторов (ст. 1259 ГК РФ). Например, использование при совершении правонарушений в данной сфере интернет-технологий, в частности, искусственного интеллекта, способного синтезировать текст или изображение, трудноотличимые от оригинала, а технология блокчейн может быть использована не только для надежной охраны авторских прав, но и их нарушения, скрывая нарушителя анонимностью, располагая объект посягательства в децентрализованных сетях.

Анализируя вопрос правовой охраны авторского права путем *профилактики и предупреждения* соответствующих преступлений и административных правонарушений, есть необходимость рассмотреть разницу между этими понятиями.

В правовых и научных источниках понятия «профилактика» и «предупреждение» правонарушений часто принимаются как тождественные категории. Так, в п. «а» ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»

дается понятие «противодействие коррупции», под которым понимается «деятельность ... по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции)». В статье 6 этого закона перечисляются меры по профилактике коррупции, в числе которых указаны и меры государственного убеждения и государственного принуждения.

В части 1 ст. 2 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения осуществляется через выполнение санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, однако меры по гигиеническому воспитанию и обучению населения, санитарно-гигиеническому просвещению населения и пропаганде здорового образа жизни установлены отдельным пунктом.

В одних научных источниках термины «профилактика» и «предупреждение» смешиваются [см., напр., 1], в других – первое выступает лишь важным направлением второго [см., напр., 2].

Однако разграничение указанных терминов в нормативных правовых актах и научных источниках необходимо для четкого понимания на практике действий, которые производятся в качестве профилактических и предупредительных, а также для устранения подмены одних действий органов публичной власти, которые привычны, четко урегулированы законом и детально регламентированы подзаконными актами, другими действиями, не имеющими таких удобных свойств для правоприменителя. Речь идет о *профилактике*, которая хотя и установлена законом как задача или функция субъектов правоохранительной деятельности, но все же не раскрыта так конкретно, как *предупреждение* правонарушений. Вызвано это как раз существенной разницей между предупреждением и профилактикой нарушений закона. Это связано с положением ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Согласно этой норме, права и свободы человека могут быть ограничены на основании двух одновременно сложившихся условий. Первое условие – прямое установление этого федеральным законом. Второе условие – только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, обеспечения обороны страны, ее безопасности. Ко второму условию также отнесены права и законные интересы других лиц, что в полной мере связывается с охраной и защитой авторских прав. Следовательно, если предупредительные меры, применяемые правоохранительными органами, являются мерой государственного принуждения, значит, они всегда связаны с ограничениями прав, что невозможно без прямого установления этого федеральным законом. Профилактика правонарушений, напротив, не связана с мерами государственного принуждения, поэтому она свободна от предписаний федерального правового акта.

Авторское право традиционно является институтом гражданского права, который регулирует правоотношения, связанные с образованием, преобразованием и распространением произведений науки, литературы или искусства, а также других результатов творческой деятельности в целях, определяемых автором и (или) правообладателем.

Авторское право включает в себя две разновидности. Первая разновидность – неимущественное и не связанное с имуществом право лица, создавшего объект авторского права. Право называться автором абсолютно, оно неотчуждаемо, бессрочно, его нельзя передать. Вторая разновидность – неимущественное, но связанное с имуществом право, позволяющее автору или иному правообладателю использовать произведения в разнообразных, не запрещенных законом целях, в том числе для извлечения прибыли. Такое право, его еще называют исключительным, может отчуждаться, временно передаваться одному или неопределенному кругу лиц на основании лицензионных договоров, обременяться залогом и переходить по наследству.

Важно подчеркнуть еще один нюанс. В момент рождения произведения исключительные права на его использование у автора возникают не всегда. Это происходит в связи с заключенным соглашением между автором произведения как работником и работодателем

или автором как исполнителем и заказчиком. В первом случае объекты авторского права называются служебными произведениями (ст. 1295 ГК РФ), во втором случае – произведениями, созданными по заказу (ст. 1296 ГК РФ). Это важно, т. к. умело подобранные действия по профилактике или предупреждению нарушения в сфере охраны исключительных прав на произведения способны существенно снизить или вовсе исключить преступления и административные правонарушения в этом сегменте изучаемых правоотношений. Рассмотрим эти действия подробнее.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений в сфере авторского права основано на федеральном законодательстве. Так, согласно ст. 43 УК РФ и ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ, уголовное и административное наказание есть мера государственного принуждения, применяемая в целях предупреждения новых преступлений и административных правонарушений как самим нарушителем, так и другими лицами. Из анализа указанных норм можно сделать вывод о том, что меры государственного принуждения в виде уголовных и административных наказаний являются не только карой за совершенное преступление или административное правонарушение, но и мерой предупреждения. Таким образом, общая превенция преступлений и административных правонарушений вызывается не просто наличием в Особенной части УК РФ и КоАП РФ санкций за совершение правонарушений, а отложенной во времени негативной перспективой быть подвергнутым уголовным и административным репрессиям, если повторить противоправный путь. Катализатором общепредупредительного эффекта уголовных и административных наказаний выступает принцип их неотвратимости, эффективность воздействия которого во многом зависит от качества работы правоохранительных органов.

Итак, уголовные и административные наказания, установленные в санкциях норм, закрепляющих юридические составы преступлений (ст. 146 УК РФ) и административных правонарушений (ч. 1 ст. 7.12, ст. 14.10 КоАП РФ), являются важной и эффективной частью мер предупреждения правонарушений в сфере охраны авторских прав, но только в том случае, если срабатывает принцип неотвратимости наказания. Это означает и другое. Предупреждение преступлений и административных правонарушений указанным выше путем работает лишь при наличии практики применения уголовных и административных наказаний за нарушение авторских прав. Следовательно, подобный способ предупреждения нарушений авторских прав является крайней мерой и подпитывается силой отдельных случаев выявленных противоправных событий, доведенных правоохранительными органами до применения юридических санкций. На этой основе строится один из способов профилактики указанных правонарушений – максимально широкое распространение информации о том, что очередной случай нарушения авторских прав установлен, квалифицирован как преступление или административное правонарушение, а виновные в этом понесли наказание. Обязательность информирования граждан о фактах нарушения авторских прав законом не установлена, что обуславливает проявление инициативы в этом со стороны публичных органов власти, общественных институтов и отдельных граждан. Отсюда первый вопрос для заинтересованных лиц – какова форма осуществления такой профилактики?

В мире информационных технологий это одновременно простой и сложный вопрос. Простой, потому что имеется большое количество каналов массовой связи с гражданами – средства массовой информации как общего, так и адресного характера. Поэтому выбрать СМИ и затем осуществлять сотрудничество с ним – не проблема. Сложность состоит в искушенности современных пользователей СМИ количеством и качеством информации, их интересом еще нужно завладеть. В такой ситуации публичные органы власти, общественные институты и граждане в отдельности друг от друга не могут стать самодостаточными субъектами эффективного распространения информации. При этом публичные органы власти могут выступать заказчиком информационного продукта, т. к., согласно Федеральному закону «О порядке

освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» от 13 января 1995 г. № 7-ФЗ, у них есть право на публичное освещение своей деятельности в СМИ (ст. 6).

Возникает вопрос: причем здесь общественные институты и граждане? Дело в том, что нужные мероприятия, в том числе связанные с формированием общественной нетерпимости к нарушениям авторских прав, могут быть организованы публичными органами власти с привлечением заинтересованных граждан и (или) их объединений. В этом смысле для системного и качественного соучастия указанных лиц в таких мероприятиях целесообразно предоставление грантов*. Конечно, такой подход к профилактике нарушений в сфере авторского права финансово затратен. Поэтому следует использовать и другие способы распространения информации о выявленных нарушениях в рассматриваемой сфере. Это могут быть краткие сюжеты в СМИ о громких уголовных процессах по преступлениям в сфере защиты авторских прав, о приговорах судов по этим фактам. На наш взгляд, максимальный резонанс вызовут соответствующие сюжеты в СМИ с участием популярных лиц в качестве потерпевшего или иного участника уголовного или административно-юрисдикционного процесса в связи с нарушением авторских прав.

Уголовные и административные дела в связи с нарушением авторских прав (ст. 146 УК РФ, ч. 1 ст. 7.12, ст. 14.10 КоАП РФ) рассматриваются судами общей юрисдикции (ст. 31 УПК РФ и ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ). Мировые судьи или судьи районных судов, по общему правилу, осуществляют судопроизводство в помещении суда, которому подсудно дело. Вместе с тем, в силу необходимости, дело может быть рассмотрено и в выездном судебном заседании. Например, по месту совершения преступления, трудовой деятельности обвиняемого, потерпевшего, по месту проживания большинства свидетелей, а также в других местах. Выбор таких мест продиктован наибольшей эффективностью правосудия (сочетанием цены и качества результата), в том числе в целях повышения профилактического эффекта от судебного процесса и его итогов. Такой вывод вытекает из того, что перечень оснований для проведения выездных заседаний законодателем точно не установлен (п. 1 ч. 2 ст. 231 УПК РФ), и в каждом конкретном случае суд решает данный вопрос самостоятельно. Вопрос выездных судебных заседаний в связи с рассмотрением дел об административных правонарушениях, в силу закрытого перечня таких мест (ст. 29.5 КоАП РФ), спорный.

Важную роль в профилактике и предупреждении нарушений авторских прав играет Федеральная таможенная служба Российской Федерации, которая принимает меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности на основании ст. 327 и 113 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ.

Так, на основании ст. 331 Таможенного кодекса Таможенного союза, в случае, если должностным лицом таможенного органа выявлены товары с признаками нарушения прав интеллектуальной собственности, выпуск таких товаров приостанавливается сроком на 10 рабочих дней, сохраняя или приобретая на это время статус временно хранящегося. Очевидно, подобная мера носит ярко выраженный предупредительный характер, т. к. применяется принудительно до установления юридического факта правомерности или противоправности перемещаемого товара через таможенную границу.

К профилактическим мерам ФТС России в области охраны авторского права можно отнести принципиальную и открытую внутреннюю политику по противодействию

* См.: Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на поддержку проектов авторов и команд авторов, направленных на освещение вопросов науки и технологий по тематикам приоритетных направлений Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.11.2022 № 2184 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 50. Ч. IV. Ст. 8911.

коррупции, освещение в СМИ материалов, касающихся выявленных контрафактных товаров, работа с правообладателями авторских прав на предмет включения их интеллектуальной собственности в Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности*.

Профилактика нарушений авторских прав эффективна в сфере общего и профессионального образования. Первые и необходимые попытки использования информационного пространства для подготовки устных и письменных заданий делаются в учебных заведениях. Во многом это связано с возможностью заимствования текстов из опубликованных научных исследований. Поэтому использование интернет-сервисов для проверки уникальности подготовленной научной работы («Антиплагиат Фокс», «Рукоконтекст», «Главред» и др.) является важным шагом в понимании обучающимся свободы использования результатов чужого интеллектуального труда. К другим профилактическим мерам в сфере образования можно отнести включение в учебные программы тем по изучению сферы охраны и защиты авторских прав.

Конечно, общеобразовательные и профессиональные программы обучения и без того перегружены. Поэтому целесообразно имплементировать в уже существующие учебные курсы тему, раскрывающую природу авторского права, его ценность, механизмы охраны и защиты. В школьной программе это могут быть два учебных предмета – «Обществознание» и «Информатика». В профессиональных программах такие возможности шире – от включения рассматриваемого вопроса как темы учебной дисциплины (например, «Административное право», «Гражданское право», «Информационное право», «Уголовное право») до введения в учебный план специальной дисциплины (например, «Право интеллектуальной собственности»).

Рассматривая проблему противодействия преступлениям и административным правонарушениям в сфере авторских прав, следует отметить, что предупредительные меры всегда осуществляют субъекты права, количество и полномочия которых ограничены федеральным законом. Субъекты профилактики, напротив, свободны от законодательного императива, что дает возможность всем заинтересованным субъектам права принимать меры по снижению преступности и административной деликтности в сфере авторского права максимально свободно, имея лишь одно ограничение – не нарушать при этом закон.

Список источников

1. Геляхова Л. А. Предупреждение и профилактика как основной способ борьбы с противоправным поведением несовершеннолетних // Образование и право. 2023. № 12. С. 365–369.
2. Малков В. Д. Предупреждение и профилактика преступлений и иных правонарушений в системе борьбы с преступностью // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 25. (711).

Информация об авторах

А. Н. Дерюга – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры;

Н. Н. Дерюга – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры.

Information about the authors

A. N. Deryuga – Doctor of Law, Professor, professor of Department;

N. N. Deryuga – Doctor of Law, Professor, professor of Department.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025; принята к публикации 28.07.2025.

The article was submitted 28.07.2025; accepted for publication 28.07.2025.

* О вопросах обеспечения защиты прав на объекты интеллектуальной собственности таможенными органами Российской Федерации: письмо ФТС России от 30.06.2015 № 14–36/31557 (текст официально опубликован не был).

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 53–57.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 53–57.

Научная статья
УДК 343.918

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ IT-ПРЕСТУПНИКА

Регина Джавидиновна Кафарова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань
reginaprok080@gmail.com, ORCID: 0009–0003–7371–3060

Аннотация. Личность преступника, действующего в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, характеризуется комплексом разных социально-демографических, нравственно-психологических и иных криминологически значимых признаков. Преимущественно это лица молодого и среднего возраста, которые обладают определенными знаниями и навыками в области компьютерных технологий, активно используют Интернет и другие цифровые ресурсы. Мотивация преступной деятельности при этом варьируется от корыстной (получение определенной материальной выгоды) до хулиганской (стремление к самоутверждению, мести) и идеологической (протест, экстремизм). Для IT-преступников характерны высокий уровень интеллекта, аналитическое мышление, склонность к риску и авантюризму. Однако у них часто наблюдается недостаток социальных навыков, некоторая замкнутость, проблемы в межличностных отношениях.

Ключевые слова: киберпреступность, личность преступника, информационные технологии, криминология, мотивация, хакеры, кибербезопасность

Для цитирования: Кафарова Р. Д. Криминологическая характеристика личности IT-преступника // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 53–57.

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE IT CRIMINAL'S PERSONALITY

Regina Dzhavidinovna Kafarova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan
reginaprok080@gmail.com, ORCID: 0009–0003–7371–3060

Abstract. The criminal personality in the field of information and telecommunication technologies is characterized by a complex of socio-demographic, moral-psychological, and other criminologically significant features. Primarily, these are individuals of young and middle age possessing specialized knowledge and skills in computer technologies who actively use the Internet and other digital resources. The motivation for criminal activity ranges from mercenary (obtaining material benefits) to hooliganistic (desire for self-affirmation, revenge) and ideological (protest, extremism). For IT criminals, the characteristics are high intellectual abilities, analytical thinking, risk-taking propensity, and adventurousness. However, they often exhibit deficiencies in social skills, certain introversion, and difficulties in interpersonal relationships.

Keywords: cybercrime, criminal personality, information technology, criminology, motivation, hackers, cybersecurity

© Кафарова Р. Д., 2025

For citation: Kafarova R. D. Criminological characteristics of the IT criminal's personality // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 53–57.

В эпоху цифровизации, с развитием информационных технологий киберпреступность представляет собой одну из наиболее значимых угроз. Понимание личности IT-преступника, его мотивов, а также факторов, оказывающих влияние на формирование его преступного поведения, становится важным элементом в разработке эффективных стратегий противодействия киберпреступности. Криминологический портрет IT-преступника является достаточно сложной картиной, которая требует проведения комплексного анализа [1, с. 100].

При анализе данной проблематики важным фактором является то, что IT-преступники не являются однородной группой: они различаются по возрасту, уровню образования, социально-экономическому положению и по мотивам совершения преступлений. Но все же возможно выделение некоторых общих признаков, характерных для большинства таких преступников.

1. Высокий уровень владения информационными технологиями. IT-преступники имеют глубокие знания в области программирования, компьютерных сетей, операционных систем и других IT-дисциплин. Они могут пользоваться ими для обхода систем безопасности, взлома аккаунтов, кражи данных и для совершения других киберпреступлений.

2. IT-преступники часто характеризуются изоляцией и недостатком социальных навыков. Например, они испытывают трудности в установлении и поддержании межличностных отношений, что приводит к поиску самореализации и признания в виртуальном пространстве. Совершение киберпреступлений становится для них способом самоутверждения и позволяет продемонстрировать свое превосходство.

3. К важному фактору относится психологическая составляющая. Многие IT-преступники обладают склонностью к риску, азарту и ощущению вседозволенности. В значительном числе случаев они не осознают или игнорируют моральные и этические нормы, а также считают, что виртуальное пространство не подчиняется правилам из реального мира.

Факторы, влияющие на формирование личности IT-преступника, также достаточно многообразны. В современных условиях среди них выделяются:

- социально-экономические факторы. Под ними подразумевается неудовлетворенность своим материальным положением, отсутствие перспектив карьерного роста и социальная несправедливость, часто подталкивающие человека к совершению киберпреступлений для получения финансовой выгоды;

- психологические факторы. Это наличие разных психологических проблем, к которым относятся депрессия, тревожность, низкая самооценка, а также девиантное поведение в виртуальном пространстве;

- технологические факторы. Под ними подразумевается легкий доступ к информации и инструментам для совершения киберпреступлений, анонимность в Интернете и безнаказанность за совершенные преступления, что способствует постепенному распространению киберпреступности;

- образовательные факторы. К ним относится недостаточное внимание к вопросам информационной безопасности в образовательных учреждениях, отсутствие культуры ответственного использования информационных технологий, что приводит к формированию у молодого поколения негативного отношения к соблюдению законов в виртуальном пространстве [2, с. 65].

В связи с этим обоснованным представляется заключение о том, что для эффективной борьбы с киберпреступностью требуется разработка комплексных мер, направленных на устранение факторов, способствующих формированию личности IT-преступника. Также

важно повышение уровня осведомленности населения о киберугрозах, развитие навыков безопасного использования информационных технологий, создание условий для самореализации и социальной адаптации молодежи, включая совершенствование законодательства в сфере информационной безопасности.

Личность IT-преступника является достаточно сложным феноменом, требующим комплексного изучения. Понимание мотивов и факторов, оказывающих влияние на формирование преступного поведения в виртуальном пространстве, является важнейшим условием для разработки эффективных стратегий противодействия киберпреступности. Только при совместных усилиях государства, общества и специалистов в области информационной безопасности возможно создание безопасного и защищенного киберпространства.

Криминологический анализ личности IT-преступника не ограничивается только констатацией общих признаков. В этом случае важен учет динамики развития киберпреступности и появление новых видов преступлений. Например, с развитием технологий искусственного интеллекта и машинного обучения многие IT-преступники начинают пользоваться представленными инструментами для автоматизации своих атак, создания фишинговых компаний и обхода систем безопасности. Это требует от правоохранительных органов и специалистов по кибербезопасности постоянного повышения квалификации и разработки новых методов обнаружения и предотвращения киберпреступлений.

Особое внимание должно уделяться профилактике киберпреступности среди молодежи. Молодые люди могут стать ценными специалистами в области кибербезопасности и потенциальными преступниками. При этом важно направление их энергии и знаний в конструктивное русло, предложение им возможностей для самореализации и профессионального роста в сфере IT. Также необходимо проведение образовательных программ, направленных на повышение уровня осведомленности о киберугрозах и формирование культуры ответственного использования разнообразных информационных технологий [3, с. 183].

Немаловажным аспектом считается международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью. Киберпреступники часто действуют из разных стран, что значительно затрудняет их выявление и привлечение к ответственности. Важным шагом становится развитие международных механизмов обмена информацией и сотрудничества между правоохранительными органами разных стран. При этом требуется гармонизация законодательства в сфере информационной безопасности для создания единого правового пространства в целях борьбы с киберпреступностью.

Информационные технологии при своем стремительном развитии стали неотъемлемой частью современной жизни. Именно они привели к появлению новой формы преступности, которая называется киберпреступностью и отличается от традиционных видов преступлений способом своего совершения и личностью преступника. Понимание психологических и социальных особенностей представленных лиц является важнейшим фактором для разработки эффективных стратегий профилактики и борьбы с киберпреступностью.

В настоящее время, несмотря на разнообразие мотивов и целей киберпреступлений, выделяется комплекс разных психологических характеристик, часто встречающихся у лиц, которые их совершают:

- высокий интеллект и техническая компетентность. Совершение киберпреступлений требует глубоких знаний в области информационных технологий, программирования, сетевых протоколов и систем безопасности, обладание аналитическим мышлением, способностью к быстрому обучению и адаптации к новым технологиям;
- слабая эмпатия и низкий уровень моральных принципов. Киберпреступники часто демонстрируют отсутствие какого-либо сочувствия к своим жертвам, причем они рассматриваются в виде абстрактных целей;

– потребность во власти и контроле. Многие киберпреступники стремятся к власти и контролю над информацией, системами и людьми. Они склонны воспринимать себя всемогущими, а также влияющими на события в виртуальном мире;

– склонность к риску и поиску острых ощущений. Совершение киберпреступлений достаточно часто связано с риском быть разоблаченным и наказанным. IT-преступники имеют повышенную толерантность к риску и стремятся к новым переживаниям;

– чувство анонимности и безнаказанности. В настоящее время Интернет предоставляет киберпреступникам возможность для анонимных действий, для сокрытия своей личности, местоположения. Это создает ошибочное представление о безнаказанности;

– социальная изоляция и трудности в межличностных отношениях. Некоторые киберпреступники испытывают трудности в общении с другими людьми, поэтому они предпочитают виртуальный мир реальному. Часто это одинокие люди, замкнутыми и обладающими низкой самооценкой.

К социальным факторам, влияющим на формирование личности киберпреступника, относится социальная среда. Например, это может быть неблагополучная семья, в которой отсутствуют позитивные ролевые модели, нет заботы, внимания и поддержки со стороны родителей, а есть поощрение девиантного поведения, что приводит к формированию асоциальных установок и ценностей. Кроме того, необходимо назвать среди социальных факторов и негативное влияние сверстников и общение с лицами, разделяющими криминальные взгляды, что усиливает склонность к совершению киберпреступлений. Интернет-сообщества хакеров и кардеров часто становятся платформой для обмена знаниями, опытом, для планирования совместных преступлений.

Важным фактором является доступность информации о совершении киберпреступлений. Сегодня в Интернете можно найти множество инструкций по взлому систем, краже данных и другим видам киберпреступлений. Это значительно облегчает задачу начинающим преступникам [4, с. 262], а недостаточный контроль интернет-пространства приводит к созданию соответствующих условий для безнаказанного совершения киберпреступлений.

О влиянии психологических и социальных факторов на формирование личности киберпреступника см. таблицу.

**Взаимосвязь психологических и социальных факторов
в формировании личности киберпреступника**

Психологические факторы	Социальные факторы	Влияние на совершение киберпреступлений
Высокий интеллект, техническая компетентность	Доступность информации о киберпреступлениях	Позволяют эффективно планировать и совершать киберпреступления, обходить разные системы защиты
Слабая эмпатия, низкий уровень морали	Неблагополучная семья, негативное влияние сверстников	Снижают чувство вины и сострадания к жертвам, оправдывают совершение преступлений
Потребность во власти и контроле	Отсутствие эффективных механизмов контроля	Стимулируют поиск способов достижения власти и контроля в виртуальном мире, используя киберпреступления как инструмент
Склонность к риску и поиску острых ощущений	Интернет-сообщества хакеров и кардеров	Привлекают к совершению рискованных и захватывающих киберпреступлений, обеспечивая чувство принадлежности к группе и признания
Чувство безнаказанности	Недостаточное регулирование интернет-пространства	Создают иллюзию безопасности и безнаказанности, способствуют совершению киберпреступлений без страха быть разоблаченным
Социальная изоляция, трудности в общении	—	Поиск самореализации и признания в виртуальном мире, компенсация недостатка общения в реальной жизни через совершение киберпреступлений

Профилактика киберпреступности должна обязательно начинаться с раннего возраста. Для этого требуется внедрение образовательных программ, направленных на формирование у детей и подростков критического мышления, умения оценивать разнообразную доступную информацию в Интернете и осознавать последствия своих действий в виртуальном пространстве. Также важно их обучение основам кибербезопасности и правилам безопасного поведения в сети [5, с. 148].

В заключение отметим, что личность киберпреступника является достаточно сложным феноменом, который формируется под влиянием психологических и социальных факторов. Для эффективной борьбы с киберпреступностью необходимы учет существующих особенностей личности IT-преступника и разработка стратегии профилактики совершения таких преступлений. При этом важно уделять внимание социальной и психологической сторонам этого явления, в частности, повышать осведомленность населения о киберугрозах, о формах проявления киберпреступности, о мерах наказания за совершаемые преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий с целью минимизации возможности привлекательности киберпреступности. Только комплексный подход может привести к снижению уровня преступности в сфере ИТТ и к обеспечению безопасности интернет-пространства.

Список источников

1. Акимова Д. А. Современные каналы формирования и распространения идей экстремизма и терроризма в молодежной среде // Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества: сб. ст. по итогам III всерос. студ. науч.-практ. конф. Барнаул, 2020. С. 98–105.
2. Ильиных Н. А. Киберэкстремизм: понятие и разграничение с иным информационным деструктивным воздействием на человека в киберпространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 64–74.
3. Майстренко Г. А. Киберпреступность в России: сущность, общественная опасность и методы борьбы // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 1. С. 181–186.
4. Нимаев Ж. Э. Понятие и способы совершения мошенничества в сфере компьютерной информации // Молодой ученый. 2023. № 46 (493). С. 261–262.
5. Поляков В. В. Латентность высокотехнологичных преступлений: понятие, структура, методы оценки уровня // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 2. С. 146–155.

Информация об авторе

Р. Д. Кафарова – соискатель.

Information about the author

R. D. Kafarova – applicant.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 18.08.2025.

The article was submitted 14.08.2025; approved after reviewing 18.08.2025; accepted for publication 18.08.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 58–66.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 58–66.

Научная статья
УДК 343.97

ПРЕДПОСЫЛКИ КИБЕРЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОТДЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Никита Андреевич Ильиных

Омская академия МВД России, Омск

nikitailinyh491@yandex.ru, ORCID: 0000–0003–2504–0554

Аннотация. В статье рассмотрены факторы, детерминирующие совершение преступлений экстремистской направленности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Автором предлагается дифференцированный подход к рассмотрению объективных и субъективных предпосылок совершения таких преступлений. На основе данных выводов предложены отдельные организационно-тактические и технические меры по их предупреждению. Рассмотрены направления по обеспечению информационно-психологической безопасности граждан в киберпространстве.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, информационно-телекоммуникационные технологии, предпосылки, предупреждение, технические меры, правовые меры, организационно-тактические меры

Для цитирования: Ильиных Н. А. Предпосылки киберэкстремистских преступлений и отдельные меры их предупреждения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 58–66.

Original article

PREREQUISITES OF CYBER-EXTREMIST CRIMES AND SELECTED MEASURES FOR THEIR PREVENTION

Nikita A. Ilinykh

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk

nikitailinyh491@yandex.ru, ORCID: 0000–0003–2504–0554

Abstract. The article examines factors that determine the commission of extremist crimes using information and telecommunication technologies. The author proposes a differentiated approach to analyzing the objective and subjective preconditions for committing such crimes. Based on the findings, specific organizational, tactical, and technical measures for their prevention are proposed. The article also discusses directions for ensuring the informational and psychological security of citizens in cyberspace.

Keywords: extremist crimes, information and telecommunication technologies, prerequisites, prevention, technical measures, legal measures, organizational-tactical measures

For citation: Ilinykh N. A. Prerequisites of cyber-extremist crimes and selected measures for their prevention // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 58–66.

© Ильиных Н. А., 2025

В настоящее время наблюдается тенденция к усилению роли информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) в совершении преступлений экстремистской направленности. Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, в период с 2020 по 2024 г. средний удельный вес деяний, совершенных с использованием ИТТ, в общей массе преступлений экстремистской направленности составил 56,42 %*. Современные ИТТ активно применяются для распространения экстремистских материалов, осуществления публичных призывов к экстремистской деятельности, в организаторских целях и для привлечения финансирования.

Понятие «киберэкстремизм» подразумевает социальное, относительно массовое явление, характеризующееся совокупностью запрещенных законом деяний, совершаемых по экстремистским мотивам, с обязательным использованием технологий, моделирующих информационно-телекоммуникационное пространство (киберпространство) [1].

Одной из ключевых задач криминологии на пути к выработке эффективных мер предупреждения любого вида преступности является определение комплекса ключевых факторов, детерминирующих существование данного явления. На наш взгляд, распространение киберэкстремистских преступлений в Российской Федерации обусловлено рядом объективных и субъективных предпосылок. Как справедливо отмечает профессор Н. Ф. Кузнецова, деление предпосылок на объективные и субъективные позволяет выявить возможность воздействия внешних факторов на человеческое поведение и влияние внутренних, личностных особенностей индивида на его поступки [2]. Объективные предпосылки считаем возможным подразделять на внешние (т. е. связанные с непосредственным участием представителей отдельных зарубежных стран) и внутренние (без непосредственного участия представителей отдельных зарубежных стран).

Начнем с рассмотрения внешних объективных предпосылок. Исходя из приведенного нами определения, киберэкстремизм полностью обусловлен существованием ИТТ. Следует отметить, что появились данные технологии в нашей стране сравнительно недавно (1990–2000-е гг.) и были связаны с периодом масштабных социальных и политических изменений в российском обществе после распада СССР, сопровождавшихся всплеском экстремистских проявлений. На наш взгляд, последствия сложившейся в то время ситуации могут выступать в качестве предпосылки уголовного киберэкстремизма сегодня.

Исследователями отмечается, что после распада СССР произошли коренные изменения в духовной и экономической сферах жизни российского общества. Например, как утверждает А. М. Цыбулька, в указанный период была стерта историческая общность людей как единого советского народа, и, как следствие, претерпела изменение общая ценностная основа бытия [3]. На смену советской идеологии практически одновременно пришла идеология либерализма, распространяемая при активном участии представителей западных государств.

Однако если в большинстве западных стран идеи либерализма развивались последовательно на протяжении нескольких столетий, без внешнего вмешательства, и были тесно связаны с сильным правовым государством, то в Российской Федерации ситуация сложилась иначе. Переоценка ценностей советского общества происходила резко и при активном участии представителей зарубежных государств (бывших противников СССР). В результате одна из ключевых ценностей либерализма – свобода личности от контроля со стороны государства – на фоне общей слабости институционализации государственной власти в то время стала ошибочно восприниматься в обществе как вседозволенность и безнаказанность. Вплоть до настоящего времени исследователями отмечается кризис ценностной системы общества, обусловленный восприятием либерализма как «вольницы без ответственности» [4].

* Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics>: (дата обращения: 14.04.2025).

Ценности можно трактовать как обобщенные представления людей относительно наиболее значимых целей и норм поведения, которые определяют приоритеты в восприятии действительности, задают ориентации их действиям и поступкам во всех сферах жизни [5]. В контексте формирования предпосылок совершения киберэкстремистских преступлений убежденность населения во вседозволенности своих действий ярко проявилась именно в киберпространстве. Рассматривая психологические особенности коммуникации между людьми, К. С. Есаулова отмечает, что Интернет в общественном сознании воспринимается как «пространство свободы» [6]. С учетом искажения в обществе понятия свободы можно констатировать, что киберпространство, скорее, воспринимается частью граждан как место для безнаказанного распространения любой негативной информации, в том числе информации экстремистского содержания. На наш взгляд, указанное обстоятельство может выступать в качестве предпосылки криминального киберэкстремизма сегодня.

Продолжая исследовать вопрос о внешних объективных предпосылках совершения киберэкстремистских преступлений, отметим активную координационную роль отдельных зарубежных государств в указанном процессе. Большинство (68,75 %) из опрошенных нами сотрудников центров по противодействию экстремизму МВД России (далее – ЦПЭ МВД России) отмечают значительное влияние представителей зарубежных стран в координации экстремистской деятельности (финансирование, подготовка и т. д.).

Рассматриваемое внешнее воздействие в первую очередь выражается в предоставлении для организаторов экстремистских сообществ информационных площадок с множеством пользователей для распространения их идеологии. Сегодня на такой популярной видеоплатформе, как YouTube, или в социальных сетях Facebook, Instagram* и др. функционируют профили террористических и экстремистских организаций, среди которых «Правый сектор»**, «Полк Азов»*** и др. Как отмечают исследователи, деятельность подобных организаций представителями отдельных государств активно поддерживается и финансово [7].

Кроме того, внешнее воздействие выражается в организации массовых экстремистских акций в регионах России. Примером служат беспорядки антисемитского характера в аэропорту Махачкалы в октябре 2023 г. Участники акции захватили аэропорт и угрожали физической расправой еврейским беженцам, прибывшим из Израиля, оказывая сопротивление полиции. Российские официальные ведомства отметили высокую степень организованности акции и участие в ней представителей иностранных государств****. Здесь нам важен тот факт, что координация участников осуществлялась при помощи ИТТ*****. Непосредственно в день начала беспорядков в Telegram-канале «Утро Дагестан» было опубликовано точное время прилета самолета и количество пассажиров, а также призывы населения к насильственным действиям против беженцев. В ходе беспорядков организаторы при помощи данного канала активно координировали действия участников. В результате целенаправленное применение ИТТ сыграло ключевую роль в организации массовых беспорядков.

* Facebook/Instagram – проект «Meta Platforms Inc.» – деятельность в России запрещена решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 № 02–2473/2022 по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

** Деятельность организации запрещена решением Московского городского суда от 17.12.2014 по основаниям осуществления террористической и экстремистской деятельности.

*** Деятельность организации запрещена Решением Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2022 № АКПИ22–411С по основаниям осуществления террористической и экстремистской деятельности.

**** Антисемитские выступления на Северном Кавказе // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6311831> (дата обращения: 25.03.2025).

***** Беспорядки в Махачкале организованы через социальные сети // Известия. URL: <https://iz.ru/1597736/alena-nefedova/ne-dobivaias-rezultatov-na-pole-boia-khotiat-raskolot-nas-iznutri> (дата обращения: 25.12.2023).

Таким образом, рассмотренные внешние объективные предпосылки совершения киберэкстремистских преступлений характеризуются такой отличительной особенностью, как участие представителей отдельных зарубежных стран или аффилированных ими коммерческих организаций.

Под внутренними объективными предпосылками нами понимается комплекс факторов, которые не связаны с прямым участием представителей отдельных зарубежных стран. Тут следует сделать акцент именно на отсутствии их целенаправленного участия в распространении киберэкстремизма. Однако нельзя полностью исключать опосредованный характер зарубежного влияния.

На наш взгляд, в качестве основной внутренней объективной предпосылки криминального киберэкстремизма сегодня выступает имплицитное деструктивное информационно-психологическое воздействие (далее – ИДИПВ) на человека в киберпространстве. Под ИДИПВ понимаются такие формы деструктивного информационно-психологического воздействия, которые оказывают негативное влияние на общество, однако напрямую не запрещены действующим законодательством, а значит, не являются экстремизмом [8].

Одной из форм ИДИПВ является пропаганда деструктивных ценностей, проявляющаяся через фильмы, видеоигры, клипы и книги, где события или персонажи являются художественным вымыслом. В таком контенте могут присутствовать завуалированные идеи насилия или другие негативные установки, способные стать предпосылкой формирования экстремистских взглядов. Особенно опасно данное воздействие для несовершеннолетних, т. е. тех лиц, у которых в силу возраста еще не сформирована психика и недостаточно развито критическое восприятие действительности.

Примером подобной угрозы может выступать подростковое движение «ЧВК Редан», получившее широкую известность в 2023 г.* Хотя официально оно не признано экстремистским, движение носит деструктивный характер, что подтверждается исследованиями профессора С. Ю. Чимарова [9]. Так, несовершеннолетние участники группы «ЧВК Редан» в социальной сети «ВКонтакте» испытывают повышенный интерес к отрицательному персонажу японского мультфильма «Охотник × Охотник» Хисоке Мороу и стремятся ему подражать. Отличительный символ данного персонажа – изображение белого паука с цифрой «4». В японской культуре число «4» ассоциируется со словом «смерть». Проведенный нами анализ содержания комментариев в данном сообществе выявил большое количество оскорблений, нецензурной лексики и угроз применения насилия со стороны несовершеннолетних в отношении других пользователей, которые высказывались критически по отношению к ценностям движения «ЧВК Редан». Прослеживается агрессивное противопоставление «мы – они», которое является одним из признаков любой экстремистской идеологии. Таким образом, пропаганда в киберпространстве деструктивных ценностей через отдельные элементы массовой культуры может выступать в качестве предпосылки формирования экстремистских убеждений, особенно у несовершеннолетних.

Рассмотрим вторую форму ИДИПВ. Полагаем, что сегодня существенное негативное воздействие на общество оказывают повсеместно распространяемые в социальных сетях и мессенджерах новостные публикации о совершении преступлений и (или) административных правонарушений с прямым указанием на принадлежность виновника к той или иной социальной группе, объединенной по политическим, религиозным, национальным или идеологическим признакам. Регулярное распространение таких публикаций может сформировать у пользователей ошибочное представление об отдельных социальных группах как наиболее криминогенных, тем самым способствуя распространению экстремистских взглядов.

* Молодежная субкультура «ЧВК Редан» захлестнула Россию: что это такое и зачем подростки снимают на видео драки в ТЦ // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27470/4726359/> (дата обращения: 18.03.2025).

В рамках исследования нами был проведен контент-анализ 40 подобных публикаций в 10 популярных сообществах социальной сети «ВКонтакте» и мессенджера Telegram. Установлено, что в 34,9 % комментариев под этими публикациями содержались негативные высказывания исключительно в адрес социальной группы, к которой принадлежит виновник. Такой высокий показатель свидетельствует, что данная информация способна формировать экстремистские убеждения и может выступать в качестве предпосылки совершения киберэкстремистских преступлений.

Таким образом, нами определены внешние объективные предпосылки уголовного киберэкстремизма, которые выражаются в различных формах участия в данных процессах отдельных зарубежных стран, а также внутренние предпосылки, проявляющиеся в двух формах имплицитного деструктивного информационно-психологического воздействия.

Перейдем к субъективным предпосылкам, одной из которых является высокая восприимчивость населения к деструктивной информации в киберпространстве, что может послужить приобретению ими экстремистских наклонностей.

Полагаем, что сегодня граждане в целом очень часто доверяют сомнительной информации, размещаемой в киберпространстве. Проведенный нами опрос сотрудников ЦПЭ МВД России показал, что 62,5 % опрошенных характеризуют население как легко внушаемое и не склонное перепроверять информацию. С мнением о том, что пользователи изредка перепроверяют информацию, согласились 25 % респондентов. Лишь 12,5 % опрошенных ответили, что граждане, скорее, не внушаемы и в основном перепроверяют информацию.

Результаты проведенного нами контент-анализа 1000 случайным образом отобранных комментариев к 30 публикациям недостоверного содержания в 15 крупных новостных сообществах социальных сетей («ВКонтакте», «Одноклассники») и мессенджеров (Telegram, WhatsApp) также подтверждают высокий уровень восприимчивости пользователей к деструктивной информации. Установлено, что 53,5 % комментариев под данными публикациями свидетельствуют о доверии пользователей к недостоверной информации, т. е. о высоком уровне восприимчивости населения к деструктивной (в том числе и экстремистской) информации, размещаемой в киберпространстве, что может выступать в качестве предпосылки совершения ими киберэкстремистских преступлений.

Следующая предпосылка субъективного характера связана с низким уровнем осведомленности населения относительно сути экстремизма и ответственности за совершение деяний, связанных с его проявлениями. В результате проведенного нами опроса 853 жителей Омской области в возрасте от 18 лет установлено, что большинство респондентов не осведомлены о том, какие действия на законодательном уровне признаются экстремистскими. Аналогично данную проблему отмечают и сотрудники правоохранительных органов. Около 86,6 % опрошенных отметили, что большинство граждан не знают, какие деяния, по действующему законодательству, признаются преступлениями экстремистской направленности.

Как справедливо отмечает в своем исследовании А. И. Петров, низкий уровень правовой грамотности может являться причиной совершения преступлений [10]. Таким образом, полагаем, что данный факт также может выступать в качестве субъективной предпосылки криминального киберэкстремизма.

В результате нами определен ряд существенных, по нашему мнению, объективных и субъективных предпосылок совершения киберэкстремистских преступлений. Далее рассмотрим отдельные предупредительные меры, способствующие их устранению. Предлагается назвать два основных направления предупредительной деятельности.

Первое направление – обеспечение информационно-психологической безопасности граждан, которое представляет собой комплекс мер, направленных на сохранение состояния защищенности психики личности и общественного сознания от широкого спектра деструктивного информационного воздействия. В рамках данного направления наиболее целесообразно

уделять особое внимание предупреждению распространения экстремизма через популярные среди населения ИТТ. Согласно статистическим данным, которые приводят в своем исследовании Н. В. Розенберг и А. Ю. Питерова, как минимум, одной социальной сетью регулярно пользуются 83 % граждан, имеющих доступ к Интернету [11]. При этом значительное число граждан предпочитают новостные сообщества в мессенджерах и социальных сетях в качестве источника актуальных новостей. Среднесуточный охват новостных сообществ сегодня составляет примерно 16 % всего населения страны*.

Важно понимать, что в новостных сообществах преимущественно распространяется общественно значимая информация, распространение недостоверной информации «создает угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и т. д.»**. Сведения об актуальных для большинства граждан событиях вызывают широкий интерес и не всегда однозначное восприятие. Содержание новостных публикаций часто обсуждается интернет-пользователями, среди которых нередко и люди с экстремистскими взглядами.

Несмотря на широкий общественный интерес к данному формату получения и обсуждения общественно важной информации, в законодательстве отсутствует регламентация порядка ее размещения. Проблема во многом обусловлена отсутствием решения вопроса о правовом статусе новостных сообществ в социальных сетях и мессенджерах. Согласно положениям ст. 8 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124–1 «О средствах массовой информации», даже при подаче соответствующего заявления новостное сообщество не может быть признано средством массовой информации ввиду того, что оно не является самостоятельным сайтом, а функционирует на базе существующих информационных ресурсов, в нашем случае – сайтов социальных сетей и мессенджеров.

Определенная правовая регламентация деятельности владельцев сообществ в социальных сетях и мессенджерах заложена в ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон об информации). Был закреплен ряд обязанностей для лиц, объем аудитории сообществ и персональных страниц которых составляет более десяти тысяч пользователей. Вместе с тем указанные изменения коснулись преимущественно только одной обязанности по предоставлению контактных данных владельцев. Отдельный порядок распространения общественно значимой информации в новостных сообществах социальных сетей и мессенджеров, а также соответствующие обязанности предусмотрены не были. Ответственность за распространение перечисленных в ч. 1 ст. 15 Федерального закона об информации видов распространяемой с нарушением закона информации, в отношении владельцев рассматриваемых сообществ, наступает на общих для всех пользователей основаниях, предусмотренных административным и уголовным законодательством.

Для обеспечения информационно-психологической безопасности граждан целесообразно на законодательном уровне определить особый порядок, закрепляющий особенности распространения общественно значимой информации в новостных сообществах социальных сетей и мессенджеров. В целях осуществления контроля следует создать отдельный реестр новостных сообществ в социальных сетях, аналогичный тем, которые предусмотрены для владельцев персональных страниц, объем аудитории которых составляет более десяти тысяч пользователей, новостных агрегаторов, СМИ и социальных сетей.

Далее рассмотрим вопрос о совершенствовании мер предупреждения деструктивного информационно-психологического воздействия, оказываемого на несовершеннолетних

* Аудитория Интернета в 2022 году. Mediascope. URL: <https://mediascope.net/upload/> (дата обращения: 18.03.2025).

** Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в киберпространстве. Согласно положениям Концепции информационной безопасности детей*, приоритетными здесь должны выступать следующие направления: взаимодействие с родителями, вовлечение несовершеннолетних в позитивные общественно-государственные движения и поддержка информационного контента, формирующего традиционные нравственно-моральные ценности и патриотизм.

Однако при реализации вышеуказанных мер сегодня возникают проблемы. Дети все чаще предпочитают развлекательный контент, который нередко носит деструктивный характер. Основной целью для большинства популярных среди детей блогеров является извлечение прибыли, а не на воспитание позитивных ценностей. Большинство (78,6 %) из 42 опрошенных нами педагогических работников школ Омска и Красноярска согласились с наличием данной проблемы.

На наш взгляд, необходимо активизировать работу по контролю со стороны государственных органов и общественных организаций за качеством популярного среди несовершеннолетних контента. Кроме того, в целях обеспечения своевременного предупреждения следует организовать работу по оперативному доведению информации о деструктивных трендах до учителей и родителей, проводя профилактические мероприятия на ранних этапах.

Следует отметить, что вышеуказанные меры эффективны преимущественно только в краткосрочной перспективе. Однако важно не только реагировать на угрозы, но и своевременно формировать у детей чувство неприязни к различной деструктивной информации, опираясь на воспитание их в духе российских духовно-нравственных ценностей, закрепленных в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В данном документе одной из ключевых задач обозначена поддержка проектов, продвигающих традиционные ценности, и реализация государственной информационной политики, нацеленной на их укрепление (например, «Послы Победы», «Георгиевская лента», «Свеча памяти» и др.**). Несмотря на безусловную важность проведения подобных мероприятий, они преимущественно представлены в очном формате и не всегда могут привлекать внимание детей, проводящих большую часть времени в киберпространстве. В связи с этим представляется наиболее целесообразным увеличивать объем именно цифрового социально полезного контента и уделять особое внимание государственной поддержке соответствующих отечественных онлайн-проектов.

Следующее направление предупреждения киберэкстремистских преступлений – внедрение комплекса технических и организационно-тактических мер. В научном сообществе сегодня преобладает идея о том, что предупреждение киберпреступности должно быть многоуровневым. Помимо масштабных общесоциальных, необходимыми являются узконаправленные меры, рассчитанные на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов [12]. На наш взгляд, наибольший интерес представляют технические меры, выражающиеся в разработке и внедрении в деятельность правоохранительных органов новых комплексов программного обеспечения, предназначенных для предупреждения киберэкстремистских преступлений.

Перспективным направлением в данной сфере является применение технологий искусственного интеллекта (ИИ). В подпункте 5 п. 36 Стратегии противодействия экстремизму прямо указывается на необходимость проведения научных исследований, направленных на разработку технологий ИИ и их применение***. Наиболее целесообразно использовать ИИ в целях

* Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации: распоряжение Президента РФ от 28.04.2023 № 1105-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Распоряжение Правительства РФ от 01.07.2024 № 1734-р.

*** Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2030 года: указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

автоматического выявления и идентификации экстремистских материалов, публикуемых на открытых страницах в социальных сетях и мессенджерах. Соответствующие технологии ИИ способны производить достаточно эффективный автоматический анализ информации любого формата (текст, аудио, изображения и видео).

Отдельными исследователями уже рассматривалась возможность применения технологий ИИ в указанных целях. Как отмечает О. Б. Березина, «в контексте противодействия экстремизму эффективным представляется использование искусственного интеллекта для автоматизации процессов распознавания объектов, особенно в сфере лингвистики» [13]. Вопросы применения технологий ИИ для обнаружения и идентификации экстремистских материалов в своем исследовании рассматривают также В. В. Бычков и В. А. Прорвич [14].

Вместе с тем полагаем, что требуются научные разработки в целях разрешения вопроса о том, каким образом технологии ИИ должны получать доступ к анализируемой информации. Для того чтобы применить соответствующие технологии ИИ, следует сначала предоставить им исходные данные, которые они смогут обрабатывать в целях выявления и идентификации экстремистских материалов. Следовательно, необходимо определить соответствующий механизм обеспечения доступа к информации, которую ИИ будет подвергать анализу.

Рассматривая вопрос о порядке обеспечения доступа к информации на открытых страницах пользователей в социальных сетях и мессенджерах, следует отметить, что размещаемая на таких страницах информация доступна для ознакомления неограниченному кругу лиц. Она не охватывается положениями законодательства о неприкосновенности частной жизни. Публикации на открытых страницах пользователей обладают всеми признаками общедоступной информации, установленными ст. 7 ФЗ «Об информации». Следовательно, их можно подвергать автоматическому анализу на предмет наличия экстремистских материалов.

По нашему мнению, обеспечить оперативный доступ к информации на общедоступных страницах пользователей наиболее целесообразно путем доработки существующих алгоритмов социальных сетей и мессенджеров. В результате необходимо организовать автоматическую передачу рассматриваемых сведений в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Решение указанной задачи возможно посредством полномочий, которыми Правительством РФ наделен Роскомнадзор*. Считаем, что именно Роскомнадзор является наиболее подходящей для решения указанной задачи службой ввиду имеющейся технической оснащенности, а также наличия квалифицированных кадров технического профиля.

Для обеспечения реализации предлагаемой меры необходимо внести соответствующие законодательные уточнения в положения Федерального закона «Об информации», которые обязывали бы владельцев социальных сетей обеспечить автоматическую передачу содержания публикаций с общедоступных страниц пользователей.

Подчеркнем, что проблема стремительного распространения экстремизма в информационно-телекоммуникационном пространстве должна решаться путем своевременного выявления детерминирующих факторов как с учетом особенностей функционирования и восприятия пользователями информации в киберпространстве, так и принимая во внимание обстоятельства более общего характера, которые существуют в обществе безотносительно к ИТТ. В свою очередь, и комплекс предупредительных мер должен представлять собой сочетание мер как правового и общесоциального плана, так и более узконаправленного – технического и организационно-тактического.

* О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: постановление Правительства РФ от 16.03.2009 № 228. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Ильиных Н. А. Киберэкстремизм: понятие и разграничение с иным информационным деструктивным воздействием на человека в киберпространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 64–74.
2. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. 208 с.
3. Цыбулька А. М. Изменение ценностных основ в условиях глобальных вызовов человечеству // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 2. С. 68–71.
4. Казбан Е. П., Степанова С. С. Либерализм в ценностной системе российского общества // PolitBook. 2019. № 1. С. 181–193.
5. Засыпкина Л. Р. Политические процессы в России конца XX века как объект социокультурного анализа // ИСОМ. 2017. № 3–1. С. 50–55.
6. Есаулова К. С. К определению социальной смелости: в реальной жизни и интернет-коммуникации // Вестник РГГУ. Сер. Психология. Педагогика. Образование. 2016. № 2. С. 53–56.
7. Ананьев А. В., Ананьева Е. В. Страна управляемого неонацизма // Перспективы: Электрон. журнал. 2022. № 2. С. 26–48.
8. Ильиных Н. А. Указ. соч.
9. Чимаров С. Ю. Проблемный аспект ЧВК «Рёдан» и предметное поле правоохранительной деятельности ОВД России в формате молодежного дискурса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3. С. 97–98.
10. Петров А. И. Деятельность прокуратуры по правовому просвещению как средство профилактики правонарушений и преступлений // Oeconomia et Jus. 2018. № 3. С. 48–62.
11. Розенберг Н. В. Использование социальных сетей в деятельности коммерческих компаний (социологический анализ) // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 3. С. 110–121.
12. Аносов А. В. Специально-криминологическое предупреждение преступлений, совершаемых с использованием высоких технологий // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4. С. 93–97.
13. Березина О. Б. Искусственный интеллект и противодействие экстремизму // Актуальные вопросы образования. 2023. № 3. С. 212–215.
14. Бычков В. В., Прорвич В. А. Искусственный интеллект как средство противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 4. С. 47–52.

Информация об авторе

Н. А. Ильиных – адъюнкт.

Information about the author

N. A. Ilyinykh – *postgraduate*.

Статья поступила в редакцию 22.04.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 22.04.2025; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 02.06.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 67–72.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 67–72.

Научная статья

УДК 343.97

ВООРУЖЕННЫЕ НАПАДЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Шамо Гейсаддинович Мамедов

Омская академия МВД России, Омск

mamedovshamo@gmail.com, ORCID: 0000–0003–4979–1563

Аннотация. В статье представлены основные выводы, полученные в результате комплексного исследования вооруженных нападений в образовательных организациях. Автор предлагает новое определение понятия вооруженных нападений в образовательных организациях, представляет криминологическую характеристику данного преступного деяния, криминологический портрет личности преступника, детерминирующий комплекс и основанные на полученных сведениях меры предупреждения вооруженных нападений в образовательных организациях.

Ключевые слова: вооруженные нападения в образовательных организациях, массовые убийства в учебных заведениях, скулшутинг, колумбайн

Для цитирования: Мамедов Ш. Г. Вооруженные нападения в образовательных организациях: криминологическая характеристика и предупреждение // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 67–72.

Original article

ARMED ATTACKS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS: CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PREVENTION

Shamo G. Mamedov

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk,

mamedovshamo@gmail.com, ORCID: 0000–0003–4979–1563

Abstract. The article presents the main conclusions obtained as a result of a comprehensive study of armed attacks in educational institutions. The author proposes a new definition of the concept of armed attacks in educational organizations, presents a criminological description of this criminal act, a criminological portrait of the criminal's personality, a deterministic complex and, based on the information received, measures to prevent armed attacks in educational organizations.

Keywords: armed attacks in educational institutions, mass killings in educational institutions, school shooting, columbine

For citation: Mamedov Sh. G. Armed attacks in educational institutions: criminological characteristics and prevention // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025. 3 (72): 67–72.

Вооруженные нападения в образовательных организациях в настоящее время представляют собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Данный вид преступной деятельности является заимствованной формой криминального поведения, берущей начало с массового убийства в старшей школе Колумбайн (штат Колорадо, США) в 1999 г. Цифровизация общества и связанное с ней глобальное распространение информации по всему миру способствовали «заражению» сознания социума и серии аналогичных нападений в других государствах [1, с. 9].

Анализ зарубежных понятий «скулшутинг» и «колумбайн»*, а также концепций, предложенных отечественными учеными, позволил сделать вывод о необходимости внедрения нового термина «вооруженное нападение в образовательной организации», под которым предлагается понимать заранее спланированный акт агрессивного поведения, решение о котором сформировалось у лица под воздействием негативного отношения к нему в учебном коллективе образовательной организации и влиянием деструктивной субкультуры «Колумбайн», выражающейся в применении насилия, опасного для жизни и здоровья, с использованием оружия и (или) взрывоопасных предметов в отношении неопределенного круга лиц, находящихся на территории этой образовательной организации.

Проведенный криминологический анализ свидетельствует, что в период с 2014 (дата первого зарегистрированного случая) по 2024 г. на территории России было зафиксировано 16 случаев вооруженных нападений в образовательных организациях. В среднем на территории России совершается 1,4 случая вооруженных нападений в образовательных организациях в год. Общее число жертв от данных преступных посягательств приближается к 300 человек. Вооруженные нападения в образовательных организациях представляют собой единичные преступные посягательства, что затрудняет криминологическое прогнозирование по месту и времени их совершения.

Вооруженные нападения в образовательных организациях представляют собой особую форму насильственной преступности, выражающуюся в форме совершения квалифицированного убийства в совокупности с иными преступными посягательствами (хулиганство, незаконный оборот оружия, умышленное повреждение имущества и др.).

Время и место нападения выбираются преступником с учетом максимального скопления людей в ограниченном пространстве. Так, вооруженные нападения в образовательных организациях происходят во временной промежуток с 08:45 до 11:40 и совершаются в учебных классах, коридорах, спортивных залах, столовых и других помещениях. Лица, совершающие вооруженные нападения в образовательных организациях, выстраивают тактику нападения, анализируя модели предыдущих нападений подобного рода.

Исследование лиц, совершивших вооруженные нападения в образовательных организациях в России, позволило составить криминологический портрет потенциального преступника исследуемой категории. Им является молодой человек в возрасте 13–19 лет, учащийся образовательной организации, со средним полным образованием, воспитанный в полной семье, увлекающийся военной или оружейной тематикой и компьютерными играми, явно отрицающий общественные нормы, находящийся в депрессивном состоянии, проявляющий особенности замкнутой, нарциссичной личности, склонной к подражанию и культовому символизму, ранее не судимый, мотивированный мстостью, действия которого направлены на совершение в одиночку совокупности преступных посягательств, в основе которых особо тяжкое деяние – убийство двух и более лиц.

Исследование лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, неразрывно связано с изучением механизма их преступного поведения. Как справедливо

* Согласно решению Верховного Суда РФ от 02.02.2022 № АКПИ21–1059С, международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «скулшутинг») признано террористической организацией.

отметил И. В. Никитенко, «факторный комплекс, детерминирующий преступное поведение вообще и насильственную преступность в частности, складывается через взаимодействие объективных (конкретных жизненных обстоятельств) и субъективных свойств личности, что, собственно, и формирует механизм преступного поведения. Экстраполируя естественно-научное понимание механизма на человеческое поведение в общем и преступное поведение в частности, можно констатировать, что эти явления, как правило, рассматриваются через призму взаимодействия объективных (внешних) и субъективных (внутренних) факторов, что само по себе весьма логично, так как осознанное поведение индивида представляет собой субъективное отображение объективной реальности. Данное утверждение основано на множестве антропологических теорий, в которых человеческая личность рассматривается в контексте взаимодействия индивида с объективной реальностью» [2, с. 45].

Механизм преступного поведения лиц, совершающих вооруженные нападения в образовательных организациях, имеет ряд особенностей, среди которых:

- при формировании умысла – полимотивация с ведущим побуждением в виде мести за травлю и непринятие в учебном коллективе;
- при принятии решения – длительный психоэмоциональный процесс, в результате которого под влиянием криминогенных факторов нарастает убеждение в необходимости совершения нападения;
- при планировании – детальное моделирование сценария преступления посредством мысленного проектирования нападения в образовательной организации, в которой был получен психотравмирующий опыт, с учетом действий предыдущих преступников, совершивших аналогичные нападения, и особенностей конкретной ситуации;
- при исполнении решения – демонстративный акт, направленный на убийство неопределенного круга лиц, сопровождающийся предшествующими преступлению «сигналами» в виде не свойственных лицу увлечений насилием и жестокостью, отрешением от социума, интересом к оружию и прямыми угрозами о нападении в форме посланий в сети Интернет;
- при посткриминальном поведении – заранее спланированные действия лица, направленные на совершение суицида.

Разработка и реализация эффективных мер противодействия вооруженным нападениям в образовательных организациях невозможны без всестороннего исследования причин и условий, детерминирующих их существование и развитие. Учитывая, что вооруженные нападения в образовательных организациях в общем плане представляют собой акты агрессии, сопряженные с совершением убийства, детерминанты данной формы противоправной деятельности имеют специфические особенности. Проведенное исследование позволило классифицировать детерминанты вооруженных нападений в образовательных организациях по двум уровням воздействия:

1) макроуровень, охватывающий совокупность социальных отношений, формирующих основные сферы общественной жизни, среди которых аномия общества, представляющая собой его разобщение на фоне размывания культурных ценностей, что создает благоприятную среду для существования различных деструктивных идеологий; доступность получения лицензии на хранение и ношение оружие и легкость в его приобретении; дисфункция семей на фоне неблагоприятного социально-экономического положения;

2) микроуровень представлен такими детерминантами, как: кризис семейно-бытовых отношений, в том числе гипоопека, насилие в семье и ненадлежащее обращение с имеющимся оружием в части его хранения и допуска к нему детей; травля в учебных коллективах; негативное влияние отдельных компьютерных игр, основу которых составляют жестокость, насилие, агрессия, свободное моделирование виртуальной противоправной жизни.

Исследование зарубежного опыта предупреждения вооруженных нападений в образовательных организациях, а также сопутствующих явлений позволяет установить положительно

зарекомендовавшие меры превентивного воздействия и выявить эффективные методы, способствующие минимизировать вероятность совершения массовых убийств в учебных заведениях.

Наибольший интерес вызывают следующие меры предупредительного воздействия:

- профилактика суицидального поведения путем организации коллективных/индивидуальных тренингов, направленных на приобретение подрастающим поколением знаний и навыков к критическому осмыслению жизненных проблем, принятию конструктивных решений, сопротивлению негативным формам внешнего давления, а также навыкам распознавания у себя либо у других лиц признаков суицидальных наклонностей;

- комплексная профилактика травли в образовательных организациях, заключающаяся в систематической работе профессиональных сотрудников (педагогов, психологов) с обучающимися образовательных организаций в целях раннего выявления деструктивных изменений коллектива, в своевременном установлении лиц, склонных к агрессии и насилию (инициаторов травли), а также в индивидуальной работе с наиболее опасными проявлениями травли в коллективах. Обращают на себя внимание вопросы законодательного регулирования ответственности за травлю, в том числе в сети Интернет, а также модернизации системы выявления агрессивного контента, сопряженного с травлей отдельных лиц;

- организация курируемых правоохранительными органами экстренных служб анонимного приема сообщений о различных формах опасного поведения в образовательных организациях и признаках готовящегося акта вооруженного нападения;

- создание службы медиаторов, курирующих обучающихся образовательных организаций, предусматривающих не только предупреждение деструктивного влияния в учебном заведении, но и сопровождение досуга в свободное от учебы время в тесном контакте с родителями;

- обучение субъектов образования, с целью минимизации причиняемого вреда, действиям при совершении актов вооруженных нападений в образовательных организациях;

- использование искусственного интеллекта с целью идентификации лиц, выделяющихся из общей массы людей специфическим поведением, внешним видом, а также лиц, имеющих при себе оголенное огнестрельное оружие, холодное оружие или иной опасный предмет.

Проведенное исследование в области предупреждения вооруженных нападений в образовательных организациях, опыт зарубежных стран и отечественная практика обеспечения безопасности показывают необходимость организации комплексного превентивного воздействия на различные стороны проявления деструктивного воззрения и факторы, определяющие совершение массовых убийств в учебных заведениях. Предлагаем следующие меры предупреждения вооруженных нападений в образовательных организациях.

1. Организационно-правовые:

- изменение законодательства в сфере контроля за оборотом оружия в части сокращения периодичности проведения проверки условий хранения оружия граждан с 5 лет до 1 года;

- введение в подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел отдельной должности – инспектор полиции образовательной организации, который бы обеспечивал непрерывную профилактическую работу в стенах учебного заведения;

- мониторинг сети Интернет специализированными подразделениями правоохранительных органов в целях установления сведений о вовлечении/причастности/подготовки лица к совершению вооруженного нападения в образовательной организации;

- создание безопасной информационной среды через усиление требований, предъявляемым к распространяемым сведениям, в части минимизации транслирования информации, содержащей элементы жестокости и насилия, а также сведений о совершенных актах вооруженных нападений в образовательных организациях;

- широкое распространение информации об уголовной ответственности за совершение вооруженных нападений в образовательных организациях;

- обучение сотрудников правоохранительных органов и работников образовательных организаций основам профайлинга в целях своевременного выявления признаков лиц, склонных к совершению вооруженных нападений в образовательных организациях;
- совершенствование аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» посредством внедрения интеллектуального обнаружения в общественных местах лиц, направляющихся в сторону образовательных организаций с предметами, конструктивно схожими с оружием, и последующего экстренного сообщения об этом в правоохранительные органы;
- обеспечение образовательных организаций специализированными рамками и ручными металлодетекторами, рентгенотелевизионными интерскопами, а также портативными газоанализаторами при наличии сотрудников профессиональной охраны;
- обучение сотрудников образовательных организаций и обучающихся порядку действий при совершении вооруженного нападения в образовательной организации.

2. Психолого-педагогические:

- модернизация психолого-педагогического сопровождения учебного процесса посредством установления в ФЗ «Об образовании» и иных законодательных актах специальных норм, предусматривающих организацию мер предупреждения противоправной деятельности субъектов образования, мер реагирования на появление деструктивных воззрений в среде обучающихся, а также взаимодействия с правоохранительными органами по вопросам выявления на ранних стадиях лиц, склонных к совершению противоправной деятельности;
- организация психологической работы сотрудников образовательной организации с родителями обучающихся по вопросам воспитания, обучения и предупреждения вовлечения подростка в деструктивные движения;
- создание курируемой правоохранительными органами платформы, позволяющей родителям производить поверхностный мониторинг интернет-контента, посещаемого их детьми;
- организация доступной активной среды для детей и родителей, что позволит приобщить их к совместному активному времяпрепровождению и минимизировать существующие преграды, затрудняющие коммуникацию между поколениями;
- создание специальной единой государственной круглосуточной службы телефона доверия для обращения населения о фактах травли в образовательных организациях.

Названные меры предупреждения в полной мере нельзя считать всеобъемлющими, однако именно они могут лечь в основу эффективной превентивной деятельности. Реализация иных форм и методов предупреждения вооруженных нападений в образовательных организациях возможна при возникновении новых способов «заражения» и распространения идеологии массовых убийств, изменения государственной политики в области борьбы с преступностью, а принятие предупредительных мер должно соответствовать динамическим тенденциям развития общества.

Принимая во внимание имеющиеся выводы по вопросам сущности вооруженных нападений в образовательных организациях, личности преступника, детерминирующего комплекса и особенностей предупреждения противоправной деятельности, существует достаточно внушительный потенциал для последующей научной разработки. В частности, перспективным видится изучение динамики вооруженных нападений в образовательных организациях с учетом изменения политики государства, изменения законодательства и развития общества в целом.

Список источников

1. Лангман П. Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. М.: Бомбра, 2022. 304 с.
2. Никитенко И. В. Механизм преступного поведения как криминологическая парадигма: теоретическое и прикладное значение // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2024. № 3 (68). С. 42–49.

Информация об авторе

Ш. Г. Мамедов – преподаватель кафедры криминологии и профилактики преступлений.

Information about the author

Sh. G. Mamedov – teacher of the Department of Criminology and Crime Prevention.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 01.07.2025; принята к публикации 01.07.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 01.07.2025; accepted for publication 01.07.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 73–80.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 73–80.

Научная статья
УДК 343.8

ФАКТОРЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кристина Александровна Зарубина

Юго-Западный государственный университет, Курск
kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000–0003–2725–6906

Аннотация. В статье исследуются вопросы формирования криминального профессионализма у лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы в современных условиях функционирования уголовно-исправительных учреждений России. Выделены факторы детерминации криминального профессионализма, формирующиеся при отбывании наказания в виде лишения свободы: обмен ценностями и нормами криминальной субкультуры, преступными знаниями, умениями и опытом при совместном содержании разных категорий преступников в местах лишения свободы; формирование у преступников-профессионалов дополнительной мотивации к продолжению преступной деятельности после освобождения из мест заключения. В целях противодействия данным процессам предложено разработать федеральную государственную программу ресоциализации жизни профессиональных преступников, отбывших наказание в виде лишения свободы, и постпенитенциарного контроля за ними.

Ключевые слова: профессиональный преступник, уголовно-исправительные учреждения, исправление, уголовный закон, пробация, ресоциализация, криминальный профессионализм, криминальная субкультура, тюрьма

Для цитирования: Зарубина К. А. Факторы детерминации криминального профессионализма в условиях отбывания наказаний в виде лишения свободы в современной уголовно-исправительной системе Российской Федерации // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 73–80.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025–0010). Регистрационный номер 1024031900131–7–5.5.1–5.5.1–5.5.1.

Original article

FACTORS DETERMINING CRIMINAL PROFESSIONALISM IN THE CONTEXT OF SERVING PRISON SENTENCES IN THE MODERN PENAL CORRECTION SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kristina A. Zarubina

South-West State University, Kursk

kris1996z@mail.ru, ORCID: 0000–0003–2725–6906

Abstract. The paper examines the issues of the formation of criminal professionalism among persons who have served their sentences in the form of imprisonment in the modern conditions of functioning of Russian penal institutions. The factors determining criminal professionalism that are formed while serving a prison sentence are highlighted: the exchange of values and norms of the criminal subculture, criminal knowledge, skills and experience in the joint detention of different categories of criminals in places of detention.; formation of additional motivation for professional criminals to continue criminal activities after release from prison. In order to counteract these processes, it is proposed to develop a federal state program for the re-socialization of the lives of professional criminals who have served their sentences in prison and post-penitentiary control over them.

Keywords: professional criminal, correctional institutions, correction, criminal law, probation, re-socialization, criminal professionalism, criminal subculture, prison

For citation: Zarubina K. A. Factors Determining Criminal Professionalism in Conditions of Serving Prison Sentences in the Modern Penal Correction System of the Russian Federation // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 73–80.

Funding. The research was prepared as part of the implementation of the State Task “Legal Measures to ensure strategic priorities for countering threats to national security” (FENM-2025–0010). Registration number 1024031900131–7–5.5.1

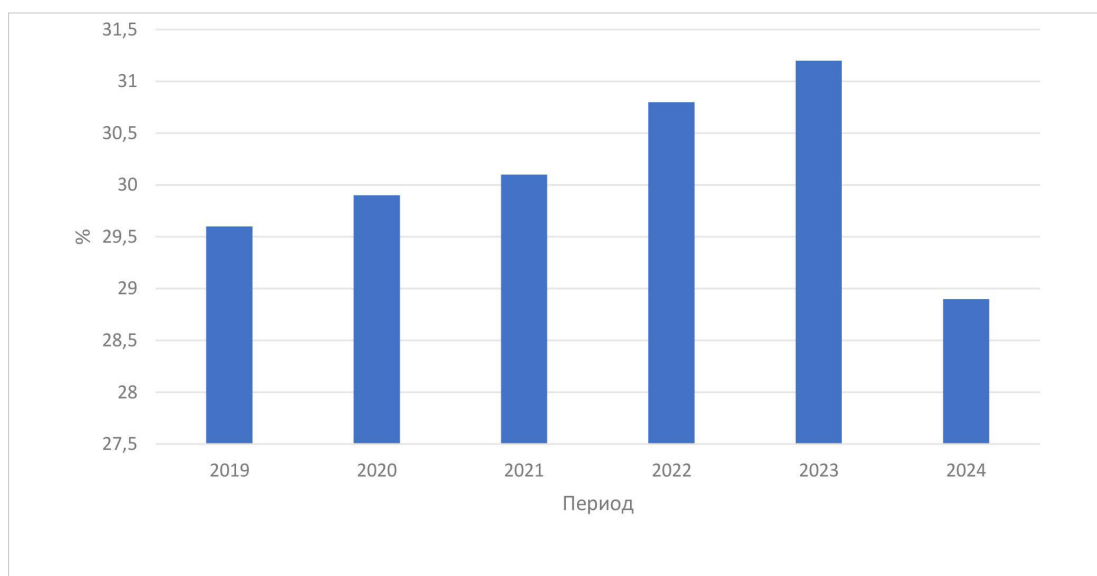
«Русская тюрьма не является и не может быть тем, чем ей быть следует, то есть институтом внутренней политики для борьбы с преступностью. Она, напротив, поддерживает и вновь зарождает преступления, ибо арестант выходит из тюрьмы испорченный и беспомощный...». Так о состоянии уголовно-исправительных учреждений России в XIX в. писал министр юстиции Н. В. Муравьев [1, с. 73]. Позднее известный русский революционер П. А. Кропоткин заключал, что тюрьмы в Российской империи являются ничем иным, как «университетами преступности, содержимыми государством» [2, с. 445–446]. Действительно, оценивая достижение исправительных целей наказания в виде лишения свободы после его отбывания в условиях действующей в то время уголовно-исправительной системы, многие дореволюционные исследователи справедливо отмечали, что так называемая «русская тюрьма» не способствует возвращению преступника после заключения к нормальной законопослушной жизни. Но если в условиях дореволюционной России об исправительных целях наказания задумывались немногие, в том числе и среди представителей высших органов государственной власти, поскольку большинство положений действующего в это время уголовного законодательства базировались, по справедливому утверждению исследователей, на идеях устрашения

и возмездия [3], то сегодня исправительная цель уголовного наказания является основополагающей при реализации уголовно-исполнительной политики в РФ (ст. 1 УИК РФ). Однако реальность достижения данной цели в существующих организационно-правовых реалиях и сейчас ставится под сомнение [4].

Целью настоящего исследования является анализ практики отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы в системе уголовно-исправительных учреждений РФ для определения в данных условиях факторов детерминации криминального профессионализма как одного из наиболее опасных проявлений преступного поведения.

Прежде всего отметим, что в настоящее время в России наблюдается устойчивая тенденция роста среди преступников удельного веса ранее судимых лиц.

*Удельный вес ранее судимых среди лиц, совершивших преступления в 2019–2024 гг.**

По данным диаграммы можно определить, что среди преступников число лиц, имеющих судимость, в среднем составляет около 30 %. При этом до 2024 г. наблюдается стабильный рост данной категории осужденных. Этот факт в сочетании с доминированием среди иных видов наказаний реального лишения свободы** прямо указывает на недостаточную эффективность работы действующей системы уголовно-исправительных учреждений, где отбывается наказание в виде лишения свободы. Особо следует подчеркнуть, что такие лица, согласно данным отдельных экспертных оценок, не просто повторно совершают преступления, а начинают «наращивать» свой криминальный потенциал, превращая преступную деятельность в промысел, занимаясь ею на постоянной, т. е. профессиональной основе, что значительно повышает общественную опасность совершаемых ими уголовно наказуемых деяний. Отдельные исследователи называют этот феномен «парадоксом тюрьмы», когда в условиях лишения свободы должен происходить процесс исправления осужденного, однако негативные характеристики изоляции, напротив, порождают дальнейшее укрепление отрицательного социального поведения в среде преступников [5]. В связи с этим возникает закономерный вопрос: какие именно негативные характеристики уголовно-исправительных учреждений способствуют детерминации преступной деятельности, в частности, одной из самых опасных форм ее проявления – профессиональной преступности?

* Состояние преступности в России. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 20.01.2025).

** Судебный департамент опубликовал статистику судимости в России. URL: <https://pravo.ru/news/243360/> (дата обращения: 20.01.2025).

В первую очередь отметим, что в условиях существующей уголовно-исправительной системы РФ осужденные к лишению свободы, в том числе на продолжительные сроки заключения, как правило, содержатся в исправительных учреждениях типа общежития (ст. 121–130 УИК РФ). Согласно Правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, исправительных учреждений и исправительных центров уголовно-исполнительной системы РФ, решение о распределении осужденных к лишению свободы по отрядам (камерам) принимается комиссией исправительного учреждения, возглавляемой его начальником или замещающим его лицом, с учетом личностных особенностей, а также состояния здоровья, последующего привлечения к труду и необходимости получения образования (профессионального обучения) осужденного*. Как видим, установленные «стандарты» в большей степени имеют рекомендательный характер и не предусматривают строгого распределения заключенных в зависимости от объекта преступного посягательства, направленности преступной деятельности, продолжительности заключения, прочих криминологически важных для исправления осужденного критериев. При этом такое совместное пребывание лиц, имеющих различный криминальный опыт и разное криминальное прошлое, с одной стороны, является вынужденной мерой ввиду невозможности строгого распределения заключенных по криминологически важным критериям, в первую очередь, из-за существенных организационно-управленческих и экономических затрат, на что справедливо указывают отдельные современные исследователи [6]. Однако, с другой стороны, подобное размещение преступников в исправительных учреждениях типа общежития способствует не исправлению осужденных к лишению свободы, а к получению ими новых криминальных знаний, умений, навыков от других преступников, отбывающих наказание в том же исправительном учреждении.

Общезвестно, что обмен криминальным опытом, специальными знаниями в данной сфере чаще всего происходит как раз в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы. Кроме того, вследствие совместного отбывания наказания в «смешанных» отрядах заключенные активно усваивают ценности и нормы криминальной субкультуры, активно детерминирующие самовоспроизводство профессиональной преступности, в том числе в условиях современности. В качестве примера приведем дело гр. Ф., который, отбывая наказание в виде лишения свободы, под влиянием своих сокамерников вступил в запрещенную в России организацию – «Арестантское уголовное единство» (АУЕ), признанную экстремистской**, и стал совместно с другим лицом организовывать сбор денежных средств с осужденных в целях формирования воровского общака, вести учет и распределение между осужденными его содержимого, а главное, пропагандировал криминальную субкультуру в среде заключенных, приобщая их к ценностям и нормам преступной среды «профессионалов». За осуществление данных действий Ф. был повторно привлечен к уголовной ответственности***.

Другой пример – дело гр. Н., осужденного по ч. 1 ст. 161 УК РФ к лишению свободы на срок 1 год 8 месяцев. Согласно сведениям администрации исправительного учреждения, где данное лицо отбывало наказание в виде лишения свободы, Н. под влиянием сокамерников стал активно поддерживать и пропагандировать ценности и нормы криминальной субкультуры, широко распространяемой в профессиональном преступном мире. На меры воспитательного

* Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (с изм. и доп.) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421232/19d17bf2c9f1c08f1493a79ed1af26d22468c026/#dst101661 (дата обращения: 10.02.2025).

** Включено Министерством юстиции РФ 29.10.2020 под № 78 в Перечень общественных и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности, размещенное в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на сайте Министерства юстиции Российской Федерации по адресу: www.minjust.gov.ru.

*** Приговор № 1–38/2023 от 10.08.2023 по делу № 1–38/2023, Островский городской суд (Псковская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J1xsDUul9SWC/> (дата обращения: 22.11.2024).

характера осужденный реагировал неправильно, за время нахождения в исправительном учреждении характеризовался отрицательно. После освобождения не смог вернуться к законопослушной жизни и, спустя некоторое время, был осужден повторно*.

Эти примеры дают основание заключить, что сами условия отбывания наказания в виде лишения свободы способствуют «профессионализации» преступного мира. Однако обмен криминальным опытом и усвоение осужденными в исправительных учреждениях ценностей и норм криминальной субкультуры являются не единственным фактором детерминации криминального профессионализма в данной среде.

Отдельно отметим, что при назначении наказания при совершении преступления профессиональным преступником нередко нарушается принцип соразмерности преступления и наказания, соблюдение которого является важной задачей уголовного правосудия. Общеизвестно, что достижение баланса между мерой наказания и тяжестью совершенного преступления обеспечивает исправление осужденных. Как справедливо отмечают современные исследователи, приговор не может быть ни слишком мягким, ни слишком жестким [7; 8]. В первом случае осужденный считает, что он «легко отделался», и это выступает дополнительным мотивом к продолжению преступной деятельности (после освобождения), а во втором – полагает, что правосудие, а значит, и общество, и государство в целом, от имени которого выносится обвинительный приговор, к нему несправедливы, поэтому возвращаться к законопослушному образу жизни не имеет смысла. Таким образом, исправительные цели наказания не достигаются.

Указанные обстоятельства дополнительно мотивируют преступника к продолжению ведения криминального образа жизни после отбывания наказания, а значит, способствуют росту в преступной среде криминального профессионализма, что наряду с условиями совместного, нередко «смешанного» пребывания заключенных в местах лишения свободы выступает фактором детерминации профессиональной преступности в целом.

Так, соглашаясь с утверждением И. В. Никитенко, укажем, что факторный комплекс, детерминирующий преступное поведение вообще и профессиональную преступность в частности, складывается через взаимодействие как объективных (конкретных жизненных обстоятельств), так и субъективных свойств личности, что и создает механизм преступного поведения, в том числе в случае формирования криминального профессионализма [9].

Как видим, в современной уголовно-исполнительной системе РФ обнаруживаются отдельные проблемы, связанные со сложностями достижения исправительных целей наказания и влекущие ввиду этого рост криминального профессионализма. Полагаем, что исключить действие указанных факторов, детерминирующих самовоспроизводство профессиональной преступности, полностью не представляется возможным, что определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, и здесь мы согласны с мнением Н. А. Коломытцева, отметим, что совместное содержание разных категорий осужденных (в том числе «обычных» преступников и преступников-профессионалов), действительно, противоречит принципу дифференциации и снижает эффективность исправительного воздействия [10]. Отдельной проблемой является совместное содержание в воспитательных колониях лиц, впервые осужденных к лишению свободы, и ранее отбывавших данный вид наказания несовершеннолетних, имеющих криминальный опыт, а также осужденных за совершение преступлений разной степени тяжести, что тоже крайне негативно сказывается на результатах исправительного процесса [11]. Однако в действующей уголовно-исполнительной системе обеспечить максимальную дифференциацию разных категорий осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, ввиду организационно-управленческих, экономических причин чрезвычайно сложно. Поэтому полностью

* Приговор № 1-11/2024 1-183/2023 от 08.02.2024 по делу № 1-11/2024, Саровский городской суд (Нижегородская область). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JUeqc9u64Kmn/> (дата обращения: 22.11.2024).

исключить контакты между преступниками-профессионалами и лицами, единожды совершившими преступления, а значит, пресечь распространение криминальной субкультуры в преступной среде и прекратить обмен криминальным опытом между осужденными, маловероятно.

Во-вторых, обеспечить оптимальный баланс между тяжестью преступления и соразмерностью наказания, чтобы достичь действительно справедливого и эффективного правосудия, является априори труднодостижимой задачей, особенно в отношении преступлений, совершенных преступниками-профессионалами, чья общественно опасная деятельность характеризуется высоким уровнем латентности и затруднительно «идентифицируется» действующими уголовно-правовыми средствами воздействия. Это дает основание заключить, что минимизация негативного действия выявленных факторов детерминации криминального профессионализма должна происходить не столько посредством совершенствования действующего уголовного законодательства и механизмов функционирования современной уголовно-исправительной системы РФ (хотя это также является актуальным направлением), сколько через модернизацию систем ресоциализации и постпенитенциарного контроля за осужденными, освободившимися из мест лишения свободы и обладающими вследствие этого значительным криминальным потенциалом.

Обратим внимание при этом на то, что работа по данному направлению уже активно ведется. Так, в 2023 г. был принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», предусматривающий создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание и т. д. Коррелирующим подзаконным актом является приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350*. В данных нормативно-правовых актах утверждается правовая основа регулирования общественных отношений в сфере пробации. Для пресечения совершения бывшими осужденными новых преступлений, а значит, и наращивания криминального опыта, утверждается система коррекции социального поведения, ресоциализации данных лиц. Основным направлением этой работы является реализация разных видов пробации, в числе которых постпенитенциарная пробация. Согласно нормам закона, она применяется в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы (а также принудительных работ), которые оказались в трудной жизненной ситуации и нуждаются в ресоциализации, социальной адаптации, реабилитации. Срок применения постпенитенциарной пробации определяется соответствующей индивидуальной программой, которая включает в себя работу по восстановлению и формированию социальных связей, консультирование по правовым и социальным вопросам, содействие в трудоустройстве, получении образования и т. п. Особое значение в рамках реализации данных мероприятий отводится проблемам усвоения позитивных социальных норм и правил поведения, ценностей социума, в который попадает лицо после отбывания наказания в виде лишения свободы.

Как видим, в законодательстве о пробации в РФ уделяется достаточно внимания противодействию возвращению лиц, единожды совершивших общественно опасное деяние и вследствие этого имеющих значительный криминальный потенциал, при освобождении из мест заключения к противозаконному образу жизни. Однако механизмы оказания постпенитенциарного сопровождения профессиональных преступников до настоящего времени не разработаны, несмотря на актуальность данного вопроса. В связи с этим, в целях обеспечения противодействия факторам детерминации криминального профессионализма

* О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: приказ Министерства юстиции РФ от 29.11.2023 № 350. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300040> (дата обращения: 27.01.2025).

в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы, в современной уголовно-исправительной системе РФ находим необходимой разработку федеральной государственной программы ресоциализации жизни профессиональных преступников, отбывших наказание в виде лишения свободы, и постпенитенциарного контроля за ними на основе положений Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» и приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 29 ноября 2023 г. № 350.

Ключевой в данной программе должна стать система юридического, социального, психологического, медицинского и прочего сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, чья противозаконная деятельность указывала на наличие у данного лица признаков криминального профессионализма. Считаем, что такая программа позволит нивелировать действие детерминирующих факторов самовоспроизводства профессиональной преступности и в целом сдерживать ее рост.

Таким образом, в современных условиях функционирования уголовно-исправительной системы РФ можно выделить такие факторы детерминации криминального профессионализма, формирующегося при отбывании наказания в виде лишения свободы, как обмен ценностями и нормами криминальной субкультуры, преступными знаниями, умениями и опытом при совместном содержании разных категорий преступников в местах лишения свободы, а также формирование у преступников-профессионалов дополнительной мотивации к продолжению преступной деятельности после освобождения из мест заключения ввиду назначения либо слишком мягкого, либо слишком сурового наказания, не позволяющего достигнуть цели исправления осужденного. В целях противодействия данным процессам предлагается разработать федеральную государственную программу ресоциализации жизни профессиональных преступников, отбывших наказание в виде лишения свободы, и постпенитенциарного контроля за ними на основе имеющегося законодательного опыта регулирования общественных отношений в сфере пробации. Это позволит скорректировать социальное поведение, процессы ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы, с учетом устойчивой отрицательной направленности психологического развития личности таких лиц, пресечь совершение ими новых преступлений, в том числе на профессиональной основе, сдерживая тем самым рост профессиональной преступной деятельности.

Список источников

1. Гуров А. И. Красная мафия. М.: Коммерческий вестник, 1995. 352 с.
2. Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Моск. рабочий, 1988. 544 с.
3. Осипкина А. С. Цели наказания в истории российского уголовного законодательства // Наука и современность. 2015. № 36. С. 270–276.
4. Казакова В. А. Цели наказания и их реализация в России и зарубежных странах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 2 (831). С. 193–204.
5. Хохряков Г. Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юрид. лит., 1991. 224 с.
6. Метлин Д. Г. Проблема рационального применения мер взыскания к осужденным, отбывающим лишение свободы, в отечественных пенитенциарных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 2. С. 214–220.
7. Волкова Т. Н. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1. С. 79–84.
8. Меликов Э. М. Детерминанты рецидивной корыстной преступности и их предупреждение // Наука и современность. 2017. № 50. С. 180–185.
9. Никитенко И. В. Механизм преступного поведения как криминологическая парадигма: теоретическое и прикладное значение // Вестник Дальневосточного юридического института им. И. Ф. Шилова. 2024. № 3 (68). С. 42–49.
10. Коломытцев Н. А. Проблемы противодействия рецидиву преступлений: традиции и современность // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4 (41). С. 49–60.
11. Крымов А. А., Попов В. В. Теоретико-методологический анализ социально-правовых и социально-психологических функций воспитательного центра в предупреждении рецидивной преступности несовершеннолетних и лиц молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 8–25.

Информация об авторе

К. А. Зарубина – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета.

Information about the author

K. A. Zarubina – *kandidat nauk*, degree in History, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 21.04.2025.

The article was submitted 13.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 21.04.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 81–87.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 81–87.

Научная статья
УДК 343.98

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРИ ДОПРОСЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Николай Евгеньевич Мерецкий¹, Павел Александрович Жердев²

^{1,2} Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск

¹ ugpd@rambler.ru

² pashkhv@yandex.ru

Аннотация. В данном исследовании анализируются ключевые проблемы, возникающие в процессе проведения допроса. Рассматриваются как теоретические аспекты, так и практические трудности, с которыми сталкиваются следователи в данной области. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с психологическими и тактическими аспектами допроса, а также организационным подходам к его проведению.

Ключевые слова: доказательства, обстоятельства, конфликт, допрос, тактические приемы, преодоление противодействия

Для цитирования: Мерецкий Н. Е., Жердев П. А. Тактические приемы нейтрализации противодействия расследованию при допросе участников уголовного процесса // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 81–87.

Original article

TACTICAL TECHNIQUES FOR NEUTRALIZING OBSTACLES TO INVESTIGATION DURING INTERROGATION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Nikolay E. Meretskiy¹, Pavel A. Zherdev²

1, 2 Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk

¹ ugpd@rambler.ru

² pashkhv@yandex.ru

© Мерецкий Н. Е., Жердев П. А., 2025

Abstract. This study analyzes the key issues that arise during interrogation. Both theoretical aspects and practical difficulties that investigators face in this area are considered. Particular attention is paid to issues related to the psychological and tactical aspects of interrogation, as well as organizational approaches to its implementation.

Keywords: evidence, circumstances, conflict, interrogation, tactical techniques, overcoming resistance

For citation: Meretsky N. E., Zherdev P. A. Tactical techniques for neutralizing obstacles to investigation during interrogation of participants in criminal proceedings // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025. № 3 (72): 81–87.

Допрос является следственным действием, сущность которого состоит в получении следователем показаний обо всех обстоятельствах, которые необходимо установить по уголовному делу, от допрашиваемых лиц. Без проведения допроса невозможно расследование ни одного уголовного дела. Несмотря на то, что допрос применяется следователями при расследовании уголовных дел чаще, чем другие следственные действия, он является достаточно сложным, многоплановым и трудоемким процессом, то есть для его проведения следователь должен обладать высоким уровнем профессионализма. В частности, следователь должен уметь правильно установить психологический контакт с допрашиваемым лицом, понимать его психологические особенности, вести допрос с учетом определенной следственной ситуации.

Основной целью проведения допроса выступает сбор всех достоверных сведений об обстоятельствах преступления, которые известны допрашиваемому лицу. При этом следователю необходимо обеспечить достоверность и полноту таких сведений, так как допрашиваемые лица в подавляющем большинстве случаев путаются в событиях произошедшего, основываются на своем личном внутреннем понимании таких событий. Допрашиваемые лица не всегда понимают и знают, какие именно сведения необходимы для расследования конкретного уголовного дела. Не исключено также добросовестное заблуждение допрашиваемого лица по поводу событий преступления или известных ему сведений.

На выбор тактики производства допроса положительным образом влияет фактор наличия достаточного объема информации о расследуемом преступлении. Такие сведения следователь получает из различных источников – процессуальных (результаты первоначальных следственных действий) и непроцессуальных (результаты оперативно-розыскных мероприятий). Также при установлении обстоятельств совершения преступления необходимы знания об особенностях механизма преступления, возможных орудиях и средствах его совершения. Бесспорно, залогом успешности проведенного допроса является тщательная подготовка к его производству. При реализации подготовительной стадии обязательно использование полученной в ходе доследственной проверки материалов [1, с. 36].

Н. Г. Шурухнов прямо отмечает, что «первоначальный допрос на предварительном следствии лица, от которого во время проведения предварительной проверки были получены объяснения, будет являться повторным изложением события, интересующего следствие. Данное обстоятельство имеет определенное значение, так как предварительная проверка создает благоприятную базу для допроса на предварительном следствии. Что касается недобросовестных участников процесса, то первоначальное получение объяснений от них дает возможность заранее определить позицию, которую займет это лицо на допросе, и соответствующим образом к этому подготовиться» [2, с. 22].

Основная проблема при проведении допроса связана с отсутствием подготовки к его проведению или недостаточным планированием производства следственного действия, когда не учитываются индивидуальные личностные факторы допрашиваемых и их характерные

черты личности, мотивы поведения, отсутствует составленный план и перечень вопросов, необходимых для установления сведений относительно расследуемого события, выбираются неправильные и малоэффективные тактические приемы для сложившейся следственной ситуации.

Рассматривая вопрос о противодействии расследованию и конфликтных ситуациях, возникающих в рамках производства допроса, следует отметить, что такие факты могут возникать не только между подозреваемым (обвиняемым) и лицом, осуществляющим предварительное расследование, но и между другими участниками процесса, например, противодействие между следователем, осуществляющим допрос, и защитником (адвокатом). Часто причиной противодействия расследованию при проведении допроса является ситуация, когда выполнение сторонами непосредственных уголовно-процессуальных функций сопровождается нарушениями требований уголовно-процессуального законодательства, адвокатской этики и общепринятых норм морали, этики и т. п.

В юридической литературе достаточно часто рассматриваются причины конфликта в ходе допроса между подозреваемым (обвиняемым) и должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование. В то же время возникновение аналогичных проблем между другими участниками уголовного процесса затрагивается гораздо реже, хотя на практике они достаточно распространены.

Следует отметить, что причиной конфликта становятся нарушения ст. 9 УПК РФ «Уважение чести и достоинства личности». Недобросовестные участники уголовного процесса часто допускают оскорбления, клевету и иные действия, унижающие честь и достоинство оппонентов. Естественно, чаще всего эти нарушения касаются стороны обвинения – следователя (дознателя) и потерпевшего. Совершаются такие действия чаще всего недобросовестными адвокатами. Прибегая в ходе допроса в присутствии своего подзащитного к оскорблениям, угрозам подачи жалоб на действия следователя в различные инстанции, к заявлению необоснованных ходатайств, они демонстрируют свою «активную» деятельность по защите прав и законных интересов своих подопечных, а также то, что потерпевший и следователь не являются для них препятствием для реализации «благородных» целей. Следует отметить, что имеют место быть и ошибки, прежде всего, у неопытных адвокатов, которые, усердно защищая своих подопечных, незаметно пересекают ту грань, за которой начинается конфликт.

Большое значение при подготовке к допросу отводится методу криминалистического прогнозирования противодействия расследованию с целью его эффективного предупреждения. При производстве по уголовному делу прогнозирование необходимо использовать для наиболее раннего обнаружения конфликтных ситуаций в ходе уголовно-процессуального взаимодействия, возможности их возникновения и развития.

Основным методом прогнозирования считаем метод мысленного моделирования. Его сущность заключается в моделировании лицом, в производстве которого находится уголовное дело, вариантов поведения участников допроса и прогнозирования возможностей возникновения конфликтов, в зависимости от исходной следственной ситуации. Основываясь на сформированной таким образом модели, следует выработать план и направления собственного поведения, алгоритм решения поставленных задач.

Если конфликт вызван отказом свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, необходимо предупредить их об ответственности за отказ от дачи показаний, а затем выяснить соответствующие причины и устранить их. Чаще всего от показаний отказываются под воздействием заинтересованных в этом лиц. Их необходимо выявить и принять меры, устраняющие отрицательное воздействие, вплоть до применения меры пресечения или привлечения к ответственности этих лиц в соответствии со ст. 309 УК РФ.

Как показывает практика, использование криминалистических методов, способов и приемов преодоления противодействия в ходе допроса будут эффективными только

в случае их правильного применения допрашивающим лицом. Это требует от него необходимых теоретических знаний, а также практических навыков, профессионального опыта. В теории конфликтов есть такой термин, как «конфликтная компетентность», то есть умение разобраться, насколько точно в конфликте представлены те противоречия, которые могут и должны быть разрешены. Именно такой способностью обязан обладать следователь, который должен любую конфликтную ситуацию разрешать в свою пользу. Для этого также необходимы положительные стартовые характеристики конфликта, то есть такое положение следственной ситуации, когда имеются определенные начальные данные для совместного разрешения противоречий в доказывании (например, наличие неопровержимых доказательств виновности допрашиваемого).

Не последнюю роль в разрешении конфликта при допросе играют его диагностика и последующее прогнозирование, в особенности, если конфликт переживает скрытый период. Для этого в первую очередь необходимо установить причины (мотивы) и формы конфликтного поведения.

Свидетели вступают в конфликт по следующим основаниям:

- боязнь мести со стороны подозреваемого (обвиняемого);
- желание помочь виновным в силу дружеских или родственных отношений;
- избежать наказания или смягчить вину, а также и наоборот, усугубить из мести и других низменных, корыстных побуждений;
- стремление скрыть свои собственные неблагоприятные поступки, аморальное поведение, трусость, опасаясь осуждения;
- отрицательное отношение к правоохранительным органам и нежелание в последующем выступать в качестве свидетеля, опознающего или участника иного следственного действия, а также быть вызванным в суд и др.

У потерпевшего мотивы несколько иные:

- неверие в возможности органов предварительного расследования по раскрытию преступлений, возмещению материального ущерба, обеспечению личной охраны;
- желание скрыть свое противозаконное поведение, например, сведения об источнике приобретения утраченного имущества;
- стремление преувеличить из чувства мести материальный ущерб либо, наоборот, снизить размер такового в силу дружеских, родственных или семейных отношений и др. [3, с. 317].

Конфликтные ситуации характеризуются несовпадением интересов определенных участников уголовного процесса, в ходе которого между такими участниками складываются отношения соперничества и противодействия. Соперничество проявляется в заинтересованности одного из участников или всех участников в даче ложных показаний или в отказе от дачи показаний. Например, в ходе допроса свидетеля, последний, боясь мести со стороны подозреваемого или обвиняемого, дает ложные показания либо с целью сохранить дружеские отношения с подозреваемым и в последующем помочь избежать наказания. В данном случае показания участников будут расходиться и могут привести к запутыванию следствия и искажению картины события преступления. Поэтому при допросе применяется такая последовательность проведения допросов участников уголовного процесса, при котором следователь допрашивает первым то лицо, которое, по его мнению, может дать более правдивые показания. Отметим, с таким лицом допрос должен быть произведен незамедлительно, чтобы другие участники не приняли меры для убеждения лица изменить свои показания. Одним из мотивов дачи ложных показаний свидетелем может служить проявление жалости к обвиняемому или нежелание иметь какие-то отношения со следствием, оправдываясь тем, что это может изменить его жизнь и мешать его работе, учебе и т. д.

Проблемы взаимоотношений участников уголовного процесса могут проявляться при сговоре, что характерно при совершении преступлений группой лиц по предварительному

сговору или организованными группами. Это проявляется в частичном признании вины подозреваемым или обвиняемым с целью скрыть соучастника, оправдывая это чувством долга либо проявлением страха.

При возникновении противодействия расследованию любой категории следователь обязан принять меры к установлению психологического контакта с допрашиваемым, поскольку важность такого вида доказательства по уголовному делу, как показания, полученные в результате допроса, неоспорима.

В науке криминалистики существует разработанная система инструментов преодоления конфликтной ситуации, возникшей в ходе допроса, которая состоит из соответствующих тактических приемов и методов. Однако в процессе допроса в ходе использования ряда тактических приемов, следователь и подозреваемый (обвиняемый), в той или иной степени, невольно оказывают давление друг на друга, это означает, что эмоциональное напряжение присутствует априори, и поэтому использование разработанных методик должно быть четко спланированным.

Причинами изменения правдивых показаний на ложные являются:

- страх перед разоблачением и наказанием, желание каким-то образом избежать наказания;
- отрицательное воздействие виновных лиц на участников уголовного процесса;
- отрицательное воздействие на одного из виновных лиц со стороны его соучастников, лиц, занимающих соответствующее положение в организованной группе;
- недоверие участников уголовного процесса правоохранительным органам, неверие в наказание виновного лица и в возможность возмещения ему ущерба;
- введение в заблуждение определенных лиц относительно конкретных обстоятельств совершенного преступления;
- в нередких случаях защита или скрытие своих близких и родственников.

В случае изменения показаний применяются три группы тактических приемов воздействия.

1. Психологические приемы, под которыми понимается психологическое воздействие на лицо, которое дает ложные показания. В таких целях применяются следующие методы психологического воздействия:

- метод изобличения в ложности утверждений допрашиваемого лица, в противоречивости его показаний. Для достижения цели могут применяться предъявление доказательств, внезапные вопросы;
- метод убеждения. Данный метод следует применять в том случае, когда допрашиваемое лицо желает воспринимать доводы, с ним установлен психологический контакт. Для достижения цели могут применяться следующие виды речевого убеждения: а) предложение дать правдивые показания, чтобы оказать содействие следствию, помочь установить истину, выполнить свой общественный долг; б) предостережение и предупреждение лица об ответственности за дачу ложных показаний.

2. Логические приемы. На первоначальном этапе допроса допрашиваемому предоставляется возможность свободно рассказать, изложить факты в той последовательности, в которой он их запомнил. Значение такого приема заключается в том, что при свободном рассказе допускается меньше ошибок и намного затрудняет дачу ложных показаний, чем при проведении допроса с постановкой вопросов и ответов. В случае применения данного приема в основном отталкиваются от приемов прямой и обратной аргументации, где необходимо:

- вначале выслушать свободный рассказ допрашиваемого лица, установить противоречия и предъявить их в последующем;
- оценить аргументы, которые могут отличаться от обстоятельств изложения события, при этом не оставляя ни одного аргумента без внимания;

– провести анализ и оценку аргументов и разделить их на более мелкие с целью извлечь достаточное количество информации из его фрагментов.

В некоторых случаях, когда в доказательственной базе недостаточно фактов для изобличения лжи лица, необходимо применять другие приемы в сочетании с данным приемом. Например, создать такую ситуацию, при которой допрашиваемое лицо поймет, что у следователя достаточно доказательств для его изобличения. Также желательно предъявлять доказательства с нарастающей силой – сначала менее значимые, а затем более значимые.

3. Тактические приемы, которые применяются в случаях противодействия расследованию: предъявление доказательств; косвенный допрос; форсированный или замедленный темп допроса; установление психологического контакта; выжидание; пресечение лжи.

В качестве основного тактического приема в научной литературе рассматривается предъявление вещественных доказательств. При использовании этого приема следователи (дознаватели) допускают следующие ошибки: не достаточно четко ориентируются в тактике реализации доказательственной информации при преодолении конфликтных ситуаций; при наличии и очевидной необходимости предъявления доказательств они не предъявляются; отсутствует надлежащая подготовка предъявления доказательств; неправильная последовательность предъявления доказательств; имеют место недостатки в фиксации предъявления доказательств и т. д.

Особенно эффективным является прием, который применяется в качестве элемента тактической комбинации: на фоне предварительного создания неконфликтной атмосферы допроса и отвлекающих, усыпляющих внимание вопросов используется фактор внезапности, или так называемых лобовых вопросов [4, с. 178].

Истребованные от участников уголовного процесса показания, полученные в результате допроса, играют важную роль в раскрытии и расследовании преступлений. При производстве первоначального допроса могут быть выявлены факты, указывающие на оговор лица. Поэтому следователю необходимо обратиться к плану производства допроса, который он составлял ранее, и оценить, все ли вопросы, находящиеся в плане, нашли свое отражение в протоколе и является ли информация, полученная во время допроса, исчерпывающей.

Подводя итог, следует отметить разнообразие разработанных приемов преодоления противодействия, возникшего в ходе допроса. Но даже самая подробная научная регламентация действий следователя не гарантирует стопроцентного положительного результата. Большую роль в разрешении конфликтной ситуации играет личный профессионализм допрашивающего, наличие у него опыта работы в подобных условиях. Следователь как независимое процессуальное лицо анализирует ситуацию и выбирает наиболее удобную и эффективную, по его мнению, линию поведения, часто используя собственные комбинации нескольких тактических приемов.

Список источников

1. Жердев П. А., Бондарчук А. С. Криминалистические и процессуальные аспекты производства следственных действий на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере компьютерной информации // Право и правопорядок: вопросы теории и практики: сб. науч. тр. Хабаровск, 2018. С. 33–38.
2. Шурухнов Н. Г. Использование при допросе ранее данных объяснений // Тактические приемы допроса и пределы их использования: сб. тез. теорет. семинара. М.: ВНИИ МВД СССР, 1980.
3. Усенко О. В. Конфликтные ситуации при допросе: криминалистическая диагностика и прогнозирование // Право и правопорядок в фокусе научных исследований: сб. науч. тр. Хабаровск, 2023. С. 316–319.
4. Мерецкий Н. Е. Необходимость реализации тактических комбинаций при допросе подозреваемых и обвиняемых // Право и правопорядок в фокусе научных исследований: сб. науч. тр. Хабаровск, 2023. С. 175–178.

Информация об авторах

Н. Е. Мерецкий – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, заслуженный юрист РФ;

П. А. Жердев – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики.

Information about the authors

N. E. Meretskiy – Doctor of Law, Professor, professor of the Department of Criminalistics, Honored Lawyer of the Russian Federation;

P. A. Zherdev – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, professor of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 22.08.2025; принята к публикации 22.08.2025.

The article was submitted 22.08.2025; accepted for publication 22.08.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 88–93.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 88–93.

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ РАДИОРАЗВЕДКИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Денис Викторович Галкин

Хабаровский филиал Московской академии Следственного комитета РФ имени
А. Я. Сухарева, Хабаровск
dvgalkin@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0931-1109>

Аннотация. В статье рассматриваются возможности получения криминалистически значимой информации в рамках радиоразведки во взаимодействии с операторами мобильной связи, радиочастотными центрами Роскомнадзора, бюро специальных технических мероприятий МВД России и следователями-криминалистами Следственного комитета РФ. Радиоразведка (радиоконтроль) позволяет обнаружить ближайшие базовые станции мобильных операторов и определить технические параметры радиосвязи, что в конечном итоге способствует установлению обстоятельств преступлений и изобличению виновных в их совершении. Отмечается, что данные радиоразведки используются оперативными и следственными подразделениями правоохранительных органов при выявлении, раскрытии и расследовании не только киберпреступлений, но и традиционных видов преступных посягательств.

Ключевые слова: расследование преступлений, радиоразведка, радиоконтроль, оценка радиоэлектронной обстановки, взаимодействие следователя со специалистами, киберпреступления, радиочастотные центры

Для цитирования: Галкин Д. В. Криминалистические возможности радиоразведки при выявлении и раскрытии преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 88–93.

Original article

FORENSIC CAPABILITIES OF RADIO INTELLIGENCE IN DETECTING AND SOLVE CRIMES

Denis V. Galkin

Khabarovsk branch of Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev, Khabarovsk
dvgalkin@bk.ru, <http://orcid.org/0009-0005-0931-1109>

Abstract. The article discusses the possibilities of obtaining forensically significant information within the framework of radio intelligence in cooperation with mobile operators, radio frequency centers of Roskomnadzor, the Bureau of Special Technical Measures of the Ministry

of Internal Affairs of Russia and forensic investigators of the Investigative Committee RF. Radio intelligence (radio monitoring) allows you to detect the nearest base stations of mobile operators and determine the technical parameters of radio communications, which ultimately helps to establish the circumstances of crimes and expose those guilty of committing them. It is noted that radio intelligence data is used by operational and investigative units of law enforcement agencies in identifying, solving and investigating not only cybercrimes, but also traditional types of criminal attacks.

Keywords: crime investigation, radio intelligence, radio monitoring, assessment of the radio-electronic situation, interaction of the investigator with specialists, cybercrimes, radio frequency centers.

For citation: Galkin D. V. Forensic capabilities of radio intelligence in detecting and solving crimes // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025. 3 (72) : 88–93.

Развитие цифровых технологий существенно трансформирует все сферы жизнедеятельности современного общества, включая формы и способы криминального поведения, а также соответствующие им методы работы правоохранительных органов [1, с. 90]. Значительное снижение традиционных видов преступлений против личности и собственности [2, с. 56] сопровождается стремительным ростом так называемых киберпреступлений, они же интернет-преступления или преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Не углубляясь в теоретическое обоснование указанных терминов, отметим, что большинство специалистов и исследователей относят к таким преступлениям телефонные мошенничества с банковскими счетами, бесконтактный сбыт наркотиков через мессенджеры, распространение противоправного контента, в том числе детской порнографии, пропаганду экстремизма, преступления в сфере электронной коммерции [3] и др.

Особенности совершения и методика расследования киберпреступлений обуславливают необходимость работы следователя с продуктами цифровизации [4] – следами преступлений в виде цифровых записей в различных блоках памяти, серверах и электронных носителях, а также в виде сигналов проводных и телекоммуникационных сетей передачи цифровой информации. К основным видам беспроводных (телекоммуникационных) сетей передачи данных относятся системы операторов сотовой связи стандарта GSM (разделяющиеся, в свою очередь, на поколения от 2G до современных 5G), а также локальные точки радиопередачи цифровых потоков данных по технологии Wi-Fi. Публичное предоставление услуг связи по указанным технологиям, включая оконечные устройства пользователей, в большинстве стран мира, в том числе и в России, подлежат обязательной регистрации*.

Взаимодействие правоохранительных органов с операторами мобильной связи обусловлено масштабом проникновения данной технологии в различные аспекты современной жизни. Операторы сотовой связи являются наиболее значимыми пользователями радиочастотного спектра, а повсеместное использование средств мобильной связи обуславливает формирование цифрового следа за каждым человеком. Цифровые следы, потенциально имеющие криминалистическое значение, отображаются не только в виде записей в различных хранилищах данных (серверы, блоки памяти, жесткие диски, флэш-накопители и пр.) [4], но и в виде радиосигналов от передатчика к приемнику. Наличие радиосигнала, источник его излучения и его характеристики могут быть выявлены с помощью специального оборудования, инструментально измерены и задокументированы.

Для того, чтобы дать представление о возможностях использования указанной информации в расследовании преступлений, необходимо осветить ключевые технические

* Часть 2 ст. 44 Федерального закона «О связи» № 126-ФЗ от 07.07.2003 (ред. от 26.12.2024).

аспекты систем сотовой связи. Наиболее крупными операторами мобильной связи по числу абонентов в России являются: «МТС» (около 80 млн абонентов), «Мегафон» (76 млн), «Билайн» (54 млн) и «Теле 2» (46 млн)*. Физическая инфраструктура операторов мобильной связи представлена вышками (мачтами, опорами) с антеннами (базовыми станциями), каждая из которых имеет несколько сот – направленных антенн, покрывающих радиосвязью определенный сектор. В крупных городах расстояние между базовыми станциями составляет около 800 м, в сельской местности – в среднем 20 км.

Операторы связи при заключении договора с абонентом присваивают каждому оконечному устройству абонента (технически – его SIM-карте) уникальный 11-значный номер – MSISDN (Mobile Subscriber Integrated Services Digital Number, номер мобильного абонента цифровой сети с интеграцией служб). Производители смартфонов и других мобильных устройств связи с SIM-картой присваивают каждому оконечному устройству 15-значный номер – IMEI (International Mobile Equipment Identity, международный идентификатор мобильного оборудования), который при подключении устройства в радиосеть отображается у оператора связи и фиксируется его биллинговой системой [5].

Таким образом, современные технологии сотовой связи позволяют, зная один из указанных параметров, отследить взаимосвязанные данные по цепочке: IMEI – MSISDN – личность абонента, причем в любой последовательности. Например, зафиксировав заводской серийный номер смартфона, обнаруженного в ходе осмотра места преступления, можно отследить всю цепочку (IMEI – оператор связи – абонентский номер MSISDN – личность абонента – детализация выходов в Интернет – интернет-провайдер – IP-адрес – URL интернет-ресурса (например, сайт коммерческого банка) – банковский счет абонента) и установить выполненные денежные переводы, имеющие значение для установления обстоятельств преступления.

На первоначальном этапе расследования преступлений, в условиях неочевидности и недостатка следов преступлений, для выдвижения обоснованных следственных версий правоохранные органы могут лишь предполагать, что подозреваемые использовали на месте преступления средства мобильной связи, не располагая при этом описанными выше исходными данными для идентификации абонентов. В такой следственной ситуации возникает необходимость проведения радиоразведки (радиоконтроля, или оценки радиоэлектронной обстановки).

Взаимодействие с техническими службами радиоконтроля способствует получению вышеперечисленной информации путем технически квалифицированного и документально подтверждаемого поиска базовых станций, обеспечивающих радиосвязь на исследуемом участке местности, например, на месте совершения преступления. Радиоконтроль позволяет обнаружить ближайшие базовые станции, определить зоны и секторы излучения их радиосигналов, а также их принадлежность конкретным операторам связи для последующего обращения к ним с запросом о предоставлении необходимых сведений, исходя из обстоятельств расследуемого события.

В Российской Федерации полномочия по радиоконтролю осуществляют радиочастотные центры, действующие в форме федерального государственного унитарного предприятия и его филиалов и подведомственные Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзору).

Уставными задачами Главного радиочастотного центра являются осуществление организационных и технических мер по обеспечению надлежащего использования радиочастот и радиочастотных каналов, радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств на территории России, содействие в выявлении нарушений в сфере использования радиочастотного спектра, оказания услуг связи, использования средств массовых коммуникаций и распространения информации.

* Согласно сведениям операторов мобильной связи на их официальных сайтах по состоянию на январь 2025 г.

Главный радиочастотный центр имеет филиалы во всех федеральных округах России, а обособленные подразделения филиалов (управления) действуют в большинстве административных центров субъектов Российской Федерации. Радиочастотный центр – это предприятие (хозяйствующий субъект), обладающее технической базой для осуществления контроля за использованием радиочастот на обслуживаемой территории. Кроме стационарных комплексов, в филиалах центра функционируют группы мобильного радиоконтроля, оснащенные специальными техническими комплексами на базе малых автобусов (минивэнов). Для пеленга радиочастот дополнительно используются носимые комплексы радиоконтроля и специальные средства измерений.

Технические возможности радиоконтроля, необходимые для получения криминалистически значимой информации, включают:

- измерение и запись параметров излучений радиоэлектронных средств (РЭС), в том числе базовых станций операторов мобильной связи, без подключения к ним;
- определение местоположения РЭС (пеленг);
- определение принадлежности (собственника) РЭС, а при невозможности этого – определение координат места его установки и его описание для последующего установления собственника.

Планируя взаимодействие со специалистами филиалов радиочастотного центра в регионах, необходимо учитывать административно-правовые и организационные особенности его деятельности. Как уже было отмечено, Главный радиочастотный центр (ГРЧЦ) находится в ведении Роскомнадзора, но филиалы центра имеют двойное (линейно-функциональное) подчинение. Непосредственно филиалы центра подчиняются головному предприятию – ГРЧЦ, а также функционально взаимодействуют с территориальными органами Роскомнадзора в федеральных округах по месту своей дислокации. При этом ГРЧЦ является государственным коммерческим предприятием, финансируемым в том числе за счет оказания платных услуг пользователям радиочастотного спектра. В уставных задачах центра исполнение поручений правоохранительных органов прямо не предусмотрено, а филиалы радиочастотного центра осуществляют мероприятия радиоконтроля на основании заданий территориальных органов Роскомнадзора в соответствии с нормативным регламентом взаимодействия*.

Результаты мероприятий по радиоконтролю филиалы радиочастотного центра направляют инициатору, т. е. в соответствующие территориальные органы Роскомнадзора, оформляя их актами и протоколами измерений, с указанием принадлежности базовой станции, их координатами и приложением фотографий места установки станции и ее антенно-фидерных устройств. В связи с этим запросы (заявки) на обнаружение базовых станций операторов мобильной связи следует адресовать в территориальные подразделения Роскомнадзора, далее поддерживая взаимодействие со специалистами радиочастотного центра в ходе непосредственного выполнения мероприятий по радиоконтролю для достижения целей следственного действия [6].

В следственной практике имеют место и иные примеры участия специалистов радиочастотного центра в выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий. Так, в одном из регионов телекоммуникационная компания обратилась в радиочастотный центр в связи с серьезными радиопомехами в работе одной из своих базовых станций. В ходе радиоразведки специалистами центра на бесхозном участке были обнаружены несколько автомобилей, похищенных у законных владельцев и находящихся в розыске. С помощью радиопеленга рядом был обнаружен являвшийся источником помех генератор радиопомех – специальный источник широкополосного

* Регламент взаимодействия территориальных органов Роскомнадзора с предприятиями радиочастотной службы: утв. приказом Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 23.10.2013 № 1186.

излучения, подавляющий работу автосигнализаций, со встроенными SIM-картами. В ходе дальнейших оперативно-розыскных и следственных мероприятий личности автоугонщиков были установлены*.

Кроме рассмотренных направлений деятельности, Главный радиочастотный центр также участвует в выявлении противоправного контента в сетевых ресурсах. В связи с этим в его структуре в 2021 г. создан Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде, его региональные офисы находятся в четырех городах: Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Новосибирске. Центр оказывает безвозмездную юридическую помощь гражданам по защите прав и законных интересов в связи с обработкой их персональных данных в сети Интернет, осуществляет правовое просвещение населения по вопросам безопасности использования информационно-телекоммуникационных технологий, в случае выявления признаков преступлений, в интересах граждан составляются заявления в правоохранительные органы**.

Сотрудники розыскных и следственных подразделений совместно участвуют с представителями радиочастотных центров в рабочих группах и оперативных штабах по обеспечению проведения значимых общественных мероприятий. Например, такое взаимодействие осуществлялось в ходе подготовки к зимним Олимпийским играм в Сочи (2014 г.), финалу чемпионата мира по футболу (2018 г.), летней универсиаде в Казани (2013 г.) и другим масштабным мероприятиям всероссийского и регионального уровня.

В связи с указанными организационно-правовыми особенностями взаимодействия правоохранительных органов и радиочастотных центров Роскомнадзора, в некоторых следственных ситуациях альтернативой ему может стать привлечение к проведению мероприятий по обнаружению базовых станций специалистов Бюро специальных технических мероприятий (БСТМ) МВД России, также обладающих техническими возможностями радиоконтроля и оснащенных соответствующими техническими средствами [7], либо – самостоятельное проведение таких мероприятий следователем (следователем-криминалистом Следственного комитета) с использованием общедоступных программных приложений и специальной криминалистической техники (датчики радиоэлектронной обстановки) [8].

Таким образом, развитие информационно-телекоммуникационных технологий существенно расширяет возможности поиска, фиксации и использования в правоохранительной деятельности различной технической информации в цифровом виде, что, в свою очередь, обуславливает возрастающее значение организации надлежащего взаимодействия с операторами мобильной связи, а также техническими службами сопровождения и контроля за использованием радиочастотного спектра.

Рассмотренные аспекты использования радиоразведки в интересах правоохранительной деятельности также актуализируют такие проблемы, как адекватное текущим криминальным вызовам оснащение правоохранительных органов современными технико-криминалистическими средствами, а также проблемы подготовки кадров правоохранительных органов в части совершенствования учебных планов и методики проведения занятий по программам высшего образования, переподготовки и повышения квалификации. Оперативникам, следователям и другим специалистам правоохраны в ходе осуществления своих профессиональных обязанностей в современных технологических условиях необходимо постоянно приобретать и применять познания из новых отраслей науки и техники, получающих широкое распространение. Актуальность и востребованность одних специальных познаний уходят в прошлое, другие отчасти теряют свою актуальность, уступая место новым криминалистическим средствам поиска достоверных юридических доказательств совершенных преступлений. Своевременное обновление требований к уровню и содержанию специальных познаний сотрудников, несомненно, положительно скажется на качестве и эффективности работы правоохранительной системы.

* Новости ФГУП «ГРЧЦ». URL: <https://grfc.ru/grfc/filials/sfo/news/detail/index.php?ID=42479>.

** Сайт Центра правовой помощи гражданам в цифровой среде ФГУП «ГРЧЦ». URL: <https://4people.grfc.ru/>.

Список источников

1. Криминалистика XXI века: стратегия и тактика развития: кол. моногр. / Е. П. Ищенко, Э. У. Бабаева, О. В. Волохова [и др.]. М., 2023. 208 с.
2. Галкин Д. В. Особенности криминальной ситуации в Дальневосточном федеральном округе (по состоянию на 2023 год) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2024. № 3 (68). С. 50–57.
3. Гладыч Н. В. К вопросу о понятии и видах финансовых преступлений в киберпространстве // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2024. № 4 (69). С. 22–29.
4. Герасименко Н. И. Понятие «цифровой след» в современной криминалистике // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2024. № 4 (69). С. 91–95.
5. Скобелкин С. Ю. Об использовании специальных знаний при исследовании смартфонов // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: материалы II всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19 октября 2023 г.). М.: Моск. академия Следственного комитета РФ, 2024. С. 187–191.
6. Баранов В. П., Мельниченко А. Ю. Взаимодействие органов предварительного следствия и радиочастотной службы с целью проведения оценки радиоэлектронной обстановки // Вестник Главного управления кадров СК России. 2020. № 1(46). С. 20–23.
7. Труняева О. Н. Взаимодействие оперативных подразделений Бюро специальных технических мероприятий ГУ МВД России по Московской области со следственными подразделениями органов внутренних дел по реализации материалов документирования в уголовном судопроизводстве // Образование. Наука. Научные кадры. 2017. № 5. С. 57–61.
8. Чирков П. С. О практике оценки радиоэлектронной обстановки на месте происшествия, получения и анализа информации об абонентах, абонентских устройствах и их соединениях // Криминалистика: прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 17 октября 2019 г.) / под ред. А. М. Багмета. М., 2019. С. 636–639.

Информация об авторе

Д. В. Галкин – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики.

Information about the author

D. V. Galkin – kandidat nauk degree in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 11.03.2025.

The article was submitted 11.03.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 11.03.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 94–99.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 94–99.

Научная статья
УДК 343.98

О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Оксана Владимировна Усенко¹, Татьяна Феликсовна Пудовикова²

¹ Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск

² Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Хабаровск

¹ oksana.usenko@list.ru

² gelustf@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ различных подходов к пониманию сущности и значения криминалистического обеспечения расследования преступлений с научной и практической точек зрения. Исследован вопрос об организации криминалистического обеспечения расследования преступлений, которое включает в себя комплекс криминалистических знаний, технико-криминалистических средств и тактико-криминалистических приемов, необходимых для эффективного проведения предварительного расследования.

Ключевые слова: предварительное расследование, преступление, криминалистическое обеспечение, следственные действия, следователь, технико-криминалистические средства

Для цитирования: Усенко О. В., Пудовикова Т. Ф. О криминалистическом обеспечении расследования отдельных видов преступлений // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 94–99.

Original article

ON FORENSIC SUPPORT FOR THE INVESTIGATION OF CERTAIN TYPES OF CRIMES

Oksana V. Usenko¹, Tatyana F. Pudovikova²

¹ Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk

² Far Eastern branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Khabarovsk

¹ oksana.usenko@list.ru

² gelustf@mail.ru

Abstract. The article analyzes various approaches to understanding the essence and significance of forensic support for crime investigation from a scientific and practical point of view. The issue of organizing forensic support for crime investigation, which includes a set of forensic knowledge, technical and forensic tools and tactical and forensic techniques necessary for effective preliminary investigation, is studied.

Keywords: preliminary investigation, crime, forensic support, investigative actions, investigator, technical and forensic means

For citation: Usenko O. V., Pudovikova T. F. On forensic support for the investigation of certain types of crimes // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3(72): 94–99.

Криминалистическое обеспечение является необходимой составляющей процесса расследования преступления, поскольку выступает неотъемлемой частью создания прочной доказательственной базы по уголовному делу. Большое разнообразие следственных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений, требует от следователя осмысленной деятельности по организации криминалистического обеспечения, а также знания специфики направлений экспертно-криминалистической деятельности и возможностей различных видов экспертиз. Современный процесс раскрытия, расследования и предупреждения преступлений во многом стал высокотехнологичным и не видится без соответствующего технического сопровождения и оснащения [1, с. 87].

Установление механизма преступления, причинно-следственной связи между действиями подозреваемого в совершении преступления и наступившими последствиями, а также сопряженные с этим обнаружение и изъятие следов преступления, их исследование, установление истинности и достоверности доказательств вызывают необходимость использования специальных знаний при расследовании различных видов преступлений. [2, с. 102]. Для выполнения данных задач следователь производит комплекс следственных действий с привлечением специалистов различных направленностей.

Технические средства, стоящие на вооружении в органах внутренних дел, можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся технические средства, которые были заимствованы из различных областей человеческой деятельности; ко второй группе относятся такие технические средства, которые специально были разработаны для раскрытия преступлений [3, с. 135].

В первую группу технических средств, используемых при раскрытии и расследовании преступлений, включены средства из самых разных областей человеческой деятельности, которые могут использоваться как в первозданном виде, так и с внесенными конструктивными изменениями. Сам процесс задействования современных достижений науки и техники в криминалистическую практику по-прежнему остается весьма активным и продуктивным [4, с. 135]. Правоохранительные органы в процессе своей деятельности пополняют запасы криминалистической техники:

- цифровой фото-, видеоаппаратурой, применяемой в целях фиксации проводимых следственных действий и обнаруженных объектов, представляющих интерес в процессе расследования преступлений;

- разнообразными средствами измерения (измерения могут осуществляться в целях фиксации расстояния от одного объекта до другого; для привязки обнаруженного объекта к условному месту; для измерения веса обнаруженных и изъятых объектов);

- средствами освещения, в число которых входят осветительные приборы различной конструкции для получения светового излучения;

- детекторами определения подлинности денежных знаков и документов, принцип работы которых основан на излучении инфракрасных лучей, заставляющих светиться специальные метки и волокна, указывающие на подлинность представленных бумаг.

Также в процессе расследования преступлений возможно обращение к помощи 3D-сканеров, которые основываются на точном измерении расстояний до характерных точек исследуемого объекта. Это позволяет определить их координаты в пространстве и построить цифровую объемную модель, в дальнейшем у специалиста появляется возможность ее вывода на экран компьютера [5, с. 72]. Данные средства позволяют более наглядно запечатлеть исследуемую обстановку, что дает возможность проверки совершения тех или иных действий.

Еще одним техническим средством, которым в процессе проведения осмотра места происшествия могут воспользоваться участники следственно-оперативной группы, являются квадрокоптеры. Они представляют собой летательные аппараты с четырьмя несущими винтами, оснащенные камерой, передающей изображение на экран телефона (планшета, компьютера). Часто квадрокоптеры используются в случаях, когда произошло крупномасштабное преступление и необходимо провести осмотр большой территории. В связи с тем, что, например, отдельные дорожно-транспортные преступления являются довольно масштабными, не ограничиваются двумя участниками и имеют протяженные границы, возникает необходимость использования специальных технических средств фиксации. Проанализировав проблемные моменты, возникающие при осмотре места дорожно-транспортных преступлений, можно сделать вывод об эффективности применения беспилотных летательных аппаратов с целью фото- и видеофиксации следовой картины произошедшего. Работа с квадрокоптерами (беспилотными летательными аппаратами) должна осуществляться только специалистами, которые имеют определенные познания в области применения беспилотных летательных аппаратов и допуск к их использованию.

Вышеперечисленный комплекс технических средств не является исчерпывающим, указанный перечень довольно обширен, и не представляется возможным упомянуть абсолютно все технические средства, стоящие на вооружении в органах внутренних дел.

К следующей группе следует отнести системы, аппаратуру, вещества и устройства, которые специально были разработаны и созданы в целях решения криминалистических задач.

1. Для обнаружения следов биологического происхождения на месте совершения преступления может применяться портативный источник света Projectina SL-450, представляющий из себя мощную ксеноновую лампу, способную работать в широком диапазоне волн и обеспечивать высокую интенсивность света. В процессе работы с данными приборами специалисту необходимо учитывать угол освещения, который должен составлять менее 90°, и характеристики ультрафиолетовых лучей, поскольку, например, сгустки крови обладают возможностью поглощения ультрафиолета, что отмечается отсутствием характерного свечения. Для эффективного обнаружения следов биологического происхождения оптимальная длина волны ультрафиолета составляет 365 нанометров, и продолжительность ее применения не должна превышать 90 секунд, т. к. при длительном воздействии ультрафиолета происходит повреждение нитей ДНК, что приводит к невозможности дальнейшего проведения экспертизы тканей и выделений человека, животных и судебной биологической экспертизы.

2. Оборудование для проведения исследований ДНК. В целях обнаружения на месте происшествия ДНК-материала в системе M-VAC используется запатентованный влажный вакуумный фильтр для сбора биоматериала со всех типов поверхностей, как пористых (одежда, оштукатуренные стены, постельное белье, полотенца и т. п.), так и непористых. Система M-VAC одновременно распыляет буферный раствор, не содержащий постороннего ДНК, на исследуемую поверхность и применяет вакуумное устройство для втягивания распыленного раствора с извлеченными частицами в прилагаемый флакон для сбора образцов. Затем буферный раствор пропускается через фильтр с отверстиями размером 0,45 микрон, чтобы извлечь биоматериал из раствора. По окончании фильтрации раствора фильтр можно упаковать и отправить в криминалистическую лабораторию для проведения молекулярно-генетического исследования. После сбора ДНК с поверхности собранный буферный раствор фильтруется, фильтр запечатывается в прилагаемый воздухопроницаемый пакет, полученные образцы соответствующим образом опечатываются и отправляются в лабораторию для криминалистического исследования [6, с. 25].

3. Реагент «ЛюмиКрим» применяется для обнаружения невидимых следов биологического происхождения. Данный реагент обладает высокой чувствительностью, поэтому часто применяется для обнаружения признаков сокрытия следов (попытки смыва следов крови

в раковину; замывание полов с помощью моющих средств и т. д.). Результатом положительной реакции данного реагента является синеватое свечение, которое можно увидеть в затемненном помещении без использования каких-либо дополнительных осветителей.

4. Слепочная паста «Микросил», специально созданная для изъятия выявленных следов на различных поверхностях. Возможность обнаружения следов на текстурированных поверхностях с помощью немагнитных дактилоскопических порошков известна. Но вот изъять данные следы порой бывает достаточно проблематично, так как не всегда дактилоскопическая пленка может полностью захватить обнаруженный отпечаток пальца руки по причине рельефности поверхности объекта. Тогда на помощь приходит слепочная паста «Микросил», которая накладывается на интересующую нас область. В течение 10 минут паста застывает, и после снятия ее с объекта мы можем получить оттиск перекопированного следа. В дальнейшем с полученным фрагментом можно обращаться довольно свободно, так как он не теряет свою форму, это позволяет исследовать полученный образец без опасения его повреждения.

5. Набор «ХЕМАтестКровь», принцип работы которого основывается на выявлении антигена крови человека (гемоглобина) в собранном биологическом материале. В результате взаимодействия антител, специфичных к гемоглобину, содержащихся на тест-полоске с микрочастицами крови происходит проявление цветной линии, что указывает на присутствие гемоглобина в образце.

Приведем пример применения набора «ХЕМАтестКровь». Так, в июне 2022 г. в дежурную часть ОП № 5 УМВД России по г. Хабаровску поступило заявление о преступлении. Заявление содержало следующую информацию. Гражданка ФИО1 сообщила о том, что прогуливалась с ФИО2 возле дома № 10 по адресу <адрес>. Через некоторое время к ним присоединился ФИО3 – супруг ФИО2. В определенный момент между ФИО2 и ФИО3 произошла ссора, в результате которой последний с применением предмета, используемого в качестве оружия, нанес ФИО2 колото-резаное ранение в район брюшной полости. Прибывшая на место следственно-оперативная группа в ходе проведения осмотра места происшествия обнаружила нож со следами вещества бурого цвета вблизи места, на которое указала гражданка ФИО1. ФИО3, который находился в непосредственной близости от места совершения преступления, был задержан сотрудниками уголовного розыска. При визуальном осмотре верхней одежды ФИО3 были замечены три пятна бурого цвета. Специалистом, прибывшим в составе следственно-оперативной группы, был использован набор «ХЕМАтестКровь», который показал положительную реакцию, указав на следы крови на одежде ФИО3*.

В целях совершенствования профессиональной деятельности, накопления информации, способствующей в дальнейшем оперативному раскрытию и расследованию преступлений, сотрудники органов внутренних дел в корне изменили процессы ведения имеющихся криминалистических учетов, способы обращения к ним, методы накопления и систематизации поступающей информации. Как известно, криминалистические учеты во многом ускоряют и упрощают процесс раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. Осуществление своевременной проверки по криминалистическим учетам дает возможность сократить время по установлению лица, подозреваемого в совершении преступления.

В настоящее время процесс противодействия незаконному распространению наркотиков и их потреблению претерпевает глобальные изменения, в том числе в методах идентификации и контроля психоактивных веществ. Одним из основных методов идентификации токсикологически значимых веществ в биологическом материале является хромато-масс-спектрометрия. Однако возможности данного метода в области судебно-химических

* Обвинительное заключение по уголовному делу №12201080025000404 по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ // Следственный отдел по Железнодорожному району г. Хабаровска СУ СК России по Хабаровскому краю и Еврейской автономной области. 2022 г.

и химико-токсикологических исследований во многом определяются программным обеспечением, а также наличием полных и актуальных библиотек масс-спектров [7, с. 115]. В сложившейся ситуации в области идентификации и контроля психоактивных веществ востребованным инструментом, обеспечивающим сбор, обработку, а также анализ информации, является программный комплекс «АИПСИН АнтиНаркотики».

Данный программный комплекс предназначен для информационного обеспечения деятельности госструктур как в сфере борьбы с незаконным оборотом психоактивных веществ, так и при контроле легального оборота психоактивной продукции, социально опасных веществ и связанных с ними объектов [8, с. 17]. Этот программный продукт позволяет значительно повысить эффективность выявления и предотвращения незаконного оборота наркотических и психотропных веществ. Информационное наполнение программного комплекса формировалось путем изучения специалистами – химиками, правоведами и экспертами – специализированной литературы, мониторинга интернет-площадок и форумов, путем сотрудничества с экспертными лабораториями, самостоятельной идентификации веществ по полученным от потребителей масс-спектрам, а также использования информации из открытых баз данных после ее обязательной верификации. При этом спектральная и иная информация баз данных АИПСИН формируется на основе изъятий и исследований, проводимых не только на территории Российской Федерации и Республики Беларусь, но и целого ряда других стран [9, с. 98].

Таким образом, следует подчеркнуть, что технические средства, стоящие сегодня на вооружении органов внутренних дел, оказывают неоценимую помощь в процессе раскрытия и расследования различных видов преступлений. Вместе с тем, несмотря на многообразие научно-технических средств, не всегда представляется возможным раскрыть то или иное преступление, т. к. и преступники постоянно «придумывают» новые способы совершения и сокрытия преступлений. Поэтому сотрудники органов внутренних дел нуждаются в более совершенном технико-криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, способном выявлять различные оставляемые преступниками следы.

Список источников

1. Кузнецова Е. А. Особенности технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений в условиях пандемии и по ее завершению // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Москва – Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 г.). СПб.: Санкт-Петербургская академия СК РФ, 2024. С. 86–91.
2. Толстошеев И. В., Коломинов В. В., Зубенко Е. В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере безопасности дорожного движения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 4 (16). С. 100–107.
3. Ксендзов Ю. Ю. Актуальное состояние и перспективы технико-криминалистического обеспечения расследования преступлений // Право и государство: теория и практика. 2022. № 6 (210). С. 134–137.
4. Там же.
5. Газизов В. А., Заварихина Е. О., Бондаренко Д. М. 3D-сканирование и совершенствование методов габитоскопических исследований в условиях цифровой трансформации криминалистики // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. в рамках междунар. выставки «Интерполитех-2022» (Москва, 20 октября 2022 г.). М.: Моск. ун-т МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. С. 67–77.
6. Карданов Р. Р. Современное состояние технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 24–26.
7. Бычков В. А., Горбачева Т. В. Возможности ИПС «АИПСИН АнтиНаркотики» для рутинных ХТИ (постер) // Судебная медицина. Наука. Практика. Образование. 2016. Т. 2, № 2. С. 115–116.
8. Мисник В. Л., Юрченко Р. А. Современные технологии в борьбе с незаконным оборотом наркотиков: проблемы и перспективы // Подготовка кадров для субъектов системы обеспечения национальной безопасности: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 22 декабря 2016 г.). Минск, 2017. Т. 2. С. 16–20.
9. Колосовская Е. Ю., Павловец Ю. С., Юрченко Р. А. Программный комплекс «АИПСИН АнтиНаркотики» – эффективный инструмент для химико-токсикологических исследований // Лаборатория и производство. 2019. № 6 (10). С. 98–102.

Информация об авторах

О. В. Усенко – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики;

Т. Ф. Пудовикова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Information about the authors

O. V. Usenko – *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor of the Department of Criminalistics;

T. F. Pudovikova – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, associate professor of the Department of Criminal Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 05.08.2025; одобрена после рецензирования 05.08.2025; принята к публикации 05.08.2025.

The article was submitted 05.08.2025; approved after reviewing 05.08.2025; accepted for publication 05.08.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 100–107.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 100–107.

Научная статья

УДК 343.98

ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ БЕСПИЛОТНОГО ВОЗДУШНОГО СУДНА КАК ОРУДИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Александр Владимирович Морозов¹, Дина Валериевна Котельникова²

^{1,2} Волгоградская академия МВД России, Волгоград

¹ 93volga.mat@mail.ru

² va-dina@mail.ru

Аннотация. Беспилотные летательные аппараты все активнее входят в повседневную жизнь и находят широкое применение в различных сферах человеческой деятельности. Тем не менее, все чаще эти технологии начинают использоваться в незаконных целях. В статье раскрываются возможности технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, связанных с применением беспилотных летательных аппаратов как средств и орудий совершения преступлений.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, беспилотное воздушное судно, преступление, следы, криминалистические и специальные экспертизы

Для цитирования: Морозов А. В., Котельникова Д. В. Возможности комплексного подхода к исследованию беспилотного воздушного судна как орудия совершения преступления // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72) С. 100–107.

Original article

THE POSSIBILITIES OF AN INTEGRATED APPROACH TO THE STUDY OF AN UNMANNED AIRCRAFT AS A WEAPON FOR COMMITTING A CRIME

Alexander V. Morozov¹, Dina V. Kotelnikova²

^{1,2} Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Volgograd

¹ 93volga.mat@mail.ru

² va-dina@mail.ru

Abstract. Unmanned aerial vehicles are increasingly entering everyday life and are widely used in various fields of human activity. However, these technologies are increasingly being used for illegal purposes. The article reveals the possibilities of technical and forensic support for the detection and investigation of crimes related to the use of unmanned aerial vehicles as means and instruments of committing crimes.

Keywords: inspection of the accident site, unmanned aircraft, crime, traces, forensic and special examinations

For citation: Morozov A. V., Kotelnikova D. V. The possibilities of an integrated approach to the study of an unmanned aircraft as a weapon for committing a crime // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 100–107.

Современная эпоха значительно продвинулась в области развития науки и технологий. Беспилотные воздушные суда (далее – БВС, БПЛА, дрон, беспилотник) всё активнее входят в повседневную жизнь человека, а как следствие, интегрируются в преступную деятельность. В настоящее время признана реальной угроза применения беспилотных летательных аппаратов в качестве орудий совершения преступлений, в том числе, и в террористических целях. Согласно официальным сведениям Министерства обороны Российской Федерации, с начала проведения специальной военной операции над территорией России было уничтожено более 40 тыс. беспилотных летательных аппаратов*. Зафиксированы случаи применения беспилотных воздушных судов в качестве средств доставки наркотиков на территорию категорированных объектов Управления исполнения наказаний, контрабанды наркотических веществ из государств, граничащих с Россией, на территорию нашей страны с помощью FPV-дронов [1]. Ярким примером преступления, осуществленного с использованием беспилотника, является покушение на жизнь президента Венесуэлы Николаса Мадуро в августе 2018 г. [2]. Имеются случаи применения беспилотных воздушных судов для фотографирования клавиатуры банкомата с целью фиксации введенных данных. Также с помощью беспилотников осуществляется наблюдение за жилыми участками и помещениями в целях дальнейшего совершения преступлений имущественного характера.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что совершенствование технических возможностей и доступность беспилотных воздушных судов для широкой аудитории создают предпосылки для роста разнообразных противоправных действий, связанных с нарушениями конституционных прав и свободы граждан, личности, собственности и общественного порядка. Кроме того, приведенные факты с очевидностью указывают на использование нового типа орудия для совершения преступлений, включая преступления террористической направленности.

Согласно требованиям ст. 151 УПК РФ «Подследственность», расследование преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ «Террористический акт», имеет альтернативный характер, что создает дополнительную нагрузку на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, в том числе экспертно-криминалистических подразделений.

Использование беспилотника как высокотехнологичного устройства в качестве орудия совершения преступления порождает насущную необходимость в адаптации имеющихся подходов к его криминалистическому исследованию. Исследование БПЛА и следов его применения целесообразно проводить в два этапа: 1) в процессе поисково-познавательной деятельности в рамках проведения осмотра места происшествия; 2) в ходе производства криминалистических и специальных видов экспертиз в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Раскрытие и расследование большинства преступлений начинается именно с осмотра места происшествия. Бесспорно, качество осмотра места происшествия, выраженное в максимально полном сборе и фиксации вещественных доказательств, является основой дальнейшего раскрытия и расследования преступления и, как следствие, привлечения причастных лиц к ответственности.

Специалист-криминалист как субъект обеспечительной деятельности в рамках осмотра места происшествия должен получать оперативно значимую информацию в кратчайшие сроки. В связи с этим нами рассмотрены возможности исследования основных следов и объектов,

* Брифинг Минобороны РФ. URL: <https://briefing-mo.ru/briefings/brifing-minoborony-rf-ot-31-12-2024.html> (дата обращения: 01.03.2025).

содержащих криминалистически значимую информацию как о беспилотнике, так и о лицах, эксплуатирующих данное устройство, выявляемых в рамках осмотра места происшествия, связанного с применением БПЛА как орудия или средства совершения преступления.

При изучении, в рамках осмотра на месте происшествия, маркировочных обозначений, заводских клейм и надписей на узлах, агрегатах, входящих в конструкцию БПЛА, возможно получение первоначальной информации об используемых устройствах. Например, обнаруженные на месте происшествия сервоприводы как элементы управления могут указывать на использование дрона самолетного типа (фото 1, 2).

Фото 1, 2. Сервоприводы беспилотных летательных аппаратов самолетного типа

Изучение и анализ конструктивных особенностей обнаруженных на месте происшествия двигателей внутреннего сгорания позволяют определить тип и вид используемого двигателя (фото 3). Тактико-технические характеристики двигателя дрона в совокупности с объемом его топливного бака (при условии его обнаружения) (фото 4) позволяют высчитать дальность полета дрона и его взлетную массу с возможной полезной нагрузкой, тем самым ограничить радиус его применения.

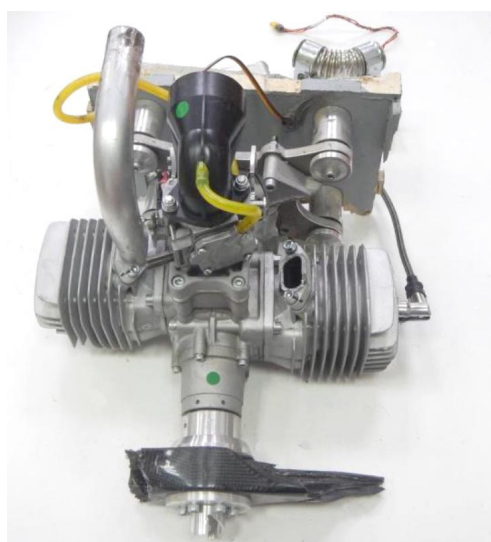

Фото 3. Двигатель внутреннего сгорания, используемый в авиамоделировании

Фото 4. Полимерная емкость, используемая в качестве топливного бака

Сбор всех частей и фрагментов дрона в рамках осмотра места происшествия должен проходить с учетом сохранения всех криминалистически значимых следов, без внесения сле-

дов лиц, участвующих в осмотре. Результатом осмотра в указанной части должно явиться воссоздание общих технических характеристик в целях определения класса и типа используемого беспилотного воздушного судна (фото 5).

Фото 5. Части беспилотных летательных аппаратов

Кроме того, в рамках проведения осмотра, имея базовые знания в области взрывотехники, при анализе фрагментов или частей взрывного устройства, используемого в дроне при совершении преступления, можно определить тип, вид, модель используемого взрывного устройства, в случае промышленного его изготовления. Это, в свою очередь, позволит определить такую техническую характеристику БПЛА, как масса полезной нагрузки.

Обнаруженная на месте происшествия SIM-карта сотового оператора может свидетельствовать о способе управления беспилотником за счет использования сотовых сетей, имеющих значительный радиус покрытия. Данный способ управления стал особенно актуальным в связи с широким применением средств радиоэлектронного подавления сигнала (фото 6).

Фото 6. Полетный контроллер дрона
с SIM-картой сотового оператора

Более подробную информацию о беспилотном воздушном судне, с помощью которого совершено либо планировалось совершение преступления, а также лицах, причастных к реализации противоправного деяния, можно получить после тщательного исследования аппаратной части дрона и следов его применения в рамках проведения экспертиз.

Беспилотное воздушное судно как орудие совершения преступления ни теоретически, ни практически не может быть исследовано в рамках только одной, любой из проводимых в настоящее время экспертиз. Учитывая техническую сложность БВС, его криминалистическое исследование должно носить комплексный характер.

Исследование беспилотного воздушного судна и следов его применения – это комплекс исследований, включающий: изучение комплектующих, фрагментов, деталей, схем управления, способа его изготовления, технического состояния, направления и дальности полета дрона, получение доступа к картам памяти, а также его исследование в рамках традиционных и специальных видов экспертиз.

Комплексный подход к исследованию БВС и следов его применения, в случае использования его как орудия совершения преступления, позволяет ответить на ряд вопросов, решаемых при проведении традиционных и специальных видов экспертиз.

Используемый ручной труд при сборке дрона неизбежно приводит к образованию следов рук на предметах, узлах и агрегатах беспилотника. В данных условиях экспертам-криминалистам с соблюдением общепринятых норм по выявлению, фиксации и изъятию следов рук необходимо провести весь комплекс мероприятий, направленных на выявление и исследование объектов дактилоскопической экспертизы. Также следы рук можно обнаружить на частях дрона, подвергшегося термическому воздействию, на скрытых в корпусе элементах оборудования, таких как топливные патрубки, корпуса аккумуляторных батарей, окрашенные части корпуса, электронные блоки (фото 7, 8).

Фото 7. Фрагмент фюзеляжа дрона, подвергшегося термическому воздействию

Фото 8. След пальца руки с поверхности фюзеляжа дрона, подвергшегося термическому воздействию

Поверхности беспилотного воздушного судна могут содержать биологические следы специалистов по обслуживанию и эксплуатации дрона. Геномную информацию с большой долей вероятности могут содержать части электронной начинки, провода, схемы, соединительные элементы блоков управления, в особенности при ручной сборке.

В случаях разрушения летательного аппарата в полете с распадом элементов корпуса либо при аварийной посадке, возможно проведение трасологической экспертизы «целого по частям» с восстановлением конструкции корпуса, что позволяет определить тип БВС.

В рамках экспертизы производственных механизмов на изделиях массового производства при исследовании материалов, крепежных элементов, способа соединения узлов и агрегатов кустарно изготовленного беспилотника возможно определить единый источник происхождения (фото 9–11).

Фото 9–11. Элементы кустарно собранного дрона, содержащие следы производственных механизмов

Обнаруженные в ходе осмотра места происшествия микросхемы и платы по типу Гардена (платы управления) являются доступными и распространенными элементами электронной начинки блока управления для любых устройств, в том числе БВС. Данные объекты являются носителями информации по использованию в беспилотниках схем управления.

Антенны, видеопередатчики, радиоприемник, цифровые панели радиочастот, являясь объектами радиотехнической экспертизы, могут позволить ответить на вопросы о дальности применения беспилотника при управлении им оператором посредством радиочастотного передатчика и пульта управления.

В случаях изучения двигателей внутреннего сгорания, используемых в беспилотниках кустарного изготовления, но по целевому назначению предназначенных для использования в транспортных средствах (мопеды, скутеры и т. п.), возможно установить наличие маркировочной площадки с идентификационным номером двигателя (фото 12).

Фото 12. Маркировочная площадка с идентификационным номером двигателя

Владея информацией о силовом агрегате (тип, вид, модель, производитель, идентификационный номер), можно установить логистический маршрут от производителя до пункта назначения.

Решение вопроса о восстановлении маркировочного обозначения на блоке двигателя может обеспечиваться в рамках криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий (фото 13).

Фото 13. Маркировочная площадка с удаленным идентификационным номером двигателя

В случаях обнаружения при исследовании беспилотного воздушного судна рукописных буквенно-цифровых записей на его корпусе либо узлах и агрегатах, возможно проведение почерковедческой экспертизы, которая позволит ответить на ряд вопросов диагностического и идентификационного характера при установлении исполнителя рукописного текста (фото 14–15).

Анализ смысловой нагрузки текста, нанесенного на детали, с последующими выводами в рамках лингвистического исследования, может явиться квалифицирующим признаком преступления.

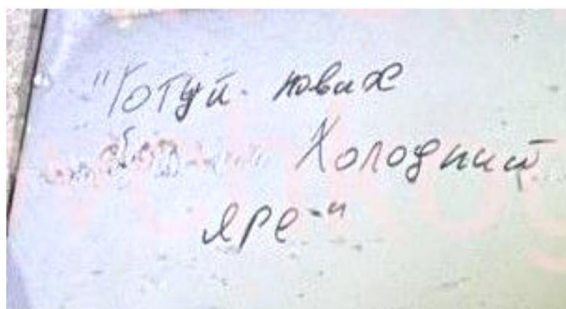

Фото 14–15. Рукописные записи на деталях беспилотного воздушного судна

При исследовании материалов письма, посредством которых наносятся записи на поверхности частей дрона, в рамках проведения химических экспертиз, возможно определить их групповую принадлежность, а в некоторых случаях идентифицировать тот или иной пишущий прибор.

Вероятность того, что любая новая технология будет использована в преступных целях, со временем возрастает, и, без сомнения, в скором будущем мы станем свидетелями увеличения количества преступлений, совершенных с использованием беспилотных воздушных судов. Однако на вопросы, возникающие в процессе изучения дронов как орудий преступлений, возможно ответить лишь в контексте комплексного исследования, требующего привлечения специальных знаний из различных научных областей.

Список источников

1. Румянцев Н. В., Колотушкин С. М. Особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов на беспилотных летательных аппаратах, сбитых над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4), № 4.
2. Демьянович М. А. Использование беспилотных летательных аппаратов в преступных целях: методы противодействия и борьбы / / Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 2 (21).

Информация об авторах

А. В. Морозов – старший преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности;

Д. В. Котельникова – кандидат юридических наук, доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности.

Information about the authors

A. V. Morozov – senior lecturer of the department of foundations of expert criminalistic activity of the training and scientific complex of expert criminalistic activity;

D. V. Kotelnikova – *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor of the department of foundations of expert criminalistic activity of the training and scientific complex of expert criminalistic activity.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 25.03.2025.

The article was submitted 24.03.2025; approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 25.03.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 108–112.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 108–112.

Научная статья
УДК 343.9

О ВЛИЯНИИ НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Анастасия Александровна Дрога

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени
В. Я. Кикотя, Москва
madamdroga@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7635-4991>

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы изменения налогового законодательства, касающиеся специальных налоговых режимов, в частности, упрощенной системы налогообложения и системы налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей в 2025 г. По результатам исследования дана оценка негативных последствий указанных изменений и предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: налоговые преступления, противодействие налоговым преступлениям, специальные налоговые режимы, упрощенная система налогообложения, система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей, предельный размер дохода

Для цитирования: Дрога А. А. О влиянии некоторых изменений налогового законодательства на предотвращение преступлений в сфере малого и среднего бизнеса // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 108–112.

Original article

ABOUT THE IMPACT OF SOME CHANGES IN TAX LEGISLATION ON THE PREVENTION OF CRIMES IN THE FIELD OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

Droga Anastasiya Aleksandrovna

Moscow regional Branch of the Moscow University of the Ministry of the Interior Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow
madamdroga@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7635-4991>

Abstract. The article examines and analyzes changes in tax legislation concerning special tax regimes, in particular, the simplified taxation system and the taxation system for agricultural producers in 2025 y. Based on the results of the study, an assessment of the negative consequences of these changes is given and ways to resolve them are proposed.

Keywords: tax crimes, countering tax crimes, special tax regimes, simplified taxation system, taxation system for agricultural producers, income limit

For citation: Droga A. A. About the impact of some changes in tax legislation on the prevention of crimes in the field of small and medium-sized businesses // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 108–112.

За последние три года в России отмечается значительный рост предприятий малого и среднего бизнеса. Согласно сведениям, предоставляемым ФНС РФ, по состоянию на 10 января 2025 г. в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства было зарегистрировано 6 588 535 предприятий*. Помимо увеличения числа предпринимателей за счет новых присоединенных территорий, считаем, что на данный показатель в достаточной мере повлияла экономическая политика государства, направленная на развитие и поддержание малого и среднего бизнеса**, а также на снижение налоговой нагрузки***. При этом пятую часть консолидированного бюджета Российской Федерации на сегодняшний день стабильно приносят налоговые отчисления малого и среднего сегмента предпринимательской сферы (за 2024 г. в бюджет РФ поступило 9,3 трлн руб., что на 20 % больше, чем за предыдущий период)****, более 90 % которой составляет микробизнес (по состоянию на 10.01.2025 это 6 340 791 компания)*****.

Согласно постановлению Правительства, критерием отнесения предприятия к среднему и малому бизнесу является предельный размер дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год*****. Так, организации и индивидуальные предприниматели с доходами до 120 млн руб. отнесены к категории «микропредприятие», до 800 млн руб. – «малые предприятия», до 2 млрд руб. – «средние предприятия».

В целях осуществления профессиональной коммерческой деятельности, юридические лица, а также индивидуальные предприниматели могут выбрать один из двух вариантов системы налогообложения: общую либо специальную (ст. 18 Налогового кодекса РФ).

Одним из видов специального налогового режима, ориентированного на представителей малого и среднего бизнеса, является упрощенная система налогообложения (далее – УСН). Основным достоинством УСН является снижение налогового бремени предприятия, так как единый налоговый платеж на доходы от осуществления предпринимательской деятельности заменяет налог на прибыль, НДС, налог на имущество (ст. 346¹¹ НК РФ) и, как следствие, снижает количество налоговой отчетности. Очевидно, что размер единого налога, рассчитанный по ставке 15 % от доходов, уменьшенных на величину расходов, намного выгоднее уплаты только одного налога на прибыль по ставке 20 %. Также в данном налоговом режиме значительно упрощена налоговая отчетность, при которой налогоплательщики УСН обязаны вести учет

* Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 20.01.2025).

** О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ.

*** Например, с 1 января 2022 г. предприятия общественного питания освобождены от налога на добавленную стоимость в соответствии с п. 2 ст. 2 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.07.2021 № 305-ФЗ.

**** Официальный сайт Минфина РФ. Заключение Счетной палаты РФ на отчет об исполнении федерального бюджета за 2022, 2023, 2024 гг. Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/b82/tlt4pfaqn2vjeo39xqjnbao708e7pzcd.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).

***** Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 20.01.2025).

***** Доход определяется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, суммируется по всем осуществляемым видам деятельности и применяется по всем налоговым режимам в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства».

доходов и расходов для целей исчисления налоговой базы по налогу в Книге учета доходов и расходов организаций и индивидуальных предпринимателей, форма и порядок заполнения которой утверждаются федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов. Как видим, это удобный специальный налоговый режим для организаций и предпринимателей. Согласно действующему налоговому законодательству, освобождение от обязанностей по исчислению и уплате налога на имущество, налога на прибыль и НДС также распространено и на сельскохозяйственных производителей, уплачивающих единый сельскохозяйственный налог (п. 1 ст. 145, п. 3 ст. 346¹ НК РФ).

В июле 2024 г. в рамках налоговой реформы был принят федеральный закон*, согласно которому работать без НДС смогут организации и индивидуальные предприниматели, находящиеся на упрощенной системе налогообложения, с оборотом до 60 млн руб. в год (пп. «а» п. 1 ст. 2). Остальному малому и среднему бизнесу предлагается применение УСН, но с уплатой НДС со ставкой от 5 до 7 %. Те же самые изменения, в части критерия освобождения от исполнения обязанностей по исчислению и уплате НДС, коснулись и сельскохозяйственных товаропроизводителей, а именно непревышение совокупного годового дохода в сумме 60 млн руб.

Анализируя положения ст. 145 НК РФ, мы видим, что критерием освобождения от исполнения обязанностей по исчислению и уплате НДС является совокупный годовой доход, не превышающий 60 млн руб., и принадлежность налогоплательщика к одному из специальных налоговых режимов, а именно к упрощенной системе налогообложения или к системе для сельскохозяйственных товаропроизводителей. Вне зависимости от вида предпринимательской деятельности, «упрощенец» или сельхозпроизводитель может относиться к категории «микропредприятие», «малое предприятие» или «среднее предприятие», согласно постановлению Правительства**.

Необходимо отметить, что данные изменения вызвали достаточно негативную реакцию со стороны профессионального бухгалтерского и научного сообщества, которое выразило опасения, что указанные новшества повлияют на финансовое состояние малого и среднего бизнеса, поскольку повлекут за собой усложнение учета и отчетности, дополнительные затраты на программное обеспечение и документооборот, пересмотр договорных отношений и увеличение стоимости товаров, работ, услуг, реальное увеличение налоговой нагрузки и усиление налогового контроля***.

Попытаемся дать оценку указанным изменениям с точки зрения уголовно-правовых отношений.

Очевидно, что в современных экономических реалиях, а именно роста инфляции, в том числе подорожания стоимости сырья и топлива, большинство малых и средних предприятий, чтобы не платить НДС и снизить налоговую нагрузку, подходя к порогу в 60 млн руб., будут делить компанию на несколько ООО или ИП, поскольку ограничение оборота в 60 млн руб. даже не определяет предельный размер дохода микропредприятия, согласно Постановлению Правительства от 4 апреля 2016 г. № 265. Между тем, по данным Минфина, доход

* О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ.

** О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства: постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265.

*** Марченко Е. Ввод НДС для «упрощенцев» негативно повлияет на их финансовое состояние» // Официальный сайт 1с. Режим доступа: <https://chr.plus.rbc.ru/partners/66b5f4707a8aa9193deb1839>; Налоговая реформа 2025: все ловушки НДС и УСН: обзор, подготовленный компанией 1С. Режим доступа: <https://v8.1c.ru/metod/article/nalogovaya-reforma-2025.htm>; Климова М. А. НДС на «упрощенке» с 2025 г.: новые правила в вопросах и ответах // Официальный сайт Бухэксперт. Режим доступа: <https://buhexpert8.ru/zkn-bu/nds-buhuchet/> и т. д. (дата обращения: 21.01.2025).

свыше 60 млн руб. имеют лишь 3,2 % «упрощенцев»*, это как раз и свидетельствует, по нашему мнению, о том, что остальные 98 % предпринимателей применяют в своей деятельности дробление бизнеса. Законодатель дал следующее определение такому явлению: «Дробление бизнеса – это разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами (организациями, индивидуальными предпринимателями), в отношении которых осуществляется контроль одними и теми же лицами, направленное исключительно или преимущественно на занижение сумм налогов путем применения специальных налоговых режимов с превышением предусмотренных ст. 54¹ Налогового кодекса Российской Федерации пределов осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налогов»**.

В качестве примера такой незаконной деятельности можно привести громкое дело гр. Блиновской Е. О., в отношении которой следствием было установлено, что бывшая индивидуальный предприниматель уклонилась от уплаты налогов на сумму более 918 млн руб., применяя упрощенную систему налогообложения, скрывает доход, полученный от подконтрольных 18 организаций и трех предпринимателей, формально раздробив свой бизнес***.

Тенденция использования дробления бизнеса в последнее время прослеживается достаточно часто – преступники, анализируя уязвимые места в налоговом законодательстве, используют выявленные пробелы в целях реализации своего преступного умысла на сокрытие налогооблагаемого дохода. В случаях расследования неуплаты налогов, сборов, страховых взносов путем дробления бизнеса достаточно сложно, а порой невозможно доказать наличие умысла ввиду того, что формально самостоятельными юридическими лицами являются подконтрольные организации, поэтому здесь, на наш взгляд, на первый план должны выходить меры предупредительного характера.

Налоговый кодекс РФ регламентирует отношения, правила установления, ведения и взимания налогов и сборов на территории РФ. Нарушение законодательства о налогах и сборах лежит в основе совершения налоговых преступлений, которые посягают на данный порядок, в частности, представляют собой неуплату налогов, сборов, страховых взносов (ст. 198, 199 УК РФ). Эффективное противодействие налоговым преступлениям в первую очередь состоит в анализе обусловивших их причин и условий, устранение которых будет приоритетным направлением в борьбе с указанным видом преступлений. На негативное поведение налогоплательщика, на наш взгляд, влияют объективные факторы, а именно: приоритет фискальной функции налоговой системы РФ над стимулирующей функцией, большая налоговая нагрузка, несовершенство и нестабильность налогового законодательства, его громоздкость, сложность, запутанность, наличие помимо Налогового кодекса огромного количества инструкций, писем, разъяснений от различных ведомств и инстанций. Это создает дополнительные трудности для предпринимателей, а для лиц, имеющих противоправную ориентацию на совершение налоговых преступлений, является стимулом к уклонению от уплаты налогов, сборов и платежей. Налоговые отношения между государством и налогоплательщиком должны строиться не только на пополнении бюджета, но и отвечать условиям воспроизводства. Изменения в налоговом законодательстве обязаны отвечать сложившимся экономическим условиям и не ухудшать материальное положение налогоплательщика, что часто выступает определяющим фактором сокрытия доходов и имущества от налогообложения и, как итог, совершения налоговых преступлений.

* Новая упрощенка 2025 с НДС: что ждать бизнесу от налоговой реформы. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/ZlyjAwmth1WzMIqd> (дата обращения: 25.01.2025).

** Статья 6 Федерального закона от 12.07.2024 № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

*** Приговор от 03.03.2025 вынесен Савеловским районным судом г. Москвы, дело 01–0674/2024 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 05.03.2025).

В связи с этим считаем актуальным не выявление, пресечение и расследование налоговых преступлений, а их предупреждение, которое будет выступать важнейшим инструментом государственного регулирования экономики. В данном случае основой механизма противодействия налоговой криминализации общества будет являться глубоко проработанное и детализированное налоговое законодательство, имеющее экономическую обоснованность налогов и сборов и не допускающее оснований для его различных интерпретаций и толкований. Мероприятия по предупреждению и противодействию налоговым преступлениям могут быть успешно реализованы путем инициирования изменений или дополнений в законодательство о налогах и сборах, направленных на устранение коллизий, выявленных в процессе расследования налоговых преступлений.

Таким образом, во избежание таких негативных явлений в сфере налогообложения малого и среднего предпринимательства, как дробление бизнеса, приводящее к уклонению от уплаты налогов, увеличение налоговой нагрузки малого и среднего бизнеса, снижение предпринимательской активности, а в отдельных случаях и прекращение предпринимательской деятельности, считаем целесообразным внести поправки в налоговое законодательство в части освобождения от НДС налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения или уплачивающих единый сельскохозяйственный налог, и повысить предельную сумму совокупного дохода до 120 млн руб. (то есть для налогоплательщиков, попадающих под категорию «микропредприятие»). Соответственно внести в положения части второй Налогового кодекса Российской Федерации следующие изменения: слова «60 миллионов рублей» заменить на «120 миллионов рублей» в абз. втором, четвертом, пятом п. 1 и в абз. третьем п. 5 ст. 145.

Считаем, что принятые изменения налогового законодательства в части специальных налоговых режимов могут повлечь за собой процесс уклонения от уплаты налогов и сборов в бюджет РФ средним и малым сегментом бизнеса, в то время как одним из приоритетных направлений налоговой политики государства считается стимулирование легитимного поведения налогоплательщиков. В рассматриваемом нами случае предупредительной мерой совершения налоговых деликтов можно считать устранение коллизий между налоговым законодательством и нормативно-правовыми актами, определяющими деятельность малых и средних предприятий на территории РФ.

Информация об авторе

А. А. Дрога – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики.

Information about the author

A. A. Droga – *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 06.03.2025; одобрена после рецензирования 28.04.2025; принята к публикации 28.04.2025.

The article was submitted 06.03.2025; approved after reviewing 28.04.2025; accepted for publication 28.04.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 113–119.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 113–119.

Научная статья
УДК 343.985

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОПРЯЖЕННОГО С НЕИСПОЛНЕНИЕМ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сергей Анатольевич Петров

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск
petrovdvumvd@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам расследования мошенничества, сопряженного с неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Отмечается, что имеются сложности в установлении признаков данного вида мошенничества, и анализируются обстоятельства, подлежащие доказыванию. Рассматриваются особенности допроса потерпевшего, свидетелей, исследования документов и использования их в качестве доказательств.

Ключевые слова: мошенничество, обязательства, предпринимательская деятельность, сделка, преднамеренность, потерпевший, контракты, документы, доказательства

Для цитирования: Петров С. А. Некоторые аспекты расследования мошенничества, сопряженного с неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). 113–119.

Original article

SOME ASPECTS OF FRAUD INVESTIGATION RELATED TO NON-FULFILLMENT OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS IN THE FIELD OF BUSINESS ACTIVITIES

Sergey A. Petrov

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk
petrovdvumvd@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the investigation of fraud related to non-fulfillment of contractual obligations in the field of business activities. It is noted that there are difficulties in establishing the signs of this type of fraud and the circumstances to be proved are being analyzed. The features of the interrogation of the victim, witnesses, examination of documents and their use as evidence are considered.

Keywords: fraud, obligations, entrepreneurial activity, transaction, premeditation, victim, contracts, documents, evidence

For citation: Petrov S. A. Some aspects of the investigation of fraud related to non-fulfillment of contractual obligations in the field of entrepreneurial activity // Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025. № 3 (72): 113–119.

© Петров С. А., 2025

Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, сложно доказать из-за его сходства с гражданско-правовыми отношениями, а наличие в уголовно-правовой норме признака «преднамеренность» обязывает следователя устанавливать изначально предумышленный характер обмана до заключения сделки. Расследование хищений путем обмана и злоупотребления доверием в сфере экономической деятельности представляет собой сложный и трудоемкий процесс поиска объективной истины по делу, преодоления противодействия достаточно опытных и обладающих высоким интеллектуальным потенциалом подозреваемых [1, с. 49].

На момент возбуждения уголовного дела о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных отношений в сфере предпринимательской деятельности, следователь располагает порой недостаточной информацией о обстоятельствах совершенного преступления, лишь сведениями об источниках этой информации, получаемыми из заявления, рапортов оперуполномоченных ОЭПиПК, справок-меморандумов, объяснений потерпевших и очевидцев, копий регистрационных, платежных, финансовых документов.

После возбуждения уголовного дела по факту мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, следователь последовательно и комплексно устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

Первоначально необходимо установить время и место совершения мошеннических действий.

Понятие места совершения преступления многогранно и включает в себя множество аспектов предпринимательской деятельности, создающей видимость законных действий, под прикрытием которых совершается мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств.

Требуется установить места совершения юридически значимых процессов, составляющих последовательность осуществления предпринимательской деятельности, под видом которой совершается мошенничество.

Устанавливаются места регистрации индивидуального предпринимателя, коммерческой организации, по вине которых не были исполнены договорные обязательства, а также место регистрации пострадавшей стороны, их юридические и фактические адреса.

Определяется место заключения договора, послужившего основанием передачи имущества, осуществления строительно-монтажных работ, оказания услуг или перечисления денежных средств; место оформления перевозочных документов; места погрузочно-разгрузочных работ; места оформления документов по реализации достигнутых соглашений; место завладения или изъятия имущества; места хранения и сбыта похищенных товарно-материальных ценностей; места нахождения организаций, на счета которых были перечислены похищенные денежные средства; места сокрытия предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

Время совершения преступления также является обязательным обстоятельством, подлежащим доказыванию при расследовании мошенничества, в связи с этим устанавливаются все периоды осуществления юридически значимых и имеющих значение для дела совершенных актов сторонами предпринимательской деятельности: время регистрации юридических лиц; время заключения контракта; временной период функционирования коммерческой организации, индивидуального предпринимателя, от имени которых совершено мошенничество; временной интервал предпринимательской деятельности, видимость которой являлась способом сокрытия рассматриваемого вида мошенничества; время завладения имуществом и получения денежных средств; время осуществления гражданско-правовых споров между сторонами заключенного контракта.

Методика расследования преступления, предусмотренного ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, ничем не отличается от методики расследования иных составов мошенничеств, за исключением обязанности установления следователем специфических признаков преступления, наличие которых является юридическим основанием квалификации деяния по специальному составу мошенничества. В первую очередь это установление специального субъекта правоотношений, осуществление сторонами договора предпринимательской деятельности и установление умысла на совершение обмана до заключения контракта на выполнение каких-либо обязательств материального характера.

При расследовании рассматриваемого вида мошенничества необходимо установить два аспекта, имеющих основополагающее значение для принятия процессуального решения по возбужденному уголовному делу и вопроса квалификации преступления.

Прежде всего, предпринимательская деятельность характеризуется всевозможными рисками неисполнения договорных обязательств по различным причинам. В условиях нестабильности рыночных отношений, экономических санкций, просчетов в бизнесе, изменений в рыночной конъюнктуре, повышения инфляции и т. д. событие, когда невозможно исполнить договорные обязательства, может с известной степенью вероятности произойти с любым предпринимателем, и, соответственно, взаимоотношения между контрагентами принимают гражданско-правовой характер.

Следователю необходимо провести весь комплекс следственных действий и проверочных мероприятий по установлению хозяйственно-финансового состояния субъекта, по вине которого потерпевшему причинен материальный ущерб вследствие преднамеренного неисполнения договорных обязательств. Выявление отсутствия производственных мощностей, соответствующего оборудования, рабочего персонала и необходимой суммы денежных средств для исполнения договорных обязательств на момент оформления сделки свидетельствует о преднамеренности умысла лица на завладение имущества путем злоупотребления доверием, то есть о мошенничестве.

В силу объективности и достоверности установленных в ходе расследования уголовного дела обстоятельств, препятствовавших выполнению условий договора, заявление виновной стороны о непреднамеренности своих действий по оформлению сделки и невозможности осуществления условий контракта, по различным причинам, будет считаться неубедительным и свидетельствовать о попытке уйти от ответственности за причинение ущерба при совершении мошенничества.

В процессе расследования мошенничества в сфере предпринимательской деятельности необходимо установить, что умысел на обман возник у виновного лица до оформления договора. В некоторых случаях, при возбуждении уголовного дела на основании материалов проверки, которые имеют ориентирующий характер и указывают лишь на признаки преступления, квалифицировать действия виновного лица по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ невозможно. Наличие преднамеренности неисполнения договорных обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности должно быть доказано обстоятельствами совершения преступления.

Так, Хабаровским ЛУ МВД России на транспорте расследовано уголовное дело в отношении К., который в процессе осуществления предпринимательской деятельности, вследствие неисполнения договорных обязательств похитил путем обмана чужое имущество – денежные средства в сумме 600400 руб., принадлежащие ОАО «РЖД». В процессе расследования было установлено, что К., являющийся генеральным директором ООО «Титан Энергоресурс», заключил договор с ОАО «РЖД» на осуществление комплекса строительно-монтажных и пусконаладочных работ по электрификации железнодорожной инфраструктуры. На момент подписания договора предприятие обладало всеми необходимыми производственными мощностями и людскими ресурсами для выполнения условий контракта, что свидетельствовало о первоначальном намерении К. исполнять условия договорных обязательств. Уже в процессе

осуществления строительно-монтажных работ у К. возник умысел на совершение обмана, после чего он установил более дешевое оборудование и не выполнил весь объем работ, получив всю полагающуюся по условиям сделки денежную сумму. При таких обстоятельствах совершения мошенничества действия К. были квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ*.

Следующим важным этапом при расследовании уголовного дела является выяснение данных о потерпевшем. Сведения о потерпевшем имеют уголовно-правовое и криминалистическое значение по делу, а также правоустанавливающий факт для квалификации преступления по ч. 5–7 ст. 159 УК РФ.

Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, предполагает, что все стороны договора являются индивидуальными предпринимателями или коммерческими организациями. Когда потерпевшей стороной сделки является государственное учреждение, то действия виновного лица, совершившего обман, сопряженный с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, подлежат квалификации по общему составу мошенничества (ч. 1–4 ст. 159 УК РФ).

На это обстоятельство указал Пленум Верховного Суда РФ, разъяснив, что преднамеренное неисполнение договорных обязательств – это сознательное, полное или частичное неисполнение стороной договора взятых на себя обязательств в целях завладения чужим имуществом или приобретения права на него путем обмана или злоупотребления доверием, где стороной договора являются ИП и (или) коммерческие организации**.

Приведем пример. Ч., являясь зарегистрированным в установленном порядке ИП, основным видом деятельности которого является строительство зданий, сооружений и выполнение иных строительно-монтажных работ, последовательно заключил четыре контракта с ФГКУ «Росгранстрой» в сфере оказания услуг по исследованию природных сточных вод по органолептическим показателям на пункте пропуска через Государственную границу РФ Покровка, расположенном в Бикинском районе Хабаровского края. При этом у Ч. изначально возник умысел на обман и хищение денежных средств. В течение срока действия контрактов, Ч. условия договорных обязательств по исследованию сточных вод выполнять не стал, а на личном компьютере изготовил подложные протоколы исследования, подделав подписи лаборантов и оттиски печатей ФГБУ ЦАС «Хабаровский», после чего предоставил их заказчику. По четырем заключенным контрактам за проведение работ, которые не были выполнены, Ч. было перечислено 302336 руб. Учитывая, что потерпевшей стороной оказалась государственная организация, действия Ч. были квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ***.

Производство следственных действий регламентировано уголовно-процессуальным законодательством, а тактика их проведения широко освещена в юридической литературе, вместе с тем, при расследовании рассматриваемого вида мошенничества имеются определенные особенности, на которые нужно обратить внимание.

Допрос потерпевшего представляется с доказательственной точки зрения одним из важнейших следственных действий, которое необходимо проводить на первоначальном этапе расследования, как наиболее информативное и ориентирующее в пространственно-временных параметрах доказательство совершения преступления.

Соответственно, перед началом допроса должны быть изучены данные о личности потерпевшего, а именно: организационно-правовая форма деятельности; юридический и фактический адреса; вид осуществляемой хозяйственной деятельности; наличие взаиморасчетов с контрагентом; передача товарно-материальных ценностей виновному лицу;

* Уголовное дело № 12101009410000613 // Архив СО Хабаровского ЛУ МВД России на транспорте.

** О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Уголовное дело № 1220100941000021 // Архив СО Хабаровского ЛУ МВД России на транспорте.

размер материального ущерба от неисполнения договорных обязательств; оправдание (разъяснение) стороной договора о причинах неисполнения договорных обязательств по контракту.

Допрос потерпевшего проводится в установленном законом общем порядке с некоторыми особенностями, которые появляются вследствие специфики рассматриваемого вида мошенничества.

Во-первых, следует учитывать, что основная цель пострадавшего, подавшего заявление в правоохранительный орган и инициировавшего возбуждение уголовного дела, – возврат принадлежащего ему имущества, которого он лишился в результате заключенной сделки при осуществлении предпринимательской деятельности. Показания потерпевшего могут иметь обвинительный уклон, иногда намеренное искажение фактов с целью подачи себя в более выгодном, как пострадавшей стороны, положении, поэтому их нужно оценивать критически.

Во-вторых, при допросе лица в качестве потерпевшего максимально подробно выясняются все обстоятельства совершенного преступления и иные данные, имеющие значение для дела, при этом рекомендуется применять детализацию показаний. В ходе допроса потерпевшего необходимо выяснить не только данные об обстоятельствах совершенного деяния, но и получить информацию о личности потенциального подозреваемого [2, с. 69–76].

В-третьих, допрос потерпевшего должен быть конкретизирован, то есть со ссылкой на документы, подтверждающими условия заключения сделок и проведение финансово-хозяйственных операций. При производстве допроса следователю необходимо предъявить потерпевшему все документы, имеющие значение для уголовного дела, и отразить в протоколе допроса их реквизиты и содержание.

В-четвертых, в протоколе допроса должны быть отражены все переговоры и обсуждения потерпевшего с лицом, по вине которого не выполнены договорные обязательства, указаны объяснения причин их невыполнения.

Потерпевшие заинтересованы в положительном для них исходе дела, и их допрос, как правило, происходит в бесконфликтной ситуации.

Показания свидетелей имеют также важное доказательственное значение при изобличении виновного в совершении мошеннических действий, в связи с этим следователь должен уделять допросу этой категории участников уголовного судопроизводства пристальное внимание. Свидетельская база формирует целостное представление о приготовлении и механизме совершения мошенничества, сопряженного с неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, и, соответственно, наравне с другими доказательствами составляет основу обвинения.

Ввиду особенности совершения мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, виновным лицам приходится юридически оформлять свои действия, составлять различного рода организационно-правовые, финансово-бухгалтерские, коммерческие документы и при этом контактировать со значительным количеством лиц (свидетелями). По делам рассматриваемого вида мошенничества выделяют несколько групп свидетелей, имеющих определенную значимость для установления обстоятельств совершения преступления.

К первой группе можно отнести лиц, осведомленных о сущности заключенных сделок и обстоятельствах осуществления предпринимательской деятельности мошенника. Они обладают достаточно полной и достоверной информацией об особенностях производства виновным лицом хозяйственно-финансовой деятельности, отношениях с потерпевшей стороной, о зарождении и развитии конфликтной ситуации. В их число могут входить сотрудники коммерческой организации, от имени которой совершается мошенничество, руководители фирм, организаций, контактирующие с виновным лицом, менеджеры, банковские работники, бухгалтеры, кассиры, юристы, различного рода посредники, участвующие в исполнении

договорных обязательств. Свидетели этой группы допрашиваются с предъявлением расчетно-платежных документов, перечислением в протоколе допроса финансовых операций, указанием времени, места составления бухгалтерских документов и их содержанием. Допрос свидетелей этой группы является наиболее значимым, так как на основе их показаний устанавливаются объективная и субъективная стороны преступления.

Ко второй группе относятся лица, которые были задействованы в осуществлении противоправных действий виновного лица, – технические работники по производству каких-либо операций в процессе всей цепочки хищения имущества (товарные кассиры, приемосдатчики, грузчики, водители автомашин). Вполне очевидно, что свидетели этой группы не информированы об умысле мошенника на завладение чужим имуществом при осуществлении финансово-хозяйственных операций в предпринимательской деятельности, однако их показания имеют большое значение в качестве подтверждения действий виновного лица по реализации преступного замысла.

В третьей группе свидетелей можно выделить лиц, которые были изначально осведомлены о преступных действиях виновных лиц или впоследствии узнали о фактах мошенничества, но скрывали эту информацию от правоохранительных органов, будучи заинтересованными в сокрытии факта преступления. К этой группе относятся родственники или близкие лица подозреваемого; лица, которые предоставляли помещение для хранения и сокрытия похищенного, транспорт для перевозки груза и т. д.; лица, которые приобрели похищенное имущество, и т. д. Допрос этой группы свидетелей представляет определенную сложность, так как они не заинтересованы давать правдивые показания, покрывая преступную деятельность мошенников и скрывая свою причастность к совершению преступления. В данном случае, с учетом следственной ситуации, следователь самостоятельно избирает тактические приемы допроса свидетелей этой группы, выработанные криминалистической тактикой.

Основной задачей следователя и сотрудников оперативного подразделения является своевременное выявление свидетелей преступления, чьи показания имеют значение для уголовного дела, и их допрос с применением тактических приемов в зависимости от их категорий.

Особенностью расследования рассматриваемого вида мошенничества является необходимость документального подтверждения заключения договоров, осуществления взаиморасчетов, актов сверки, переписки и т. п. В данном случае документы выступают как источник доказательства совершения мошенничества, являются объектами поиска и изъятия для приобщения к уголовному делу.

Изучая уголовные дела, расследованные по мошенничеству, сопряженному с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, автор столкнулся с неоднозначным отношением однородных документов как к вещественным доказательствам, так и к иным документам. Так, по одним уголовным делам следователь признает договоры, государственные контракты, платежные поручения, справки о стоимости выполненных работ, акты приемки выполненных работ, акты оказания услуг, различного рода письма между сторонами сделки и т. п. вещественными доказательствами, полагая, что указанные документы приобрели свойство вещественных доказательств, указанных в ст. 81 УПК РФ, поэтому они служат средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств дела. В других случаях документы, имеющие значение доказательства предпринимательской деятельности и совершения мошенничества, следователь относит к иным документам, согласно ст. 84 УПК РФ.

По нашему мнению, решение следователя о признании документов вещественными доказательствами является ошибочным, так как по смыслу уголовно-процессуальной нормы к вещественным доказательствам относятся документы, свидетельствующие о преступлении и об установлении обстоятельств уголовного дела по форме, то есть по внешним признакам (следы подделки, подчистки, внесения ложных сведений и т. п.).

Учредительные, организационно-распорядительные, финансово-бухгалтерские документы, являющиеся источником сведений договорных отношений, предпринимательской деятельности и обстоятельств неисполнения обязательств, представляют собой иные документы. Это различного рода письменные акты установленной или общепринятой формы, составленные должностными или юридическими лицами, содержащие соответствующие реквизиты и имеющие юридическое значение для сторон правоотношений.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу в этих документах, устанавливаются только через их содержание. При этом иные документы являются полноценными и полновесными доказательствами наряду с другими доказательствами, перечисленными в ст. 74 УПК РФ.

Список источников

1. Облаков А. А. Расследование мошенничеств экономической направленности: учеб. пособие. Хабаровск, 2003. 148 с.
2. Залескина А. Н. Тактические особенности проведения допроса потерпевшего, свидетеля при расследовании уголовных дел о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Вып. 1 (17). С. 69–76.

Информация об авторе

С. А. Петров – доцент кафедры криминалистики.

Information about the author

S. A. Petrov – associate professor of the Department of Criminalistics.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 07.03.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 07.03.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 120–128.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 120–128.

Научная статья

УДК 343.98.06

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИБОРОВ ДЛЯ ЗАПАИВАНИЯ ПАКЕТОВ ПО СЛЕДАМ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Александр Владимирович Краинский

Волгоградская академия МВД России

krainskii.a@mail.ru

Аннотация. Исследования следов от приборов для запаивания пакетов являются достаточно актуальными в общем разнообразии трасологических экспертиз. Упаковки с подобными следами встречаются в качестве вещественных доказательств при расследовании дел, связанных с оборотом наркотиков. В настоящее время подробного описания таких следов, а также их иллюстраций в соответствующей криминалистической литературе нет, методических рекомендаций по исследованию не разработано.

Сведения, полученные в ходе исследования экспериментальных следов, показали, что в них отображаются различные характеристики приборов, которые индивидуальны не только для каждого вида, модели, но иногда и конкретного экземпляра. Сведения, полученные нами при производстве данного исследования, могут использоваться в экспертной практике при производстве трасологических исследований производственных механизмов, например, при исследовании полимерных пакетов для фасовки запрещенных или ограниченных к обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, поддельных лекарств и т. д.

Ключевые слова: трасологическая экспертиза, трасология, исследование следов, запайщик пакетов, вакууматор

Для цитирования: Краинский А. В. Исследование приборов для запаивания пакетов по следам их применения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3. С. 120–128.

Original article

INVESTIGATION OF DEVICES FOR SEALING PACKAGES ON THE TRACES OF THEIR USE

Alexander V. Krainskiy

Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia

krainskii.a@mail.ru

Abstract. Investigations of traces from devices for sealing packages are quite relevant in the general variety of tracological examinations. Packages with similar traces are found as physical evidence in the investigation of cases related to drug trafficking. Currently, it is worth noting that there is practically no detailed description of such traces, as well as their illustrations, in the relevant forensic literature. There are no methodological recommendations for the study.

This article considers only a small range of the most common devices in Russia for soldering various polymer bags and traces of them, but this information obtained during the study of experimental traces showed that they display various characteristics of devices that are individual not only for each type, model, and sometimes a specific instance. The information we obtained during the production of this study can be used in expert practice in the production of tracological studies of production mechanisms, for example, in the study of polymer bags for drug packaging in cases related to drug trafficking, etc.

Keywords: tracological examination, tracology, trace investigation, bag sealer, vacuum cleaner

For citation: Krainskiy A. V. Investigation of devices for sealing packages on the traces of their use // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 120–128.

Все виды криминалистических экспертиз в настоящее время эволюционируют и получают новое развитие. Расширяется количество объектов, подлежащих исследованию, а традиционные методики и использованное в них техническое оборудование – модернизируются. Расширяется и круг задач, а также качество криминалистического оборудования для их решения. В значительной степени данное обстоятельство затронуло и такой вид криминалистической экспертизы, как трасологическая экспертиза производственных механизмов. В основном эксперты решают по данному направлению диагностические задачи, которые помогают сократить круг поиска искомых предметов. Следует отметить, что в последние годы у злоумышленников появляются новые средства упаковки и сокрытия различных предметов и веществ для их дальнейшего распространения. Сотрудникам экспертных подразделений начали поступать на исследование объекты современного производства, которые изучены и систематизированы недостаточно. К данному перечню относятся и различные полимерные изделия массового производства, у которых имеется спаянный шов, получаемый термическим путем. Он соединяет (как правило) две стороны пакета. Например, данные объекты могут быть использованы в расфасовке наркотических средств различного происхождения (рис. 1).

Рис. 1. Полимерные упаковки с термическим швом, изъятые в ходе оперативно-розыскных мероприятий

В современной криминалистической литературе крайне мало сведений о запаивающих приборах и следах на полимерных материалах, ими образованных, в которых отображаются их особенности. При этом отсутствуют подробное описание и качественные фото данных следов. Поэтому у эксперта-трасолога возникают значительные трудности при работе с такими объектами, вследствие этого снижается качество исследования по установлению групп общности (диагностические задачи) и по установлению тождества (идентификационные задачи).

Рассмотрим подробнее, что представляют из себя данные устройства. Устройства для соединения двух частей полимерной пленки с помощью нагрева до оплавления и последующего термосваривания их при остывании между собой принято называть «**запайщик пакетов**», или «сшиватель пакетов». Их можно классифицировать по принципу работы нагревательных элементов на два вида: импульсный и постоянный. Первый – наиболее распространен, с его помощью паяют термосвариваемые полимерные материалы различного назначения. Преимущества его использования заключаются в том, что можно управлять мощностью нагревательного элемента и тем самым подбирать оптимальную скорость полимеризации шва, глубину проплавления и соответственно качество соединения. При этом квалификации для выполнения подобных действий не требуется, в отличие от работы с приборами с постоянным нагревом, где время нагрева нужно контролировать вручную*.

Установлено, что система устройства запайщиков заключается в наличии двустороннего нагревательного элемента, разогретого до необходимой температуры (которая зависит от плотности материала, его термоустойчивости и т. д.), внешняя поверхность которого может быть гладкой или иметь свой рельефной рисунок. Также для разделения двух частей в устройстве имеется терморазделитель для отделения по шву двух спаянных полимерных изделий, поэтому швы можно подразделить на соединительные и краевые.

В промышленном производстве из устройств с постоянным нагревом встречается и категория роликовых запайщиков, имеющих подвижное полотно, тефлоновую сваривающую поверхность и ролики для направления движения, которые отличаются громоздкостью и большой производительностью**.

* Запайщики пакетов для пищевой промышленности // Русская Ферма. URL: https://www.russkayaferma.ru/stati/zapayshchiki_paketov/ (дата обращения: 12.01.2025).

** Роликовый запайщик пакетов МЗ-600РЗ Мастер Полимер // AURORA. Надежное оборудование. URL: <https://aurora-pack.ru/catalog/sku/rolikovyy-zapayshchik-paketov-master-polimer-mz-600rz/> (дата обращения: 12.01.2025).

Таким образом, вышеописанные устройства можно подразделить на ручные и стационарные. К первой категории в основном относятся импульсные переносные мини-запайщики, ко второй – аппараты с постоянным нагревом. К отдельной категории можно отнести вакуумные сшиватели (вакууматоры), которые в процессе термосваривания откачивают воздух. Данные устройства используются в пищевой промышленности и для упаковки объемных товаров (с целью уменьшения объема при транспортировке). Их также можно разграничить на стационарные (камерные), обеспечивающие максимальное удаление воздуха из упаковки, и мобильные (бескамерные), обладающие малыми габаритами.

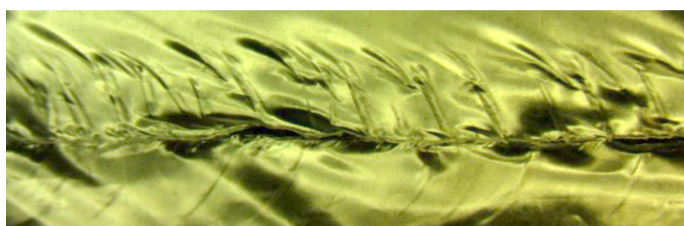
Для производства экспериментов с ручными и импульсными запайщиками были выбраны распространенные в обиходе полиэтиленовые прозрачные пакеты с гладкой поверхностью без рисунка, толщиной 8 и 12 мкм.

Среди **ручных запайщиков** были выбраны запайщики НТ-103 и Corner 01392 – самые распространенные, по сравнению с другими запайщиками, на территории России. Запайщики схожи по внешнему виду и принципу работы, имеют спаивающие элементы шириной 1 мм.

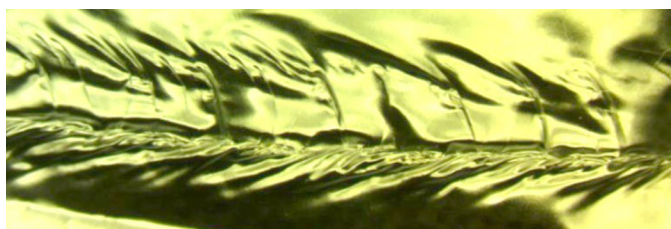
Суть эксперимента заключалась в следующем: для запаивания в приборы поочередно вставлялись пакеты, после чего пластины запаивателей соединялись на краю шва. Приборы удерживались в данном положении 5 секунд, затем, не разжимая пластин, проводились по поверхностям пакетов. Каждым запайщиком было образовано более 20 швов.

При проведении экспериментального исследования изменению подвергались и сила нажима на рабочие части приборов, и время контакта их с поверхностью пакетов. Так, время варьировалось от 0,06 до 0,075 м/с.

В результате анализа полученных следов можно сделать вывод, что они пригодны лишь для установления групповой принадлежности, так как швы неравномерны и оплавление пленки происходит с образованием многочисленных складок и отверстий, расположение которых вариативно (рис. 2).

а

б

Рис. 2. Швы, образованные на плотных пакетах (ув. 10х):
а – запайщиком НТ-103; б – запайщиком Corner 01392

Среди **импульсных запайщиков** были отобраны наиболее часто встречаемые модели: Hulme-Martin 2500 (E/Standard), CAS CNT-300/2 и CAS CNT-400/2 (рис. 3).

Рис. 3. Импульсные запайщики пакетов:

а – Hulme-Martin 2500 (E/Standard); б – CAS CNT-300/2; в – CAS CNT-400/2

Эксперимент с импульсными запайщиками производился при аналогичных условиях первого эксперимента, за исключением материала пакетов. На тонких и толстых пакетах каждым из запайщиков образовано более 20 швов.

При анализе полученных следов в ходе второго эксперимента установлено, что имеются общие признаки (форма, размер и рисунок следа), а их устойчивое отображение зависит от силы нажима и толщины пленки (рис. 4–6).

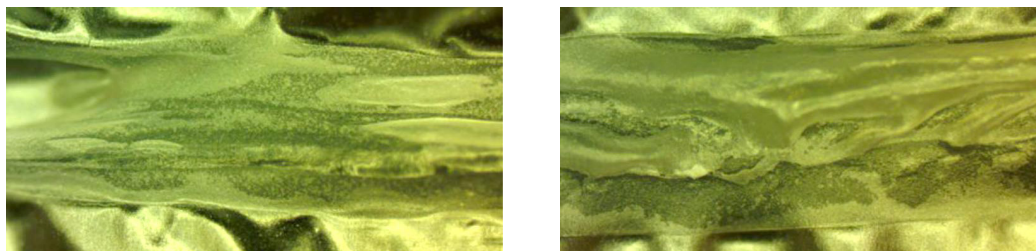

Рис. 4. Швы, образованные запайщиком пакетов Hulme-Martin 2500 (E/Standard) (ув. 20х):
слева – на тонком пакете, справа – на толстом пакете

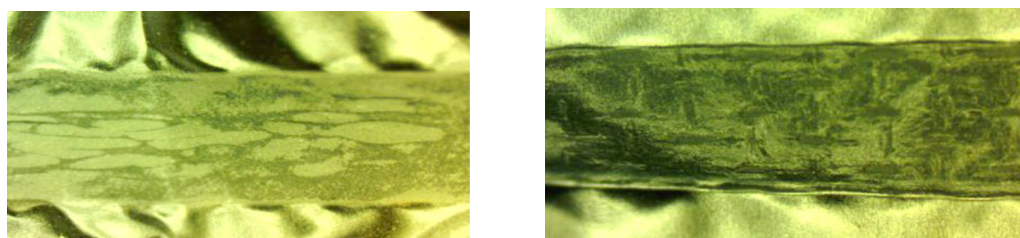

Рис. 5. Швы, образованные запайщиком пакетов CAS CNT-300/2–1 (ув. 20х):
слева – на тонком пакете, справа – на толстом пакете

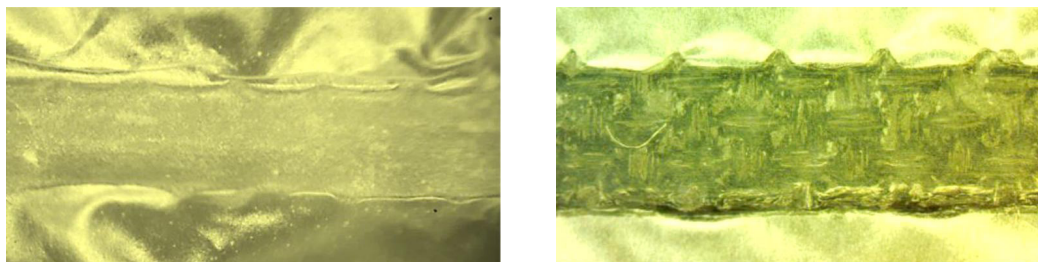
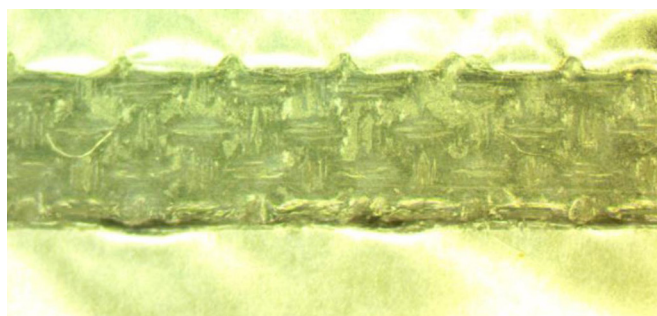

Рис. 6. Швы, образованные запайщиком пакетов CAS CNT-400/2 (ув. 20х):
(слева – на тонком пакете, справа – на толстом пакете)

При сравнении швов, выполненных разными моделями запайщиков, установлено, что в швах от моделей CAS CNT-300/2 и Hulme-Martin 2500 (E/Standard) практически отсутствует рисунок, в отличие от CAS CNT-400/2. В швах, образованных Hulme-Martin 2500 (E/Standard), присутствует большее количество промежутков, заполненных воздухом. В швах, выполненных другими моделями, это проявляется в меньшем объеме. Ширина всех швов приблизительно одинаковая, с расхождением в несколько десятых миллиметра.

В сравнительном исследовании следов от разных экземпляров запаивающих устройств установлено, что в следах от CAS CNT-300/2 и Hulme-Martin 2500 (E/Standard) рисунок следа не обнаружен, а в следах от разных экземпляров запайщика CAS CNT-400/2 имеется совпадающий рисунок следа в виде горизонтальных и вертикальных полос, но при этом присутствуют и различия, которые представлены в виде минимального количества промежутков, заполненных воздухом, и наличием треугольных выступов по одному (верхнему) краю шва следа. Вышеуказанные различия объясняются влиянием температуры и разным прилеганием пленки к нагревательному элементу (или расстоянием пленки от него) непосредственно при расплавлении материала (рис. 7, 8).

CAS CNT-400/2 (экз. 1) на плотном пакете (ув. 15х)

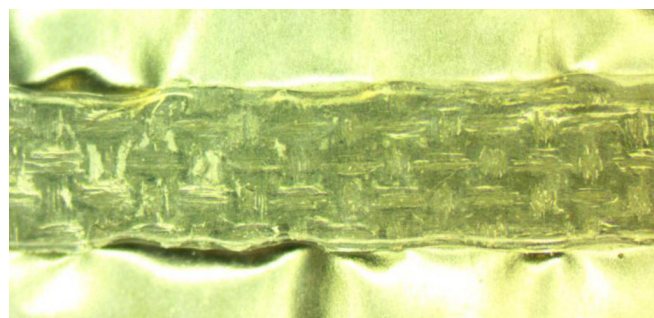

Рис. 8. Шов, образованный запайщиком пакетов CAS CNT-400/2 (экз. 2) на плотном пакете (ув.15х)

Анализ полученных результатов позволил сделать вывод о том, что при условии четкого отображения вышеперечисленных общих признаков, следы можно признать пригодными для установления их групповой принадлежности, но для установления тождества «квалифицированных» частных признаков информации недостаточно.

Для проведения экспериментов с **вакуумными запайщиками** были заготовлены пакеты для вакуумной упаковки – полиэтиленовые прозрачные с гладкой поверхностью без рисунка толщиной 65 мкм.

Для участия в эксперименте на тех же критериях были выбраны модели CLASSMARK Vacuum Sealer S BZ-CF001 и CLASSMARK Vacuum Sealer X TK-001 (рис. 9). Модели различаются своими габаритами (незначительно), отсутствием замков у одной из них и наличием у другой, а также шириной запечатывающего шва, 30 и 28 мм соответственно (рис. 10–11).

Рис. 9. Вакуумные приборы для запаивания пакетов:

- а – CLASSMARK Vacuum Sealer S BZ-CF001;
- б – CLASSMARK Vacuum Sealer X TK-001

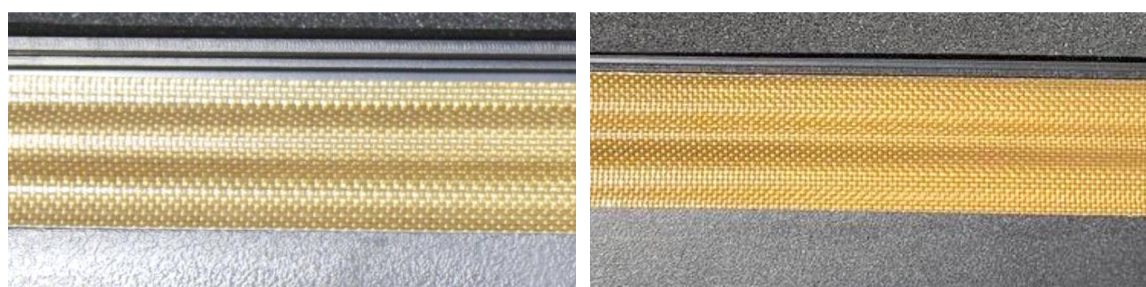

Рис. 10. Фрагменты запечатывающих полос исследуемых приборов:

- слева – CLASSMARK Vacuum Sealer S BZ-CF001;
- справа – CLASSMARK Vacuum Sealer X TK-001

Каждым запайщиком было образовано более 20 швов. При работе изменялось время соприкосновения нагревательного элемента с поверхностью пакетов, а также сила нажатия на верхнюю крышку приборов. Образование швов производилось как в режиме с откачкой воздуха (вакуумирования), так и без него.

При анализе следов, полученных в ходе третьего эксперимента, установлено, что имеются общие признаки, характеристика которых зависит от силы нажима и времени контакта рабочих поверхностей с материалом (рис. 11).

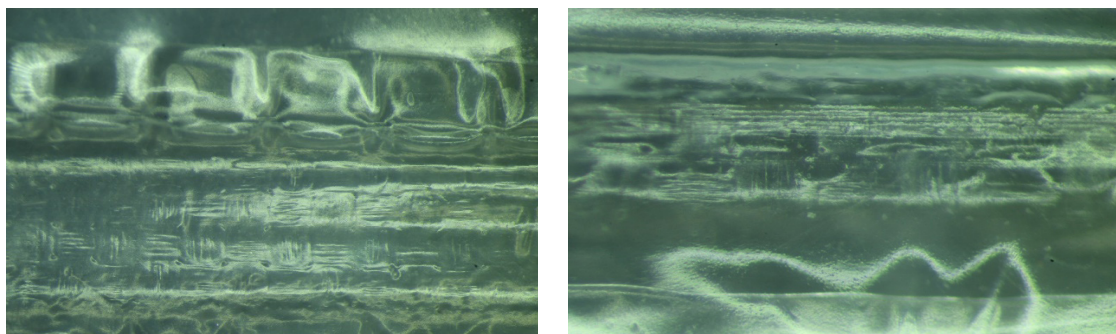

Рис. 11. Швы, образованные вакуумными запайщиками (ув. 20х):
слева – CLASSMARK Vacuum Sealer S BZ-CF001;
справа – CLASSMARK Vacuum Sealer X TK-001

Так, в следах от разных экземпляров одной и той же модели CLASSMARK Vacuum Sealer S BZ-CF001 при наличии совпадающих общих признаков имеются различия: в экземпляре 1 – четырехугольные фигуры по краю шва, в экземпляре 2 – дугообразные фигуры по краю шва. Различия объясняются влиянием температуры и разностью прилегания нагревательного элемента при расплавлении материала пакета (рис. 12, 13).

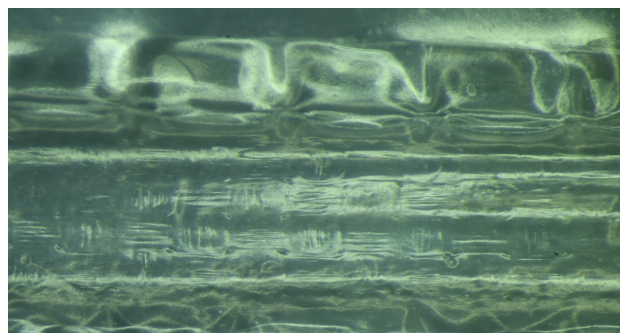

Рис. 12. Шов, образованный запайщиком пакетов CLASSMARK Vacuum Sealer S BZ-CF001 (экз. 1) (ув. 20х)

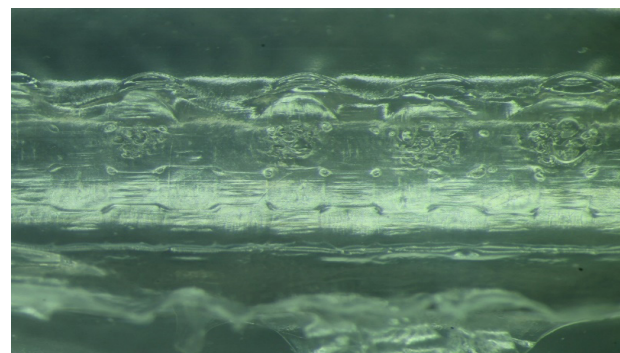

Рис. 13. Шов, образованный запайщиком пакетов CLASSMARK Vacuum Sealer S BZ-CF001 (экз. 2) (ув. 20х)

По таким следам вакуумные запайщики можно дифференцировать по групповой принадлежности, но для установления тождества необходимо отображение комплекса информативных признаков в более существенном виде.

Таким образом, в следах от рассмотренных нами моделей устройств для запайки полимерных изделий имеются совпадающие общие признаки, на основании которых возможно установление только групповой принадлежности. Характеристика швов, рисунок

и конфигурация краев для каждого вида и модели имеет свои особенности. При сравнении двух следов с разных экземпляров от одной модели необъяснимых различий не выявлено, общие признаки по своей форме, размерам, расположению и взаиморасположению совпадают. При сравнении следов от разных видов или моделей запайщиков отмечались как сходство общих признаков (ширина шва, рисунок и т. д.), так и различия в отображении рисунка, характеристике выступов, заполненных воздухом, в наличии (отсутствии) дополнительных элементов по краю шва. Данные различия в следах от устройств с постоянно работающим нагревательным элементом могут свидетельствовать о навыке оператора, а от импульсных устройств, помимо навыка оператора, – о настройке рабочего диапазона, что при правильной фиксации в протоколе осмотра места происшествия на месте «криминального» производства и при последующем экспертном эксперименте в момент производства исследования также может позволить эксперту сократить искомый круг производств до минимума.

К сожалению, устойчивого совпадающего индивидуального комплекса признаков, по которому возможно было бы установить тождество и тем самым идентифицировать устройство для запаивания полимерных изделий по следам в швах, выявить не представилось возможным. Но, как известно, для идентификации следы могут быть пригодны в случае отображения в следах особенностей (дефектов), имеющих на рабочих поверхностях, которые появились при производстве данного устройства, его эксплуатации или ремонте. К таким признакам можно отнести, например, повреждение защитной сетки или ее ломаное искривление и т. п. (рис. 14).

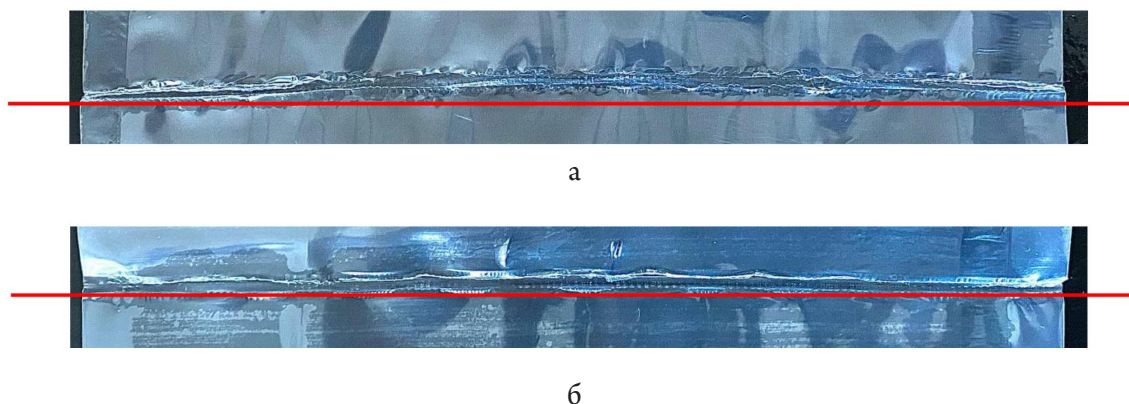

Рис. 14. Конфигурация шва, образованного вакуумным запайщиком CLASSMARK Vacuum Sealer S BZ-CF001: а – экземпляр 1; б – экземпляр 2

В случаях отображения подобных дефектов на пакете, по степени их выраженности, конфигурации, форме и размерам эксперт может признать следы пригодными для идентификации следообразующего устройства.

Информация об авторе

А. В. Краинский – старший преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности.

Information about the author

A. V. Krainskiy – senior lecturer of the Chair of Fundamentals of Forensic Expertise of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 11.03.2025; принята к публикации 11.03.2025.

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 11.03.2025; accepted for publication 11.03.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 129–134.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 129–134.

Научная статья

УДК 343.98

О НЕКОТОРЫХ ПОБОЧНЫХ ЭФФЕКТАХ НА ЛИЦЕ ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОСМЕТОЛОГИЧЕСКИХ КОРРЕКЦИЙ ВНЕШНОСТИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Юлия Сергеевна Гречкина

Волгоградская академия МВД России

uliya-zvetkova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются разновидности побочных эффектов, образующихся на лице человека в результате применения современных способов косметологической коррекции внешности. В процессе производства судебной портретной экспертизы актуальной является проблема идентификации лиц, подвергшихся косметологическим коррекциям лица. При наличии совпадающих частных признаков внешности особую значимость представляют выявленные различающиеся признаки, которые могут быть объяснены изменением признаков внешности вследствие проведения каких-либо косметологических коррекций лица. Знание о возможных побочных эффектах и осложнениях, образующихся на лице человека после проведения косметологических коррекций внешности и влияющих на отображение признаков внешности человека, позволит экспертам при отождествлении личности правильно провести оценку выявленных различий и избежать экспертных ошибок при формулировании вывода.

Ключевые слова: косметологические коррекции внешности, косметологические препараты, побочные эффекты, филлеры, идентификация лиц

Для цитирования: Гречкина Ю. С. О некоторых побочных эффектах на лице человека после проведения косметологических коррекций внешности: криминалистический аспект // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2025. № 3 (72). С. 129–134.

Original article

ABOUT SOME SIDE EFFECTS ON A PERSON'S FACE AFTER COSMETIC APPEARANCE ADJUSTMENTS: FORENSIC ASPECT

Yulia S. Grechkina

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uliya-zvetkova@yandex.ru

Abstract. The article discusses the types of side effects that occur on the human face as a result of the use of modern methods of cosmetic correction of appearance. In the process of producing a forensic portrait examination, the problem of identifying persons who have undergone cosmetic facial corrections is relevant. In the presence of overlapping particular features of appearance, the identified different features are of particular importance, which can be explained by a

change in appearance due to any cosmetic facial adjustments. Knowing about the possible side effects and complications that form on a person's face after cosmetic appearance adjustments and affect the display of signs of a person's appearance will allow experts to correctly assess the identified differences and avoid expert errors when formulating a conclusion.

Keywords: cosmetic appearance correction, cosmetic preparations, side effects, fillers, face identification

For citation: Grechkina Yu. S. About some side effects on a person's face after cosmetic appearance adjustments: forensic aspect // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 129–134.

Осознание важности косметологии пришло к человеку еще в древности – косметические средства использовались не только в лечебных, но и в декоративных целях, например, для украшения лица, глаз, губ, волос и т. д. Уже в те далекие времена люди знали о чудодейственных свойствах грязи, глины, растительных бальзамов, массажных масел, водяных ванн, а пластическую операцию по исправлению формы носа впервые провели древние индусы*.

Сегодня для поддержания красоты, продления молодости, устранения дефектов внешности применяются косметологические коррекции лица, в частности терапевтическая косметология, пластическая хирургия, эстетическая косметология**.

Терапевтическая косметология прежде всего направлена на омоложение лица и устранение дефектов кожи. К таким методам относятся: аппаратная, ультразвуковая, лазерная, инъекционная косметология и др.

Пластическая хирургия предусматривает оперативное вмешательство, направленное на устранение деформаций и дефектов кожи или тела человека. К таким методам можно отнести блефаропластику, ринопластику, отоластику, липосакцию, маммопластику, подтяжку лица и т. д.

Эстетическая косметология предполагает проведение ухаживающих процедур за кожей лица и тела, а также различные способы омоложения без медицинского вмешательства. Применяются мануальные, неинвазивные и аппаратные методики (например, массаж и чистка лица, увлажнение и питание кожи, перманентный макияж, наращивание ресниц, волос и ногтей).

Современные косметологические технологии коррекции лица в значительной мере влияют на трансформацию внешнего облика человека, изменение признаков внешности человека, что, в свою очередь, создает проблемы при судебно-портретной идентификации.

Сложности в процессе производства экспертной портретной идентификации лиц после косметологических коррекций внешности обусловлены объяснением выявленных различий, а именно изменением идентификационных частных признаков во времени.

Как показывает практика современной косметологии, в последние годы наибольшее распространение получили методы терапевтической косметологии, особенно использующие инъекционные способы омоложения и улучшения внешности. Позитивной стороной распространения данных косметологических услуг является улучшение внешнего вида человека, большое разнообразие процедур, минимальное воздействие на организм и низкий риск осложнений.

Ранее нами рассматривались различные способы косметологических коррекций кожного покрова, позволяющих улучшить внешность и влияющих на отображение признаков внешности на изображениях [см. 1].

К негативным сторонам можно отнести увеличение количества недостаточно компетентных косметологов, часто не имеющих медицинского образования, использование несертифицированных препаратов для инъекций, а также ряд других факторов, способствующих появлению побочных эффектов на лице человека после проведения косметологических коррекций внешности.

* Косметология. Секреты эффективности. URL: <https://сонави-тула.рф/> (дата обращения: 19.03.2025).

** Там же.

Рассмотрим некоторые побочные эффекты, которые могут появиться в результате косметологических коррекций лица и привести к изменению признаков внешности человека, тем более что в криминалистической литературе такие побочные эффекты ранее не описывались.

Самыми распространенными косметологическими инъекционными процедурами являются биоревитализация и контурная пластика филлерами*.

Биоревитализация предполагает введение под кожу препаратов на основе натуральной гиалуроновой кислоты. Данная процедура стимулирует восстановление естественных процессов кожного покрова, применяется для улучшения внешности лица и устранения мелких морщин**.

Контурная пластика заключается во введении препаратов (филлеров) на основе синтетической гиалуроновой кислоты, ботулотоксина (например, ботокс, диспорт, ксеомин, лантокс, релатокс и др.), аминокислот, коэнзимов, витаминов, микроэлементов и др. Данные препараты используются в основном для коррекции какой-либо определенной зоны (губы, нос, скулы) и изменения овала лица***.

Инъекционные процедуры позволяют достичь желаемых положительных результатов – улучшить цвет лица, омолодить или устранить нежелательные дефекты кожи, но в отдельных случаях после применения данных процедур могут образоваться следующие побочные эффекты, отображающиеся на лице человека:

- аллергическая реакция в виде отеков, жжения, зуда, покраснения кожи (в результате индивидуальной непереносимости какого-либо препарата или реакции ткани на любое повреждение) (рис. 1);
- птоз (опущение) верхнего века (в результате неправильного распределения препарата, когда «блокируются» второстепенные мимические мышцы) (рис. 2);
- асимметрия бровей (в результате неправильно выбранной точки введения препарата) и губ (в результате неравномерного введения препарата) (рис. 3);
- опущение углов рта (в результате введения препарата в область углов глаз и его проникновения в скуловые мышцы);
- гематомы (в результате нарушения целостности сосудов) (рис. 4);
- нарушение чувствительности (в результате воздействия препарата на нервные окончания);
- образование пигментных пятен (вырабатывание большего количества меланина в результате нарушения целостности кожного покрова);

Рис. 1. Отек в области глаз

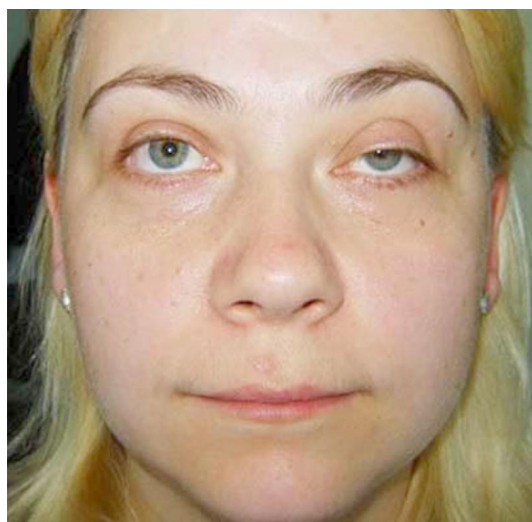

Рис. 2. Птоз (опущение) левого века

* Контурная пластика. URL: <https://ihc-russia.ru/articles/konturnaya-plastika/oslozhneniya-i-pobochnnye-effekty-posle-fillerov/> (дата обращения: 19.03.2025).

** Отличие филлера от биоревитализанта. URL: <https://www.a-clinic.ru> (дата обращения: 20.03.2025).

*** Там же.

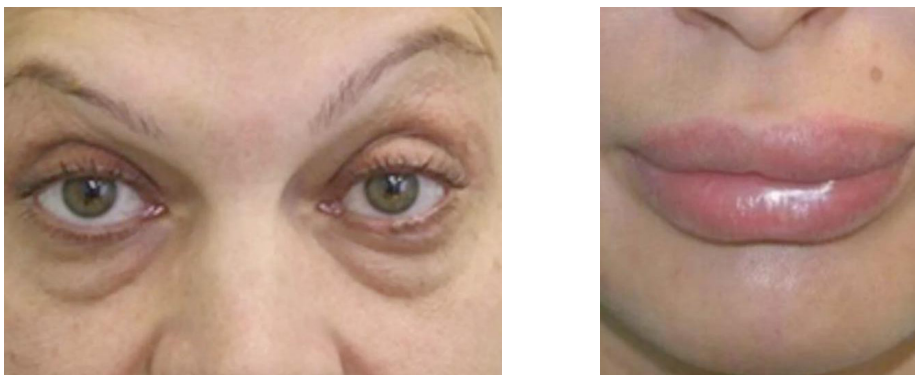

Рис. 3. Асимметрия бровей и верхней каймы губ

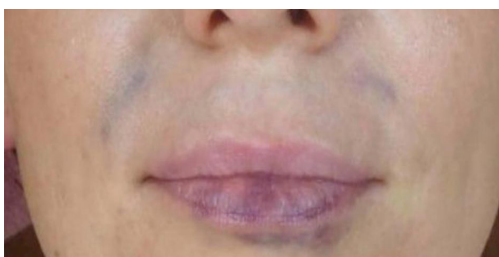

Рис. 4. Гематомы на губах и в области носогубных складок

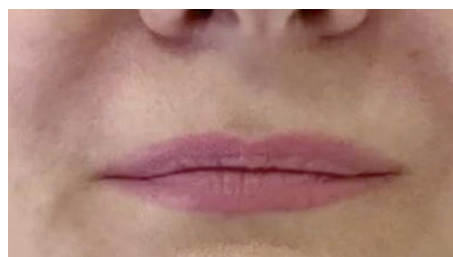

Рис. 5. «Просвечивание» препарата в области носогубных складок

- осветление кожи (в результате снижения или прекращения кровоснабжения капилляров);
- эффект Тиндаля («просвечивание» препарата голубым, фиолетовым или серым цветом в результате неправильного введения препарата в подкожно-жировую ткань и его проникновение в кровеносные или лимфатические сосуды)* (рис. 5);
- некроз тканей (в результате проникновения препарата в сосуды или воздействия на капилляры) (рис. 6);

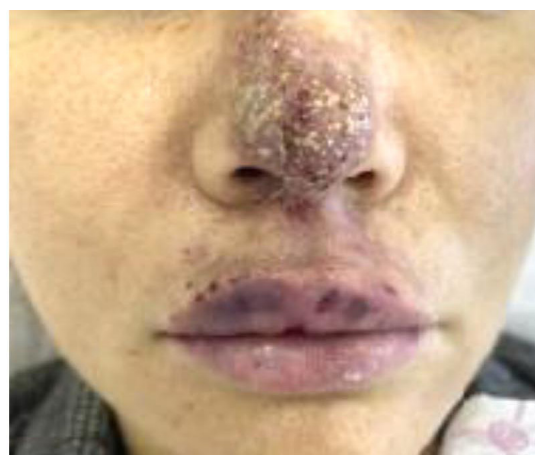

Рис. 6. Некроз тканей в области носогубной складки (слева) и на носу (справа)

- фиброз или уплотнение кожи (в результате смещения филлера по причине большой плотности или неправильного его распределения) (рис. 7);
- гранулемы или узелки (в результате реакции организма на чужеродное тело и скопления в тканях веществ или частиц) (рис. 8);

* Эффект Тиндаля в косметологии. URL: <https://fillerdelight.ru/tyndalleffect/> (дата обращения: 20.03.2025).

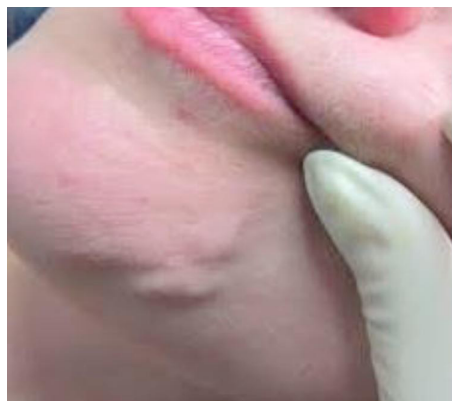

Рис. 7. Фиброз тканей в области подбородка

Рис. 8. Гранулемы на губах

- образование рубцов (в результате повреждения кожного покрова и образования участка соединительной ткани);
- эмболия от филлера (в результате закупорки сосудов частицами препарата) (рис. 9).

Рис. 9. Эмболия в области переноса
и лба

Наряду с приведенным перечнем побочных эффектов, в литературе описываются и такие осложнения, как слепота, атрофия кожи, гнойные и асептические абсцессы, химический ожог, образование свища*.

Таким образом, организм человека индивидуален, и от возникновения побочных эффектов в результате применения косметологических коррекций лица не застрахован никто.

Основными причинами возникновения побочных эффектов являются: индивидуальные особенности организма, несоблюдение норм антисептики, неправильный уход за кожей после проведения косметологических процедур, нарушение техники проведения процедур, неправильно подобранная «дозировка» препарата, введение несертифицированных препаратов, недостаточная компетентность косметолога и др.

Побочные эффекты в большинстве случаев являются временными, но могут привести и к серьезным осложнениям. При отсутствии своевременной медицинской помощи по устранению серьезных побочных последствий, у человека на всю жизнь могут остаться небольшие дефекты кожи, которые возможно исправить только хирургическим путем.

* Осложнения и побочные эффекты после филлеров. URL: <https://clinic-ilchuk.ru/article/oslozhneniya-i-pobochnye-effekty-posle-fillerov/> (дата обращения: 20.03.2025).

Рассмотренные в статье разновидности побочных эффектов, которые могут появиться после проведения косметологических коррекций лица, позволят экспертам в ходе судебной портретной экспертизы правильно дать оценку выявленным различиям и избежать экспертных ошибок при формулировании вывода.

Источник

Гречкина Ю. С. Влияние современных способов косметологической коррекции кожных покровов на отображение признаков внешности лица на цифровых фотоснимках // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 1. С. 87–93.

Информация об авторе

Ю. С. Гречкина – старший преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности.

Information about the author

Yu. S. Grechkina – Senior Lecturer of the Department of Fundamentals of Expert and Criminalistic Activities of the Educational and Scientific complex of Expert and Criminalistic Activities.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 17.04.2025.

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication 17.04.2025.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 135–141.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 135–141.

Научная статья
УДК 343.98

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Александр Вадимович Парфенов¹, Александр Александрович Харитонов²

^{1,2} Академия управления МВД России, Москва

¹tischagin@yandex.ru

²alex555_80@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы оперативно-розыскной деятельности в контексте противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности с акцентом на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем в условиях цифровой экономики. Авторами проведен системный анализ теоретико-правовых основ и практики реализации мер по борьбе с указанным видом преступности, в ходе которого идентифицированы ключевые правоприменительные коллизии, детерминированные спецификой цифровых технологий. На основе полученных результатов сформулированы научно обоснованные рекомендации, направленные на оптимизацию деятельности оперативных подразделений МВД России в части совершенствования методологического инструментария, организационно-тактических механизмов и межведомственной координации для повышения эффективности выявления и пресечения криминальных схем в сфере цифровой экономики.

Ключевые слова: организация оперативно-розыскной деятельности, оперативные подразделения, легализация (отмывание) доходов, цифровая экономика

Для цитирования: Парфенов А. В., Харитонов А. А. Организация оперативно-розыскной деятельности по борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем в сфере цифровой экономики: современное состояние // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 135–141.

Original article

ORGANIZATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES TO COMBAT THE LEGALIZATION OF PROCEEDS FROM CRIME IN THE DIGITAL ECONOMY: CURRENT STATE

Alexandr V. Parfenov¹, Alexandr A. Kharitonov²

^{1,2} Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow

¹tischagin@yandex.ru

²alex555_80@mail.ru

Abstract. The article examines the current problems of operational investigative activities in the context of countering economic and corruption-related crimes at the present stage, with an emphasis on countering the legalization (laundering) of proceeds from crime in the digital economy. The authors conducted a systematic analysis of the theoretical and legal foundations and practice of implementing measures to combat this type of crime, during which key law enforcement conflicts determined by the specifics of digital technologies were identified. Based on the results obtained, scientifically based recommendations have been formulated aimed at optimizing the activities of the operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia in terms of improving methodological tools, organizational and tactical mechanisms and inter-departmental coordination to increase the effectiveness of detecting and suppressing criminal schemes in the digital economy.

Keywords: organization of operational investigative activities, operational units, legalization (laundering) of proceeds, digital economy

For citation: Parfenov A. V., Kharitonov A. A. Organization of operational investigative activities to combat the legalization of proceeds from crime in the digital economy: current state // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I.F. Shilov. 2025; 3(72): 135–141.

Организация оперативно-розыскной деятельности по борьбе с легализацией (отмыванием) преступных доходов является одним из значимых направлений деятельности государственных органов Российской Федерации, на которых возложены функции правоохранительной деятельности. Указанное обстоятельство отражено как в ряде правовых актов федерального уровня, так и в постановке соответствующих задач перед правоохранительными органами РФ. Так, пп. 8 п. 19 разд. III Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года противодействие легализации доходов, полученных преступным путем от предикатных экономических преступлений, признается одной из основных задач по реализации направления, касающегося устойчивого развития национальной финансовой системы.

Важность надлежащей организации борьбы с легализацией преступных доходов озвучивалась президентом России и другими высшими должностными лицами РФ, а также неоднократно указывалась в директивах МВД России в качестве одного из приоритетных направлений оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел РФ.

Для раскрытия исследуемой проблематики первостепенное значение приобретает терминологическое уточнение понятия «цифровая экономика». Согласно нормативному определению, закрепленному в п. «р» ст. 4 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утверждена Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203), цифровая экономика трактуется как форма хозяйственной деятельности, где доминирующим фактором производства выступают данные в цифровом формате. Их масштабная обработка и аналитическая интерпретация, в сравнении с традиционными

экономическими моделями, обеспечивают качественное повышение эффективности производственных процессов, технологических решений, логистических систем, а также дистрибуции товаров и услуг.

В развитие данной дефиниции п. «с» указанной статьи вводит понятие экосистемы цифровой экономики, подразумевающее устойчивое партнерское взаимодействие субъектов, объединенных общими технологическими платформами, интернет-сервисами, аналитическими инструментами и информационными ресурсами государственных структур, коммерческих организаций и гражданского общества.

В то же время исследователи НИУ ВШЭ акцентируют технологическую составляющую, определяя цифровую экономику (англ. *Digital Economy*) как экономический уклад, базирующийся на интеграции цифровых технологий и инновационных решений, трансформирующихся в ключевые факторы производства и детерминирующих рост операционной эффективности бизнес-процессов*.

К отраслевым сегментам цифровой экономики принято относить финансовый сектор, страховые услуги, коммерческую деятельность (включая электронную торговлю), а также области, связанные с цифровизацией сервисов: онлайн-платежи, краудфандинговые платформы, блокчейн-технологии и криптовалютные системы**.

В настоящее время в РФ нет единого учета преступлений, совершаемых в сфере цифровой экономики. Приказом Генпрокуратуры России от 9 декабря 2022 г. № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре» утвержден Справочник № 21-ГП «Дополнительная характеристика преступления», который предусматривает возможность учета преступлений, связанных с реализацией национального проекта «Цифровая экономика» (код 225).

Очевидно, что сфера цифровой экономики гораздо шире и связана не только с реализацией соответствующего национального проекта, предусматривающего выделение ресурсов для ее развития. Следует отметить, что Справочник № 21-ГП предусматривает возможность учета преступлений, связанных с оборотом цифровых финансовых активов (код 247) и оборотом цифровой валюты (код 248). Также вышеназванным приказом Генпрокуратуры России утвержден Справочник № 32-ГП «Предмет преступного посягательства или незаконного оборота», которым предусмотрена возможность учета преступлений, предметом которых являются цифровая валюта (код 00252), цифровые финансовые активы (код 00266), майнинговое оборудование (код 00268), платежный терминал или банкомат (код 00262).

Однако отнести все преступления, имеющие указанные предметы или связанные с оборотом цифровых финансовых активов или оборотом цифровой валюты, к совершенным в сфере цифровой экономики не представляется возможным, поскольку они могут совершаться и в иных сферах. Так, например, вряд ли возможно отнести к преступлениям, совершенным в сфере цифровой экономики, вымогательство, в результате которого потерпевший передал преступнику имущество в виде цифровых финансовых активов.

Анализ современных тенденций противодействия преступности позволяет констатировать, что значительная часть противоправных деяний в сфере цифровой экономики квалифицируется как преступления против собственности [1, с. 155–156]. К их числу, при наличии соответствующих юридических оснований, относятся такие виды преступлений, как хищение денежных средств с банковских счетов и электронных кошельков (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) и мошеннические действия, регламентированные ст. 159 УК РФ, и ее специализированные составы: в сфере кредитования (ст. 159¹); при получении выплат (ст. 159²); с использованием

* Что такое цифровая экономика и где ей обучиться? // Сайт Высшей школы экономики. Режим доступа: <https://hsbi.hse.ru/articles/chto-takoe-tsifrovaya-ekonomika-i-gde-ey-obuchitsya/> (дата обращения: 14.04.2025).

** О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

электронных платежных систем (ст. 159³); в страховой деятельности (ст. 159⁵); в области компьютерных технологий (ст. 159⁶).

Кроме того, в категорию киберэкономических преступлений включены деяния, связанные с экономической деятельностью: фиктивная регистрация юридических лиц (ст. 173¹–173² УК РФ); легализация незаконных доходов (ст. 174–174¹); незаконное получение кредитов (ст. 176); налоговые преступления (ст. 198–199²); коммерческий подкуп (ст. 204–204²), а также нормы ст. 170, 170¹, 171, 171⁵, 172, 172² УК РФ.

Согласно мониторингу Банка России, в первом полугодии 2023 г. структура теневых финансовых операций сохранила отраслевую диспропорцию, аналогичную показателям 2022 г. Наибольшая доля незаконных транзакций зафиксирована в строительном секторе (37%), сфере торговли (29%) и услуг (19%)*. Данная статистика свидетельствует о сохранении уязвимости указанных сегментов экономики от противоправных финансовых практик.

На протяжении последних 6 лет в России ежегодно выявляется не более 1000 фактов легализации денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем: в 2018 г. – 993, в 2019 г. – 946, в 2020 г. – 950, в 2021 г. – 949, в 2022 г. – 886, в 2023 г. – 943**.

Указанные цифры не сопоставимы с количеством преступлений, сопряженных с извлечением преступного дохода. Так, например, в 2023 г. только зарегистрированных мошенничеств, квалифицируемых по ст. 159, 159³, 159⁶ УК РФ и совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, – 356 079***.

Таким образом, легализация денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, является преступлением, характеризующимся повышенной латентностью, борьба с которым представляет значительную проблему для правоохранительных органов.

В полной мере указанное утверждение относится и к легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем в сфере цифровой экономики. Практика борьбы с преступлениями рассматриваемой категории показывает многообразие способов их совершения. Проведенные ранее исследования данного вопроса выявили, что ключевым уязвимым сегментом финансовой инфраструктуры выступают интенсивно эволюционирующие рынки криптоактивов и электронных платежных сервисов, которые систематически используются в противоправных целях для легализации незаконных доходов. Инновационные финансовые инструменты, характеризующиеся их стремительным развитием, показывают тенденцию к опережению контрольных механизмов правоохранительных и иных органов. Данный факт свидетельствует о трансформации указанных технологий в каналы ресурсного обеспечения криминальной деятельности, не ограничиваясь при этом территорией Российской Федерации и приобретая транснациональный характер [2, с. 146].

По данным Росфинмониторинга, наиболее распространенными способами отмывания доходов, полученных преступным путем в сфере цифровой экономики, являются: трансформация похищенных денежных средств в криптовалюты; вывод денежных средств через онлайн-торговые площадки; хищение (нецелевое использование) с последующей легализацией бюджетных средств, выделяемых на социальную поддержку населения; легализация денежных средств с использованием провайдеров азартных игр; обналичивание денежных средств с использованием операторов по переводу денежных средств, а также некоторые другие.

Общей особенностью отмывания денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем в сфере цифровой экономики, является то, что ее предмет – это либо денежные средства в безналичной форме, либо цифровая валюта (криптовалюта).

* Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги: аналитический отчет ЦБ РФ. Официальный сайт ЦБ РФ. Режим доступа: https://www.cbr.ru/analytics/podft/resist_sub/2022_1/ (дата обращения: 14.04.2025).

** Состояние преступности в России: статистические данные ГИАЦ МВД РФ за 2018–2023 гг. Официальный сайт МВД РФ. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 14.04.2025).

*** Там же.

В первом случае преступники осуществляют переводы преступно приобретенных денежных средств по счетам формально легитимных юридических лиц с последующим обналичиванием указанных средств или переводят их в криптовалюту. Затем происходит совершение неоднократных транзакций криптовалюты (переводы по различным криптокошелькам, обмен на иные виды криптовалют и т. д.) с их последующим выводом в банковскую систему и обналичиванием. Часть незаконно полученных электронных финансовых ресурсов может длительное время сохраняться в цифровой среде, аккумулируясь на специализированных электронных носителях (в данном случае на криптокошельках), что обеспечивает их изоляцию от традиционных финансовых институтов. Другая часть направляется в банковский сектор для последующей конвертации в общепризнанные денежные единицы и физического изъятия в форме наличности.

В процессе осуществления транзакции указанных средств могут применяться специализированные онлайн-сервисы, осуществляющие объединение ресурсов из множества источников с целью затруднения идентификации их происхождения. Дополнительным методом маскировки является поэтапное перемещение активов через последовательную смену электронных носителей, что разрывает прямую связь между первоначальным и конечным получателем.

На финальной стадии легализации незаконных активов предполагается их интеграция в банковские расчетные системы с последующим физическим изъятием. Данная процедура часто осуществляется в сжатые временные рамки для минимизации рисков блокировки счетов правоохранительными органами или финансовыми учреждениями.

Наиболее примитивные схемы предполагают получение наличных средств в период сниженной активности правоохранительных структур с использованием методов визуальной маскировки (специализированных головных уборов, элементов одежды, ограничивающих идентификацию личности). Для реализации указанных операций часто привлекаются третьи лица, в том числе находящиеся в зависимом положении от организаторов противоправной деятельности.

Как представляется, в настоящее время существуют две ключевые проблемы, возникающие при выявлении и последующем доказывании отмыwania преступных доходов, полученных в сфере цифровой экономики: техническая и правовая.

Техническая проблема заключается в том, что в настоящее время у сотрудников правоохранительных органов РФ нет эффективных технических возможностей по контролю и блокировке транзакций цифровых валют, а также деанонимизации их владельцев. В настоящее время указанная проблема усугубляется тем, что ведущие криптобиржи, расположенные в иностранных юрисдикциях, как правило, не сотрудничают с правоохранительными органами РФ, в том числе не предоставляют данные о владельцах криптокошельков.

Отчасти рассматриваемая проблема решается посредством использования специализированного интернет-сервиса «Прозрачный блокчейн», разработанного специалистами Росфинмониторинга, однако его возможности в настоящее время в значительной степени несовершенны. К числу его недостатков относится, например, ограниченный круг криптовалют, в отношении которых он применяется. Более подробно указывать недостатки интернет-сервиса «Прозрачный блокчейн» не представляется возможным ввиду закрытого характера этих данных.

Вторая ключевая проблема (правовая) заключается в том, что действия преступников по переводу приобретенных ими преступным путем безналичных денежных средств, их конвертация в криптовалюту (и, наоборот, конвертация криптовалюты в фиатные деньги) с последующим обналичиванием нередко не признаются судами РФ легализацией преступных доходов. Такой подход судов основан на том, что, по их мнению, преступники совершали транзакции валюты и ее обналичивание не в целях придания правомерного вида ее владению, пользованию и распоряжению, а в целях конспирации своей преступной деятельности и затруднения действий правоохранительных органов по их изобличению.

В соответствии с п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 толкование обязательного признака составов преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, осуществляется с учетом положений международно-правовых актов – п. 1 ст. 6 Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (1990 г.) и п. 1 ст. 9 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (2005 г.). Этими нормами установлено, что цель придания видимости правомерности владения, пользования или распоряжения имущественными ценностями криминального происхождения интерпретируется как действия, направленные на сокрытие преступного генезиса, локализации, распределения или трансфера таких активов либо прав на них. Установление данной цели осуществляется посредством анализа фактических обстоятельств, включая специфику осуществленных финансовых операций, сделок и сопутствующих действий субъекта преступления и его соучастников, объективно свидетельствующих о намерении завуалировать незаконный характер приобретения имущества и обеспечить его вовлечение в легальный экономический оборот. В качестве индикаторов реализации указанной цели могут выступать:

- операции по конвертации криминальных денежных средств в наличную форму, в том числе с использованием счетов юридических лиц с признаками «однодневок» или счетов физических лиц, не информированных о незаконном происхождении средств;
- проведение внешнеэкономических операций с финансовыми средствами или имуществом преступного происхождения при участии контрагентов, зарегистрированных в офшорных юрисдикциях;
- осуществление транзакций с применением электронных платежных инструментов, включая принадлежащие лицам, не осведомленным о криминальной природе используемых цифровых активов*.

Несмотря на то, что указанные действия прямо предусмотрены Постановлением Пленума Верховного Суда РФ в качестве возможных при легализации преступных доходов, тем не менее, суды, как правило, оправдывают обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. 174 и 174¹ УК РФ, по причинам, указанным выше.

Таким образом, мы видим, что три классических метода, используемых преступниками в целях легализации денежных активов, добытых преступным путем (законный бизнес, сделки купли-продажи и офшорное прикрытие) [3, с. 352], перешли в цифровую сферу и продолжают там развиваться. Анализ рассматриваемой проблематики позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, легализация денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем в сфере цифровой экономики, является преступлением, характеризующимся повышенной латентностью, борьба с которым представляет значительную проблему для правоохранительных органов по техническим и правовым причинам.

Во-вторых, в настоящее время в РФ нет единого учета преступлений, совершаемых в сфере цифровой экономики. В связи с указанным обстоятельством, мы предлагаем дополнить Справочник № 21-ГП «Дополнительная характеристика преступления», утвержденный приказом Генпрокуратуры России от 9 декабря 2022 г. № 746 «О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре» такую дополнительную характеристику преступления, как его совершение в сфере цифровой экономики.

* О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

Список источников

1. Парфенов А. В., Кокуйский О. В. Мошенничества с использованием сотовой связи: знания о некоторых видах мошенничеств с использованием сотовой связи в современных условиях, необходимые для организации оперативно-розыскной, розыскной и идентификационной деятельности по раскрытию данных преступлений и эффективного розыска лиц, их совершивших // Закон и право. 2019. № 6. С. 153–156.
2. Марсаков И. С. Отдельные аспекты борьбы органов внутренних дел с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий в кредитно-финансовой сфере // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. Т. 1, № 69. С. 143–150.
3. Смирнов М. П. Налоговая и криминальная полиция зарубежных стран и их оперативно-розыскная деятельность: моногр. М.: Академия налоговой полиции ФСНП России, 1999. 582 с.

Информация об авторах

А. В. Парфенов – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры организации оперативно-розыскной деятельности;

А. А. Харитонов – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности.

Information about the author

A. V. Parfenov – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Organization of Operational Investigative Activities;

A. A. Kharitonov – *kandidat nauk*, degree in Law, associate professor of the Department of Organization of Operational Investigative Activities.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 15.05.2025; accepted for publication 15.05.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 142–147.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 142–147.

Научная статья

УДК 343.988

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Эдуард Анатольевич Васильев¹, Роман Николаевич Кремнев²

¹ ВНИИ МВД России, Москва

vea62@rambler.ru

² УМВД России по Астраханской области, Астрахань

roman_kremnev@mail.ru

Аннотация. На основе проведенного исследования представлена структура оперативно-розыскной характеристики организации незаконной миграции. Подробно рассмотрены важнейшие ее компоненты: уголовно-правовые признаки, в частности, общественная опасность, противоправность и наказуемость деяний; способы совершения организации незаконной миграции; личность организатора незаконной миграции; личность незаконного мигранта; связь организации незаконной миграции с иными видами криминальных делитов, в том числе преступлений против порядка управления миграционной деятельностью.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная характеристика преступлений, организация незаконной миграции, мотив и совершение преступлений в группе, способы совершения преступлений, личность организатора незаконной миграции, личность незаконного мигранта

Для цитирования: Васильев Э. А., Кремнев Р. Н. Оперативно-розыскная характеристика организации незаконной миграции // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 142–147.

Original article

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS ILLEGAL MIGRATION ORGANIZATIONS

Eduard A. Vasiliev¹, Roman N. Kremnev²

¹ Russian research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

vea62@rambler.ru

² Ministry of Internal Affairs of Russia in the Astrakhan region Astrakhan

roman_kremnev@mail.ru

Abstract. Based on the conducted research, the structure of the operational and investigative characteristics of the organization of illegal migration is presented. Its most important components are considered in detail: criminal law signs, in particular, public danger, illegality and punishability of acts; methods of organizing illegal migration; the identity of the organizer of illegal migration; the identity of an illegal migrant; the connection of the organization of illegal migration with other types of criminal offenses, including crimes against the management of migration activities.

Keywords: operational investigative activity, operational investigative characteristics of crimes, organization of illegal migration, motive and commission of crimes in a group, methods of committing crimes, identity of the organizer of illegal migration, identity of an illegal migrant

For citation: Vasiliev E. A., Kremnev R. N. Operational and investigative characteristics of the organization of illegal migration // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 142–147.

К вопросам оперативно-розыскной характеристики организации незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ) исследователи обращаются довольно часто. В опубликованных работах акцент делается главным образом на понятии, структуре и актуальности [1, 2]. При этом проблемам, относящимся к целям и задачам данной характеристики, уделяется недостаточное внимание, что вызывает объективную критику. Отсюда можно сделать вывод, что один из основных институтов теории ОРД – оперативно-розыскная характеристика преступлений (далее – ОРХП) – существует только на методическом и описательном уровнях.

Сущность понятия «цель» в литературных источниках описывается по-разному. Так, философия трактует цель как представление о будущем, которое известно заранее [3, с. 323] и на достижение которого направлены действия субъекта [4, с. 75; 5, с. 534]. Юристы определяют цель как смоделированный, заранее построенный, желаемый результат деятельности человека [6, с. 5]. Причем представители права и философии сходятся в том, что цель всегда существует в идеальном виде, результат – в фактическом, поэтому нельзя, по их мнению, смешивать цели и ее результаты.

Понятие «цель» имеет как научное, так и практическое значение. От правильности формулирования цели зависит результат конечной деятельности, будь это практическая или научная задача. Применительно к обсуждаемой теме цель рассматриваемого понятия состоит в том, чтобы безошибочно выделить повторяющиеся, системообразующие элементы, характерные для криминального деликта, которые имеют поисковые признаки и пригодны для оптимизации процесса выявления и раскрытия преступления [7, с. 34], то есть рассматриваемая характеристика необходима для построения оперативно-розыскной методики выявления и раскрытия организации незаконной миграции. В свою очередь, задача – это определенный набор действий, который необходимо выполнить для достижения данной цели, а именно создать теоретическую и информационную базу, указывающую, какие основные тактические приемы способствуют эффективному выявлению и раскрытию криминального деликта. Причем речь всегда идет о конкретном составе преступления. Попытки унифицировать рассматриваемую характеристику путем включения в ее структуру одних и тех же элементов для группы преступлений, например, за нарушения миграционного законодательства, предусмотренные четырьмя самостоятельными составами преступлений (ст. 322, 322¹–322³ УК РФ), успехом не увенчались. В некоторых случаях они могут быть пригодны для их выявления и раскрытия, но это будет носить случайный, а не системный характер.

Обращение к существующим теоретическим разработкам показало, что сегодня в теории ОРД доминирует определение ОХРП, сформулированное Д. В. Гребельским. По его мнению, ОХРП представляет собой совокупность ряда информационных признаков, упорядоченных и взаимосвязанных между собой, почерпнутых из различных источников. Эти источники характеризуют определенную совокупность преступлений с криминологической, криминалистической, правовой, психологической, социологической и иных сторон [8]. Она является исходной методологической основой для решения одной из главных задач оперативно-розыскной деятельности – поиск и обнаружение фактических данных, свидетельствующих о совершении преступления в прошлом либо в настоящее время [9, с. 73].

В последние годы ряд авторов (Р. С. Белкин, В. И. Громов, Г. Г. Зуйков, В. А. Лаврова, В. И. Лебедев, И. Н. Якимов и другие) сходятся во мнении о необходимости комплексного подхода к описанию и характеристике преступных деяний. В частности, одни авторы в комплексную характеристику преступлений включают уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, криминалистическую и криминологическую характеристики [10], а другие – помимо названных предлагают использовать социально-правовую характеристику преступлений [11]. Есть иные взгляды. Так, С. Ю. Бирюков, учитывая специфику организации незаконной миграции, в содержание характеристики включает сведения об обстановке совершения преступления, о личности мигранта, о способе совершения преступления и личности преступника, причинах и условиях совершения преступления*.

Обобщение широкого круга эмпирических материалов показало, что исследователи наиболее часто в структуру ОРХП включают уголовно-правовые признаки преступления [12], и такой подход признается нами верным, так как выделенный признак позволяет разграничить криминальные деликты от других правонарушений, обеспечить соблюдение законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а еще, если нет элементов состава преступления, то не может быть и речи о применении сил, средств и методов ОРД. В частности, Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. от 25.12.2023) для иностранных граждан установлен визовый порядок въезда по действительным документам, удостоверяющим их личность. Нарушение такого порядка въезда самим иностранным гражданином влечет лишь административную ответственность. Уголовная ответственность наступает только за организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, т. е. умышленные действия, направленные на обеспечение въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан с нарушением установленных законом правил.

Есть иные признаки, например, мотив. Знание мотивации преступного поведения субъекта является залогом правильного определения характера поисковых мероприятий и направления документирования преступных действий, выбора оптимальной методики и тактики их раскрытия. Причем мотив уголовно-процессуальным законом (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ) отнесен к предмету доказывания, а это значит, что субъект ОРД должен фиксировать внутренние побудительные мотивы заподозренного в организации незаконной миграции лица еще на первоначальной стадии документирования.

Следующий признак – совершение преступления в группе или в составе организованной группы. Этот признак позволяет определить возможность оценки социально-психологических условий формирования преступных групп и, исходя из этого, применить наиболее эффективные оперативно-розыскные мероприятия и методы их осуществления при выявлении и документировании преступной деятельности.

Одним из основных элементов рассматриваемой характеристики является способ совершения преступления. Он позволяет установить примерный механизм совершения преступлений, лиц, его совершивших, на основе этого осуществить мероприятия по выявлению и раскрытию криминального деликта.

Авторы справедливо утверждают, что способ совершения преступлений дает лишь общее представление о механизме и лицах, совершивших преступление. В то же время между признаками преступления и способами его совершения существует тесная связь, суть которой заключается в том, что, зная способ совершения преступления, представляется возможным выявить его признаки и, наоборот, «по признакам судят о способе»**.

* Бирюков С. Ю. Особенности расследования организации незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 27.

** Абрамов А. М. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования мошенничества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 149.

В связи с этим в структуру оперативно-розыскной характеристики преступлений должны входить признаки преступлений, характеризующие установленные способы. Так, обобщение эмпирических материалов показало, что чаще всего рассматриваемые преступления осуществляются следующими способами:

- 1) организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства;
- 2) организация их незаконного временного пребывания, временного или постоянного проживания в Российской Федерации;
- 3) организация незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации.

Основаниями, позволяющими установить незаконность въезда или пребывания лица на территории РФ, являются:

- отсутствие соответствующих документов, удостоверяющих личность иностранного гражданина или лица без гражданства (это могут быть как поддельные, так и недействительные документы, например, выданные несуществующим или ненадлежащим органом, просроченные и т. д.);
- отсутствие визы или других документов, предоставляющих право въезда в Российскую Федерацию или выезда из нее (просроченная виза, поддельная виза и т. д.). Сюда же необходимо отнести случаи, когда виза или другие документы, предоставляющие соответствующие права, получены по поддельным документам;
- отсутствие миграционной карты, содержащей сведения об иностранном гражданине или лице без гражданства, въезжающем в Российскую Федерацию, которая служит для контроля за его временным пребыванием в России.

Следующий элемент ОРХП – личность лица, совершившего преступление. Характеристика личности рассматриваемого преступника включает значительное количество признаков и отличительных свойств, которые свойственны личности преступника вообще, то есть лица, участвующие в организации незаконной миграции, какими-то особенными признаками, отличающими их от других преступников, не обладают. Организаторами большинства рассматриваемых преступлений являются мужчины*, находящиеся в активной возрастной группе (от 30 до 50 лет), которые имеют связи во властных структурах, в том числе с сотрудниками правоохранительных органов. Они неплохо разбираются в вопросах конспирации, часто представляются вымышленными именами и нередко используют поддельные документы. Планирование всех этапов организации незаконной миграции, четкое распределение ролей между исполнителями, в том числе использование в качестве пособников лиц, профессионально изготавливающих поддельные документы, а также коррупция среди сотрудников правоохранительных органов позволяют им довольно долго заниматься противоправной деятельностью.

Важным элементом структуры ОРХП является личность самого незаконного мигранта, которую классифицируют по цели прибытия в Российскую Федерацию; по способу приобретения статуса мигранта; по мотивам, побудившим мигрировать (уехать) из своей страны, и т. д.

Обобщенный портрет незаконного мигранта выглядит следующим образом. Это, как правило, выходцы из стран Средней и Юго-Восточной Азии, редко Восточной Европы, мужского (71 %) и женского (29 %) пола, в возрасте от 19 до 40 лет. Как правило, не имеющие профессию и источник постоянного дохода. При этом на иждивении имеют семьи, двух и более детей и стариков.

* По изученным уголовным делам мужчины признаны организаторами по большинству преступлений, предусмотренных ст. 3221 УК РФ (78 %). Активность женщин возрастает значительно по преступлениям, предусмотренным ст. 3222 УК РФ (64,5 %) и ст. 3223 УК РФ (49 %). Всего изучено 112 уголовных дел, возбужденных по преступлениям против порядка управления миграционной деятельностью.

Наше исследование подтвердило выводы профессора И. В. Никитенко, который отмечает, что организация незаконной миграции тесно связана с другими преступлениями против порядка управления миграционной деятельностью, а именно фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322² УК РФ) и фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации (ст. 322³ УК РФ) [13, с. 217].

В заключение сформулируем следующие выводы.

1. В теории ОРД пока не сформулировано устоявшегося понятия и определения оперативно-розыскной характеристики организации незаконной миграции, не разработана ее структура, не определено содержание. Обоснованной теоретически и практически является оперативно-розыскная характеристика преступлений.

2. По аналогии с оперативно-розыскной характеристикой преступлений, которая рассматривается нами как составная часть ОРХ организации незаконной миграции, представилась возможность сформулировать:

– цель исследуемой характеристики – выделение повторяющихся элементов в организации незаконной миграции и использование их в качестве методологической основы для выявления и раскрытия криминальных деликтов;

– ее задачи, которые по смыслу совпадают с задачами ОРХ отдельных видов преступлений, – определенный набор действий, которые необходимо выполнить для создания теоретической и информационной базы, указывающей, какие основные тактические приемы способствуют эффективному выявлению и раскрытию криминального деликта.

3. На основании результатов проведенного исследования определены элементы оперативно-розыскной характеристики организации незаконной миграции и на их основании составлена ее структура, в которую следует включить: уголовно-правовые признаки; способы совершения и сокрытия организации незаконной миграции; личность организатора незаконной миграции; личность незаконного мигранта; связь организации незаконной миграции с иными видами преступлений.

Список источников

1. Иванов П. И. О незаконной миграции (понятие, сущность и содержание) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 3 (43). С. 135–142.
2. Омелин В. Н., Пьянков М. Н. Оперативно-розыскная характеристика организации незаконной миграции: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 622–624.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1974.
4. Основы философских знаний. М., 1994.
5. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 1987.
6. Каз Ц. М. Проблемы доказывания в суде первой инстанции (цели доказывания). Саратов, 1978.
7. Васильев Э. А. Теоретические основы борьбы с преступлениями в сфере оборота водных биоресурсов: моногр. / под науч. ред. В. Д. Ларичева. М.: ВНИИ МВД России, 2012.
8. Гребельский Д. В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик // Криминалистическая характеристика преступлений: Труды Академии МВД СССР. М., 1984. С. 70–73.
9. Гребельский Д. В. О состоянии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: Труды Академии МВД СССР. М., 1984.
10. Гребельский Д. В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик.
11. Кустов А. М. Криминалистическая или социально-правовая характеристика преступлений как ориентир в борьбе с преступностью // Роль и значение деятельности профессора Р. С. Белкина в становлении и развитии современной криминалистики: материалы междунар. науч. конф. М., 2002. С. 220–224.
12. Омелин В. Н., Пьянков М. Н. Указ. соч.
13. Никитенко И. В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект): моногр. М.: ИД Шумиловой И. И., 2013.

Информация об авторах

Э. А. Васильев – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник;

Р. Н. Кремнев – заместитель начальника УМВД России по Астраханской области.

Information about the author

E. A. Vasiliev – Doctor of Law, Associate Professor, chief researcher;

R. N. Kremnev – Deputy Head of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Astrakhan region.

Статья поступила в редакцию 18.04.2025; принята к публикации 18.04.2025.

The article was submitted 18.04.2025; accepted for publication 18.04.2025.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE FIELD OF COMBATING CRIME

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 148–155.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 148–155.

Научная статья

УДК 343.9

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И КОНТРОЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ В ХОДЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ВАЛЮТНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Леонид Алексеевич Богданов

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва

ll.bogkr@gmail.com

Аннотация. Исследуется совокупность факторов, влияющих на качество взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов в ходе противодействия преступлениям в сфере валютного обращения. Данный анализ позволил выявить внутренние взаимосвязи между ними, определить, как тот или иной фактор оказывает влияние на процесс взаимодействия. В настоящее время существует ряд внешних и внутренних факторов, оказывающих воздействие на состояние взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов при выявлении и раскрытии преступлений в сфере валютного обращения, прямо или косвенно влияющих на степень обеспечения контроля за возвратом в Российскую Федерацию валютной выручки. Внутренние факторы можно условно разделить на объективные и субъективные. Учитывая, что негативный аспект больше присущ субъективным факторам, автором выработаны предложения по их устранению.

Ключевые слова: факторы, правоохранительные и контролирующие органы, преступления в сфере валютного обращения, взаимодействие

Для цитирования: Богданов Л. А. Основные факторы, обуславливающие взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов в ходе противодействия преступлениям в сфере валютного обращения // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 148–155.

© Богданов Л. А., 2025

Original article

THE MAIN FACTORS DETERMINING THE INTERACTION OF LAW ENFORCEMENT AND REGULATORY AUTHORITIES IN THE COURSE OF COUNTERING CRIMES IN THE FIELD OF CURRENCY CIRCULATION

Leonid A. Bogdanov

National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow
ll.bogkr@gmail.com

Abstract. The article examines a set of factors influencing the quality of interaction between law enforcement and regulatory authorities in the course of countering crimes in the field of currency circulation. This analysis made it possible to identify the internal relationships between them, to determine how one or another factor affects the interaction process. Currently, there are a number of external and internal factors that affect the state of interaction between law enforcement and regulatory authorities in detecting and solving crimes in the field of currency circulation, directly or indirectly affecting the degree of control over the return of foreign exchange earnings to the Russian Federation. Internal factors can be roughly divided into objective ones and subjective. Considering that the negative aspect is more inherent in subjective factors, the author has developed proposals to eliminate them.

Keywords: factors, law enforcement and regulatory authorities, crimes in the sphere of currency circulation, interaction

For citation: Bogdanov L. A. The main factors determining the interaction of law enforcement and regulatory authorities in the course of countering crimes in the field of currency circulation // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 148–155.

На современном этапе борьба с преступностью требует не только максимального использования полномочий, предоставленных правоохранительным и контролирующим органам, но и четкой организации их деятельности, которая может иметь высокую продуктивность благодаря объединению усилий каждого отдельно взятого органа с учетом выполняемых им функций.

Основными субъектами противодействия преступлениям в сфере валютного обращения являются правоохранительные органы: подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России (далее – подразделения ЭБиПК), органы предварительного следствия системы МВД России, оперативные подразделения Федеральной таможенной службы, территориальные органы прокуратуры. Среди контролирующих органов в данной сфере можно выделить Федеральную налоговую службу, Росфинмониторинг, Банк России, Федеральную антимонопольную службу, Счетную палату России.

При этом подразделения ЭБиПК в ходе борьбы с преступлениями в сфере валютного обращения в полном объеме взаимодействуют с правоохранительными органами (наделенными правом проведения оперативно-розыскных мероприятий, иными правоохранительными органами, органами предварительного следствия системы МВД России), а также контролирующими органами, которые в силу отсутствия у них функций по обеспечению законности и правопорядка в целом и права проведения оперативно-розыскных мероприятий в частности относятся к субъектам усеченного взаимодействия.

Взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов в ходе противодействия преступлениям в сфере валютного обращения обусловлено совокупностью

обстоятельств, факторов. Их анализ позволит выявить внутренние взаимосвязи между ними и в последующем определить, как тот или иной фактор оказывает влияние на процесс взаимодействия.

Определению факторов, обуславливающих взаимодействие, было посвящено немало научных трудов, однако этот вопрос не получил единообразия в подходах. Толковый словарь С. И. Ожегова определяет «фактор» как движущую силу, причину какого-нибудь процесса, явления [1, с. 834].

К факторам можно отнести условия, причины, параметры, показатели, оказывающие влияние на экономический процесс и результат этого процесса [2, с. 849].

В настоящее время факторы, оказывающие влияние на различные сферы деятельности общества, достаточно подробно классифицированы. В зависимости от интенсивности влияния на определенную сферу или объект факторы делятся на основные и второстепенные: по степени воздействия на результаты деятельности те факторы, которые оказывают решающее воздействие, относятся к основным, те, что не оказывают такого воздействия – к второстепенным. Не связанные с волей человека или общества считаются объективными факторами, субъективные – подчиняются деятельности отдельных людей, предприятий, организаций. Если фактор регулярно воздействует на явление или сферу жизни общества, он является постоянным, если дает о себе знать эпизодично – переменным. Внутренние факторы воздействуют на деятельность организации изнутри, внешние факторы находятся за пределами системы и оказывают на нее влияние извне.

Применительно к факторам, детерминирующим взаимодействие субъектов, входящих как в структуру органов внутренних дел, в частности, так и составляющих систему иных правоохранительных, а также контролирующих органов, можно выделить следующие их виды.

Существует ряд внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на состояние взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов при выявлении и раскрытии преступлений в сфере валютного обращения.

Внешние факторы, прежде всего, определяются международными отношениями Российской Федерации, состоянием внешней политики и макроэкономики и связаны с использованием западными странами экономических методов для достижения политических целей. В настоящее время со стороны западных государств активно применяются санкционные меры в отношении определяющих сфер экономического сектора Российской Федерации, происходит сдерживание подходов к международным финансовым ресурсам и современным технологиям.

С учетом центрального положения, которое занимает Российская Федерация в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), в условиях геополитических запретов и ограничений качество международного торгового обращения оказывает существенное влияние на стабильность экспортно-импортных операций, проводимых Россией. Указанная ситуация создает барьеры для нормального осуществления внешнеэкономической деятельности, вынуждает предпринимателей искать новые рынки, нередко используя нелегальные схемы.

Взаимодействие подразделений ЭБиПК с контролирующими и правоохранительными органами обусловлено внутренними факторами, большинство из которых лежат в плоскости специфики деятельности субъектов взаимодействия. Внутренние факторы, интегрирующие деятельность правоохранительных и контролирующих органов в ходе противодействия преступлениям в сфере валютного обращения, можно условно разделить на объективные и субъективные, но все они, прямо или косвенно, влияют на степень обеспечения контроля за возвратом в Российскую Федерацию валютной выручки.

Так, результаты опроса сотрудников подразделений ЭБиПК показали, что благоприятно влияют на их взаимодействие с сотрудниками правоохранительных и контролирующих органов следующие факторы: общность целей и задач (65 %); определенная тождественность используемых в оперативно-розыскной деятельности форм, методов, сил и средств

(для подразделений ЭБиПК и оперативных подразделений ФТС) (14 %); отсутствие ведомственной подчиненности друг другу (20 %). Рассмотрим подробнее некоторые из указанных факторов.

1. Наличие общих целей и задач по обеспечению законности деятельности участников внешнеэкономических отношений, а именно:

- выявление, предупреждение и раскрытие преступлений в сфере валютного обращения, выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания.

Общие цели и задачи, возникающие в ходе взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов, обусловлены синтезом уголовного, уголовно-процессуального законодательства, а также законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности. Так, охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств составляют сущность целей оперативно-розыскной деятельности (ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», далее – ФЗ «Об ОРД») и одновременно названы среди задач в Уголовном кодексе РФ.

Назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, ограничения ее прав и свобод. Это коррелируется с задачами, закрепленными в ст. 2 ФЗ «Об ОРД», которые заключаются в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Поскольку указанные задачи установлены ФЗ «Об ОРД», то в этом контексте можно говорить о схожести задач оперативных подразделений полиции (ЭБиПК) и таможенных органов, осуществляющих свою деятельность на основе данного закона, при этом их компетенция строго разграничивается по своему содержанию.

Решение общих задач подразделений ЭБиПК с контролирующими органами может осуществляться путем анализа действующего законодательства и его совершенствования (издание совместных приказов, соглашений); в ходе планирования и проведения совместных проверок; организации и проведения координационных совещаний.

2. Взаимодействие подразделений ЭБиПК с контролирующими и правоохранительными органами обусловлено таким фактором, как необходимость всестороннего подхода к определению состояния преступности в сфере валютного обращения, и в широком смысле осуществляется в первую очередь в целях обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Очевидно, что отдельно взятый субъект взаимодействия не может располагать информацией о состоянии преступности и иных обстоятельствах по объективным причинам (сложная оперативная обстановка в экономической сфере, в частности в сфере валютного обращения, повышенная активность межрегиональных и транснациональных организованных групп, тяготение лидеров таких формирований к деятельности в органах исполнительной власти, амбициозное стремление занять приоритетные позиции в различных сферах экономики) [2, с. 10].

Поскольку оценка оперативной обстановки в сфере валютного обращения складывается из всего массива информации, предоставленной субъектами взаимодействия, возникает необходимая потребность реализовывать системный подход, применимый к сбору, диагностике и оценке информации о криминогенной обстановке в конкретной сфере экономики.

Необходимо, чтобы сотрудники всех взаимодействующих структур не только тщательно изучали и анализировали способы совершения преступлений в сфере валютного обращения, но и разрабатывали меры, в том числе оперативно-розыскные, по выявлению и пресечению таких преступлений [3, с. 15–16].

3. Общность объекта, на который направлено взаимодействие сторон при выявлении и раскрытии преступлений в сфере валютного обращения, – отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности между резидентами и нерезидентами, подлежащие валютному контролю в целях соблюдения валютного законодательства Российской Федерации (расчеты между резидентами и нерезидентами в рублях и иностранной валюте, между нерезидентами в рублях, между резидентами в иностранной валюте, ввоз в Россию и вывоз из России ценных бумаг, рублей и иностранной валюты).

4. Использование взаимодействующими субъектами в ходе выявления и раскрытия преступлений в сфере валютного обращения сил, средств и методов, которые имеют различия в зависимости от характера компетенций субъекта взаимодействия. При этом правоохранительные органы, наделенные правом проведения оперативно-розыскных мероприятий, достаточно эффективно используют в борьбе с экономической преступностью средства и методы оперативно-розыскной деятельности, а контролирующие органы – методы государственного контроля (надзора), основанные на положениях законов и подзаконных нормативных актов о взаимодействии [4].

Эффективным условием, фактором, интегрирующим организацию взаимодействия рассматриваемых субъектов (через призму использования схожих сил, средств и методов, урегулированных нормативно), является разграничение их функций при профессиональной дифференциации. При этом выполнение отдельно взятым субъектом взаимодействия профессиональных обязанностей является базисом, от которого необходимо отталкиваться при формировании конкретной модели организационного построения государственного органа во взаимодействии с другими.

5. Объективным фактором, интегрирующим деятельность правоохранительных и контролирующих органов в ходе противодействия преступлениям в сфере валютного обращения, является реализация принципа законности, что выражается в соблюдении установленных норм законов и подзаконных нормативных актов, регламентирующих процесс взаимодействия субъектами взаимодействия.

Принцип законности нормативно закреплен в Конституции РФ (ст. 15), Уголовном кодексе РФ (ст. 3), Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 7) и других нормативных правовых актах. Конституционные начала принципа законности трактуются, исходя из соблюдения конституционных норм и законов органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, гражданами и их объединениями.

ФЗ «Об ОРД» не раскрывает сущность данного принципа, однако указывает, что оперативно-розыскная деятельность основывается на конституционных принципах законности (ст. 3), что дает основания для его трактовки в рамках научных исследований [5, с. 75].

Федеральный закон «О полиции» детально раскрывает содержание принципа законности, в рамках которого деятельность сотрудников полиции осуществляется в точном соответствии с законом; ограничение прав и свобод граждан допускается только по основаниям и в порядке, предусмотренными федеральными законами.

Принцип законности также лежит в основе деятельности контролирующих органов. Так, статья 7 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» закрепляет законность и обоснованность действий и решений контрольного (надзорного) органа и его должностных лиц, а их деятельность должна вестись на основании федеральных законов и принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов. Контроль относится к одному из основных способов обеспечения законности и реализуется контролирующими органами путем мониторинга и инспектирования проверяемых объектов в целях выявления нарушений в их деятельности и последующей нейтрализации выявленных нарушений.

При этом следует отметить, что права предпринимателей в связи с осуществлением ими экономической деятельности гарантируются соответствующими положениями отечественного законодательства, а при необходимости должны быть защищены в административном либо судебном порядке судебными, правоохранительными и иными органами государственной власти. Однако правовая реальность такова, что подобное взаимодействие не всегда находится на должном уровне, что негативно сказывается на экономической безопасности государства и порядка в целом [6, с. 152].

Специфика организации взаимодействия, например, в органах внутренних дел (подразделения ЭБиПК, органы предварительного следствия системы МВД России) связана с тем, что воздействие должностных лиц указанных органов на подчиненных в процессе принятия управленческих решений ограничено законом [7, с. 14]. Из этого следует, что организация взаимодействия тесно сопряжена с внутренней структурой государственного органа, выступая интегрирующим фактором, объединяющим части в определенную целостность [8, с. 58].

Помимо объективных факторов, обуславливающих необходимость взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов, можно выделить ряд субъективных обстоятельств, к которым, по нашему мнению, следует отнести:

- отсутствие должной компетентности у оперативных работников (в основном таможенных органов) по сбору материалов доследственных проверок (неустановление обстоятельств представления в кредитную организацию, обладающую полномочиями агента валютного контроля, документов, связанных с проведением валютных операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, о целях и назначении переводов), что в дальнейшем является основанием для отмены решений о возбуждении уголовных дел следственными органами системы МВД России;

- недоработанность процесса обмена информацией с отдельными контролирующими органами. Так, большинство опрошенных сотрудников подразделений ЭБиПК отмечают несвоевременность поступления сведений, необходимых для проведения проверочных мероприятий, из территориальных подразделений Росфинмониторинга. Указанные обстоятельства прямо влияют на несвоевременность установления обстоятельств нарушения валютного законодательства;

- затягивание сроков рассмотрения запросов об оказании правовой помощи, длительность их исполнения компетентными органами иностранных государств в отношении нерезидентов.

Результаты опроса сотрудников подразделений ЭБиПК, взаимодействующих с правоохранительными и контролирующими органами в ходе борьбы с преступлениями в сфере валютного обращения, отражают схожее мнение. К числу факторов, влияющих на снижение эффективности взаимодействия, респондентами были отнесены: несвоевременность установления обстоятельств нарушений валютного законодательства; межведомственная и внутриведомственная разобщенность (44 %); несовершенство обмена взаимной информацией, в том числе отсутствие единого банка данных (26 %); промедление со сроками рассмотрения запросов (30 %).

Подводя итог изложенному, сформулируем ряд выводов.

Взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов в ходе противодействия преступлениям в сфере валютного обращения обусловлено объективными внешними и внутренними факторами.

С учетом особенностей сферы валютного обращения целесообразно выделить внешние факторы, связанные с внешней политикой и макроэкономикой (использование западными странами экономических методов для достижения политических целей, давление международных санкций на внешнеэкономическую деятельность российских компаний, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и др.).

Объективные внутренние факторы лежат в плоскости специфики деятельности рассматриваемых субъектов взаимодействия: наличие тождественных целей и задач, комплексный подход к сбору, диагностике и оценке информации о складывающейся оперативной обстановке в сфере валютного обращения, использование в ходе выявления и раскрытия преступлений в указанной сфере сил, средств и методов работы, присущих конкретному органу.

Анализ практики правоохранительной деятельности показывает, что организация взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов в ходе противодействия преступлениям в сфере валютного обращения находится на том этапе, когда имеются недостатки в системе взаимного обмена информацией, несогласованность при производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, существуют пробелы в законодательстве, регламентирующем вопросы взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов, что создает целый ряд неблагоприятных условий, влияющих на качество совместной деятельности.

На устранение субъективных факторов, влияющих на качество взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов в ходе противодействия преступлениям в сфере валютного обращения, по нашему мнению, могут оказать следующие меры:

- четкая регламентация полномочий руководителей правоохранительных и контролирующих органов по организации взаимодействия при проведении оперативно-розыскной, процессуальной и контрольно-надзорной деятельности, а также в ходе реализации основных форм взаимодействия, включая совместную межведомственную нормотворческую деятельность;
- повышение качества направляемых в органы предварительного следствия системы МВД России материалов проверок из таможенных органов (когда в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий установлена причастность конкретного участника внешнеэкономической деятельности к совершению преступлений), что скажется на снижении числа отмененных постановлений о возбуждении уголовных дел в сфере валютного обращения;
- регулярное проведение сверок в целях контроля за принятием территориальными следственными подразделениями МВД России процессуальных решений по передаваемым по подследственности таможенными органами материалам проверок и уголовным делам указанной категории (со стороны Следственного департамента МВД России и ФТС России);
- повышение квалификации сотрудников взаимодействующих органов, совершенствование их профессиональных навыков, включая обладание на должном уровне знаниями валютного законодательства.

Список источников

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 7-е. М.: Сов. энциклопедия, 1968.
2. Арефьев А. Ю. Взаимодействие и координация деятельности правоохранительных органов по оперативно-розыскному предупреждению преступлений в сфере экономики // Труды ВИПК МВД России. Вып. 22: Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности ОВД на современном этапе: материалы межвуз. науч.-практ. конф. Ч. 1 / под общ. ред. Ю. Н. Демидова. Домодедово: ВИПК МВД России, 2008.
3. Гапоненко В. Ф., Мотин В. В., Назаров А. Р. Борьба со злоупотреблениями, имеющими место при осуществлении внешнеэкономической деятельности (экономико-правовой аспект): учеб. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2000.
4. Гасаналиев А. Ш., Магомедова К. М. Проблемы взаимодействия налоговых и правоохранительных органов в процессе осуществления налогового контроля // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2018. Т. 33, вып. 1. С. 96–101.
5. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: моногр. М., 2013.
6. Никитенко И. В., Бабак О. В. Обеспечение прав предпринимателей посредством реализации контрольно-надзорных функций государства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97).
7. Яськов Е. Ф. О проблеме легитимности теории управления органами внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. М., 1998.
8. Потапова С. А. Теоретические аспекты организации взаимодействия правоохранительных органов // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 2 (14).

Информация об авторе

Л. А. Богданов – соискатель.

Information about the author

L. A. Bogdanov – applicant.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 18.08.2025.

The article was submitted 07.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 18.08.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 156–161.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 156–161.

Научная статья

УДК 343.36

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Илья Викторович Никитенко

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск
dfvnii@mail.ru, ORCID: 0009–0006–7406–7998, Researcher ID: KJM-5058–2024

Аннотация. В статье рассмотрены особенности уголовного законодательства Турецкой Республики и Исламской Республики Иран относительно ответственности за преступления против правосудия. С опорой на уголовное законодательство указанных государств представлены краткий анализ и авторское толкование основных особенностей правовой регламентации рассматриваемых преступлений. Проанализированы основные отличия от соответствующих положений отечественного уголовного права. Сформулирован ряд выводов о специфике соответствующих правовых институтов в уголовном праве Турецкой Республики и Исламской Республики Иран.

Ключевые слова: преступления против правосудия, УК РФ, уголовное законодательство Турецкой Республики, Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран

Для цитирования: Никитенко И. В. Уголовная ответственность за преступления против правосудия по уголовному законодательству Турецкой Республики и Исламской Республики Иран // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 156–161.

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST JUSTICE UNDER THE CRIMINAL LAWS OF THE REPUBLIC OF TURKEY AND THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Ilya V. Nikitenko

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk

dfvnii@mail.ru, ORCID: 0009-0006-7406-7998, Researcher ID: KJM-5058-2024

Abstract. The article examines the specifics of the criminal legislation of the Republic of Turkey and the Islamic Republic of Iran regarding responsibility for crimes against justice. Based on the criminal laws of these States, a brief analysis and the author's interpretation of the main features of the legislative regulation of the crimes under consideration are presented. The main differences from the relevant provisions of domestic criminal law are analyzed. A number of judgments and conclusions are formulated about the specifics of the relevant legal institutions in the criminal law of the Republic of Turkey and the Islamic Republic of Iran.

Keywords: crimes against justice, the Criminal Code of the Russian Federation, the criminal legislation of the Republic of Turkey, the Law on Islamic Criminal Penalties of the Islamic Republic of Iran

For citation: Nikitenko I. V. Criminal liability for crimes against justice under the criminal laws of the Republic of Turkey and the Islamic Republic of Iran // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 156–161.

Уголовный кодекс Турции представляет собой нормативный правовой акт, в котором посредством законодательной кодификации оформлены и систематизированы нормативные дефиниции уголовного права этого государства.

По поручению Министерства юстиции правительства Турецкой Республики 21 декабря 1999 г. была сформирована специально уполномоченная комиссия по разработке нового Уголовного кодекса республики. В 2001 г. был подготовлен проект кодекса, в 2003 г. он был направлен в Великое национальное собрание Турецкой Республики для обсуждения, одобрения и принятия. После прохождения всех предусмотренных законодательных процедур, 1 июня 2005 г. новый Уголовный кодекс Турции вступил в силу. Он сменил Уголовный кодекс Турции 1926 г., который сегодня известен как «старый уголовный кодекс» в тех случаях, когда его необходимо применять.

Примечательно, что структура нового уголовного законодательства Турецкой Республики не претерпела существенных изменений. Как и прежде, Уголовный кодекс, Турецкой Республики состоит из трех книг, книги делятся на разделы, а разделы – на главы. Счет разделов и глав в каждой из книг начинается заново, что представляет одну из особенностей структуры уголовного законодательства Турции.

Уголовно-правовые нормы, посвященные преступлениям против правосудия, преимущественно сосредоточены в главе 4 раздела 2 второй книги. Однако необходимо учитывать, что многие составы преступлений об ответственности за противодействие осуществлению правосудия расположены в главе, объединяющей иные преступления против государственной власти и порядка государственного управления, а также должностные преступления.

Рассмотрим положения ст. 231–233 УК Турции об ответственности за вмешательство в законную деятельность судебных органов в связи с осуществлением правосудия.

Так, в ст. 231 указано на ответственность судей в случаях небрежности в исполнении ими должностных обязанностей, если имеются основания и условия по закону для предъявления

к ним исковых требований. Необходимо отметить, что подобная норма в отечественном уголовном законодательстве отсутствует. Однако это не значит, что в уголовном законодательстве России отсутствуют нормы, обеспечивающие ответственность судей как особой категории должностных лиц и представителей государственной власти за ненадлежащее исполнение своих функциональных обязанностей, входящих в круг их полномочий. В Российской Федерации, с учетом статуса судейской неприкосновенности, предусмотрен специальный порядок, обеспечивающий возможность привлечения судей к уголовной ответственности, что в большей степени является процедурным вопросом. В уголовно-правовом аспекте, за совершение должностных преступлений, связанных с осуществлением функций правосудия, судьи могут быть привлечены к уголовной ответственности в соответствии с правовыми нормами гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления».

Очевидно, что статья 232 УК Турции призвана обеспечить независимость судей и органов судебной власти в целом. Смысл указанной нормы в следующем. «Лицо, отдавшее приказ или распоряжение либо оказавшее иное воздействие или обратившееся с просьбой к суду в целях оказания покровительства или оказания какого-либо содействия одной из сторон судебного разбирательства, либо приобретения выгоды, наказывается заключением на срок не менее двух лет в первом и во втором случаях и не менее шести месяцев в третьем случае. Если же виновное лицо является чиновником, оно наказывается также пожизненным или временным лишением права занимать государственную должность».

В сравнении с отечественным уголовным законодательством, смысл указанной нормы в большей степени соответствует положениям ст. 294 УК РФ, предусматривающей ответственность за «воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования».

Статья 282 УК Турции предусматривает ответственность свидетеля, эксперта или переводчика за уклонение от дачи свидетельских показаний и исполнения обязанностей эксперта или переводчика, а равно необоснованную неявку в суд при приглашении последних. Данная норма частично соответствует ст. 308 УК РФ – «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний». Ответственность экспертов и переводчиков за отказ или уклонение от исполнения своих обязанностей перед судом наступает в соответствии с административным законодательством России.

Статьей 283 УК Турции предусмотрена ответственность за заведомо ложное сообщение о преступлении, аналогично ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос».

Примечателен состав преступления об ответственности за подмену лица, обязанного отбыть уголовное наказание, другим лицом. Ответственность за такой обман наступает по ст. 284 УК Турции. В российском уголовном законодательстве подобная норма отсутствует.

В главе 3 указанного раздела УК Турции содержится также ряд норм об ответственности за дачу ложных (недостовверных) показаний в судебном процессе, которые по своему характеру, в общем и целом, соответствуют аналогичным нормам УК РФ.

Таким образом, на фоне контрастных различий в систематизации уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против правосудия законодательные подходы к регламентации такой ответственности в Российской Федерации и в Турецкой Республике весьма схожи.

Далее, переходя к сопоставительному анализу уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления против правосудия в Исламской Республике Иран и уголовном законодательстве России, следует обратить внимание на организацию самой судебной системы Исламской Республики Иран.

Правовая система современного Ирана относится к семье исламского религиозного права, что влияет на систему иранского правосудия в целом, а следовательно, и на основные подходы к уголовно-правовому обеспечению охраны этого института государственной власти [1].

Рассматривая уголовно-правовые аспекты регламентации преступлений против правосудия, целесообразно отметить, что судья в Иране наделен фактически абсолютной властью, являясь арбитром, выносящим правовые вердикты. Примечательно и то, что каждый судья имеет квалификацию в области исламского права. Согласно же Конституции Исламской Республики Иран, судебная власть в Иране является независимой. Вместе с тем вся правовая система находится в ведении Министерства юстиции. Однако кроме министра юстиции и главы Верховного суда Ирана есть также глава судебной власти, который назначается духовным религиозным лидером Исламской Республики Иран*.

Однако уголовно-правовая система Ирана лишь условно может быть причислена к смешанной правовой системе, так как традиционно рассматривается правоведами как относящаяся к религиозной системе права. При этом уголовное законодательство Ирана имеет контрастные отличия от уголовного законодательства Королевства Саудовской Аравии, Королевства Бахрейн и других монархий Ближневосточного региона как государств – наиболее типичных представителей религиозного и, в частности, шариатского права.

Так, наряду с непосредственно заимствованными из мусульманского права правовыми нормами, источником которых являются законы шариата, в Законе об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран встречаются положения, традиционные для континентальной (романо-германской) системы права, а иногда и так называемого общего права (Common law), распространенного в государствах англосаксонской правовой семьи. В связи с этим целесообразно отметить, что правовая система Исламской Республики Иран представляет собой интеграцию мусульманского права, основанного на законах шариата, романо-германского права и, отчасти, англосаксонского права, имеющего казуистическую природу. Однако заложена в основу уголовного права Исламской Республики Иран совокупность правовых, морально-этических и религиозных принципов ислама. Так, в ст. 4 Конституции Ирана закреплено, что «все гражданские, уголовные, финансовые, экономические, административные, культурные, военные, политические нормы и принципы, а также любые другие законы должны основываться на принципах ислама. Указанные принципы главенствуют над всеми нормами Конституции и другими нормативно-правовыми актами».

Судебный процесс в Иране основывается в большей степени на следственном процессе по французскому образцу, нежели на принципе состязательности, свойственном британскому судопроизводству. В сложных случаях в принятии решения к судье присоединяются двое судей-ассистентов, а в случаях, где теоретически может быть назначена смертная казнь, число ассистирующих судей увеличивается до четырех. Если в разбирательство вовлечены СМИ, то решение может выносить жюри присяжных**.

Особенности организации и функционирования судебной системы Ирана оказали существенное влияние на уголовное законодательство относительно регламентации уголовной ответственности за преступления против правосудия. Так, в отличие от УК РФ и уголовного законодательства Израиля, в Законе об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран, который является основным кодифицированным нормативно-правовым актом, определяющим преступность и наказуемость деяний, отсутствует специальный раздел, в котором были бы сгруппированы правовые положения об ответственности за преступления против правосудия. Предположительно, основным источником подобных правовых запретов является сам Коран, к которому корреспондируют (отсылают) уголовно-правовые нормы Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран. Однако отдельные правовые нормы об ответственности за рассматриваемые преступления имеют

* Конституционная характеристика судебной власти Ирана. URL: <http://www.iranonline.com/iran/iran-info/Government/constitution-11.html> (дата обращения: 10.06. 2025).

** Как функционирует судебная система Исламской Республики Иран. URL: <https://pravo.ru/interpravo/practice/view/102642/> (дата обращения: 10.06. 2025).

место в некоторых частях вышеупомянутого нормативно-правового акта. Так, раздел 12 «Отказ от выполнения обязанностей, установленных законом» содержит норму об ответственности за «неправомерный отказ работника судебных органов от принятия и разбирательства жалобы, поданной в установленном законом порядке, независимо от причины отказа, в том числе ссылки на молчание, краткость или противоречивость закона» (ст. 597 Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран).

Диспозиция указанной правовой нормы содержит описание еще нескольких уголовно наказуемых деяний, связанных с нарушениями судопроизводства: «вынесение судебного решения с нарушением установленных законом сроков, а также иные судебные действия, противоречащие закону». Можно предположить, что к таким судебным нарушениям можно отнести и другие нарушения регламента рассмотрения судами административных, гражданских и уголовных дел.

Во второй части названной нормы содержится состав с отягчающими ответственность обстоятельствами, а именно: «те же деяния, совершенные повторно». Вероятно, иранский законодатель имеет в виду ужесточение уголовной ответственности при специальном рецидиве преступления. Однако и первая, и вторая часть данной правовой нормы свидетельствуют о ее казуистическом характере.

Примечательно, что в УК РФ норма прямого действия об уголовной ответственности за подобные неправомерные отказы органами, осуществляющими правосудие, отсутствует. Если же в принятии заявления отказывает должностное лицо судебного органа и этот отказ противоречит закону, то при наличии иных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, такое лицо подлежит уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в форме бездействия.

Для более полного представления о системе уголовно-правовых мер противодействия преступлениям против правосудия и судебной системы Исламской Республики Иран в целом обратим внимание на раздел 20, в котором сгруппированы составы преступления за ложную клятву и свидетельство, а также разглашение тайны. В частности, статья 649 регламентирует ответственность за ложную клятву. В диспозиции указанной правовой нормы представлено описание данного состава преступления: «Ложная клятва, принесенная в связи с выполнением предусмотренных законом процедур гражданского и уголовного судопроизводства, наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до двух лет». Отметим, что в отечественном уголовном законодательстве отсутствует такой состав преступления. Однако можно предположить, что смысл комментируемой нормы наиболее соответствует положению ст. 307 УК РФ, предусматривающему уголовную ответственность за «заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод». Юридический смысл перечисленных в данном составе преступления деяний, совокупность которых образует его объективную сторону, предполагает нарушение данных под присягой обязательств представлять в судебном процессе правдивые показания, заключения эксперта, специалиста или правдивый перевод.

Судебную присягу можно истолковать как данную в судебном процессе клятву говорить правду и только правду. В связи с этим необходимо отметить, что присягающие в суде лица подтверждают свою осведомленность об ответственности за нарушение условий судебной присяги. Вероятно, что дача под присягой ложных показаний, экспертных заключений, равно как и иных свидетельств, в связи с гражданским и уголовным судопроизводством могут расцениваться как ложная клятва или присяга.

Таким образом, иранский законодатель, предусматривая уголовную ответственность за ложную клятву посредством расширительного толкования нормы ст. 649 Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран, предполагает ответственность и за ложные свидетельства в связи с выполнением предусмотренных законом процедур гражданского и уголовного судопроизводства.

Статья 650 указанного нормативно-правового акта содержит ответственность за «ложное свидетельство, представленное в суде официально уполномоченному лицу». Очевидно, что данная норма уголовного законодательства Ирана представляет собой один из частных вариантов противодействия правосудию через предоставление заведомо ложных (недоверенных) сведений лицу, наделенному властными полномочиями по осуществлению правосудия. Проводя аналогию с соответствующими положениями уголовного законодательства России, можно предположить, что к таким лицам следует отнести только тех участников гражданского и уголовного судопроизводства, которые непосредственно участвуют в судебном процессе на стадии судебного разбирательства, а именно, судьи и прокуроры. К указанной категории официально уполномоченных лиц можно отнести и представителей защиты, например, адвокатов, которые в соответствии со ст. 53 УПК РФ уполномочены собирать и представлять в судебном процессе доказательства по уголовным делам. В связи с этим необходимо отметить, что среди источников подобных доказательств следует назвать и свидетельские показания, которые по ходатайству представителей защиты могут быть получены через опрос свидетелей. Вместе с тем необходимо учитывать и то, что опрашиваемый представитель защиты не уполномочен предупреждать опрашиваемое лицо об ответственности за дачу ложных показаний, и, следовательно, вопрос о процессуальных полномочиях представителей защиты остается открытым.

Примечательно, что значительная часть правовых норм, связанных с уголовно-правовым обеспечением правосудия по уголовным делам, содержится в специальном разделе Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран, систематизирующем нормы о «способах установления факта прелюбодеяния в суде». Однако содержание указанных правовых положений в большей степени свидетельствует об их процессуальном характере, что, надо подчеркнуть, не типично для уголовно-правовой системы России, которая построена на четкой дифференциации положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, правовых норм материального и процедурного характера.

Информация об авторе

И. В. Никитенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии

Information about the author

I. V. Nikitenko – Doctor of Law, Professor, professor of Department of Criminal Law and Criminology

Статья поступила в редакцию 16.06.2025; принята к публикации 16.06.2025.

The article was submitted 16.06.2025; accepted for publication 16.06.2025.

Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 162–171.

Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 162–171.

Научная статья
УДК 343.36

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ

Александр Олегович Швейгер

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск
shvejgersasha@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу уголовной ответственности за преступления против правосудия по уголовному законодательству Германии. Анализируется содержание и конструкция статей Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии, предусматривающих ответственность за преступления против правосудия. Рассматриваются некоторые примеры правоприменительной практики Германии, относящиеся к особенностям реализации анализируемых уголовно-правовых норм. Делаются выводы об особенностях Уголовного кодекса ФРГ в рамках рассматриваемого аспекта.

Ключевые слова: Уголовный кодекс ФРГ, преступления против правосудия, ложные показания, привлечение невиновного к уголовной ответственности

Для цитирования: Швейгер А. О. Уголовная ответственность за преступления против правосудия по уголовному законодательству Германии // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова. 2025. № 3 (72). С. 162–171.

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES AGAINST JUSTICE UNDER GERMAN CRIMINAL LAW

Alexander Olegovich Shveyger

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov, Khabarovsk
shvejgersasha@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of criminal liability for crimes against justice under German criminal law. The article analyzes the content and construction of articles of the Criminal Code of the Federal Republic of Germany, which provide for liability for crimes against justice. Some examples of German law enforcement practice related to the specifics of the implementation of the analyzed criminal law norms are analyzed. Conclusions are drawn about the peculiarities of the German Criminal Code in the context of the aspect under consideration.

Keywords: German Criminal Code, crimes against justice, false testimony, bringing an innocent person to criminal responsibility

For citation: Shveyger A. O. Criminal liability for crimes against justice under German criminal law // Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after I. F. Shilov. 2025; 3 (72): 162–171.

Действующий Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии восходит к Уголовному кодексу Германской империи от 15 мая 1871 г. В своем развитии УК ФРГ претерпел множество изменений вследствие особенностей времени, на которое приходились данные правовые преобразования.

Уголовное законодательство Германии и уголовно-правовые научные концепции немецких ученых оказали существенное влияние на формирование Уголовного кодекса Российской Федерации. Этот факт находит отражение в криминализации деяний и их законодательном описании, имеющих много общего с УК ФРГ.

Преступления против правосудия являются традиционным структурным элементом Особенной части отечественного уголовного законодательства. Данная глава была включена в УК РСФСР 1960 г., содержится она и в действующем УК РФ. Однако в УК ФРГ отсутствуют отдельные главы или разделы, аккумулирующие данные виды преступлений. Они находятся в Особенной части, но не образуют единой системы и являются разрозненными, поскольку относятся к разным главам [1, с. 212].

В Особенной части УК ФРГ в разд. 9 «Дача ложных показаний без принесения присяги и лжеприсяга» закреплены 10 уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за дачу ложных показаний в различных ее проявлениях. Такой подход к детальному описанию дачи ложных показаний обусловлен тем обстоятельством, что в Германии свидетельские показания являются одним из основных доказательств, формирующих убежденность судьи при вынесении решения по делу.

Параграф 153 «Дача ложных показаний без принесения присяги» предусматривает ответственность за дачу ложных показаний без присяги в качестве свидетеля или эксперта. Такие показания могут быть даны как в суде, так и в другом уполномоченном органе. Преступление наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до пяти лет.

Формулировка «в качестве свидетеля» в § 153 интерпретируется лингвистически как означающая человека, дающего ложные показания при допросе свидетеля. Таким образом, свидетелем является тот, кто должен сообщить суду о фактах, которые были им восприняты [2, с. 166]. Понимаемый таким образом термин не характеризует личность преступника, а является элементом объективной стороны преступления.

Процессуальное законодательство Германии предусматривает возможность допроса свидетеля как под присягой, так и без таковой. По общему правилу, суд должен привести допрашиваемого к присяге. Вместе с тем имеются исключения, когда суд может принять решение не приводить к присяге допрашиваемое лицо [3].

Первоначально УК ФРГ предусматривал уголовную ответственность только за ложные показания под присягой. Поскольку обязательная дача показаний под присягой не требовалась в каждом случае в связи с новыми положениями Уголовно-гражданского процессуального кодекса, ложные показания без присяги давались безнаказанно, поскольку не были криминализованы. В связи с этим в Уголовный кодекс ФРГ было включено преступление, заключающееся в даче ложных показаний без присяги. Причиной тому была опасность, которую представляют ложные показания свидетелей (и экспертов) для юридического интереса, а не то, что у них есть особые личные обязательства по соблюдению законных интересов отправления правосудия. Субъектом данного преступления может быть любое лицо, не занимающее иного процессуального положения, дающее показания о известных ему фактах, касающихся дела, т. е. лицо, имеющее процессуальный статус свидетеля. Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Параграф 154 «Лжесвидетельство» устанавливает ответственность за дачу ложной присяги в суде или перед другим органом, к компетенции которого относится приведение к присяге. Такие деяния наказываются лишением свободы на срок не менее одного года. Под действие статьи подпадают случаи, когда преступник намеренно дает ложные показания, даже

если он был приведен к присяге. Таким образом, отличие от § 153 заключается в факте приведения к присяге допрашиваемого лица, которое, дав клятву говорить только правду, впоследствии нарушает ее. Фактически это может быть любое лицо, которое может быть приведено к присяге.

В уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике Германии не разрешен окончательно вопрос относительно наказания лиц, которые не могут быть приведены к присяге (например, не достигшие возраста 18 лет или имеющие отставание в умственном развитии и др.), однако вследствие ошибки были к ней приведены и дали ложные показания.

Среди юристов Германии преобладает позиция, которая состоит в том, что если было приведено к присяге лицо, не достигшее соответствующего для этого возраста, то преступление, предусмотренное § 154, считается совершенным*. Другая точка зрения заключается в том, что, поскольку приведение к присяге произведено с нарушением процессуальных правил, то состав преступления, предусмотренного § 154, будет отсутствовать, и такие действия необходимо квалифицировать в соответствии с § 153**.

Субъективная сторона преступления характеризуется умышленной формой.

Часть вторая § 154 содержит привилегированный состав преступления, предусмотренного в части первой. Законодатель не раскрывает, какие обстоятельства выступают в качестве смягчающих, указывая в диспозиции, что в менее тяжких случаях назначается лишение свободы на срок от 6 месяцев до 5 лет.

Параграф 156 «Ложное заверение вместо присяги» предусматривает ответственность за дачу ложных показаний на основании такого заверения. Данное преступление наказывается лишением свободы на срок до трех лет или штрафом. При этом в § 155 раскрывается, что понимается под заверениями, которые приравниваются к присяге. К ним немецкий законодатель относит: а) утверждения, которые могут быть использованы вместо присяги; б) указание на уже данную ранее присягу.

Состав преступления, предусмотренный в § 156, является третьим основным видом преступлений, связанных с ложными показаниями (помимо ложных показаний без присяги и лжесвидетельства). Заявление вместо присяги является менее общественно опасным по сравнению с дачей присяги. Тем не менее, данный состав не является привилегированным, а является преступлением, которое просто имеет свою область применения.

Объективная сторона преступления может быть выполнена двумя способами: 1) путем дачи ложного показания под ранее данной присягой; 2) путем дачи ложного показания на основании заявления о правдивости предоставляемых сведений.

Присяга может быть дана в письменной или устной форме. Кроме того, преступник должен подтвердить правдивость своего заявления, используя фразу «под присягой» или подобную фразу.

Преступление считается оконченным, как только ложные сведения попадают в органы власти. При этом не обязательно, чтобы они приняли к сведению содержание ложных показаний***.

Орган, перед которым дается заверение или перед которым делаются ложные заявления на основании предыдущего заверения, должен обладать следующими компетенциями: как правило, он должен быть уполномочен принимать письменные показания, кроме того, ему также должно быть разрешено получать показания в отношении отдельного предмета разбирательства. Согласно УК ФРГ, такой орган власти приравнивается к суду.

* Meineid, § 154 abs. 1 STGB – schema. URL: <https://www.juraindividuell.de/pruefungsschemata/meineid-154-abs-1-stgb-aussagedelikte-schema/>

** Kujus T. Meineid. URL: <https://kujus-strafrverteidigung.de/strafrechts-abc/meineid/>

*** Falsche Versicherung an Eides statt, § 156 StGB. URL: <https://www.lecturio.de/mkt/jura-magazin/falsche-versicherung-an-eides-statt/>

Параграф 157 «Крайняя необходимость при даче показаний» закрепляет такие обстоятельства, при наличии которых суд может смягчить наказание или освободить от наказания за дачу ложных показаний свидетеля или эксперта. К таким обстоятельствам законодатель относит дачу ложных показаний в целях избежания наказания или применения иных мер принуждения, связанных с лишением свободы, самим виновным или его родственником.

Опасность подвергнуться наказанию может быть мнимой, и этот факт не влияет на оценку действий виновного. В этом случае достаточно установить, что виновный, даже ошибочно, опасался возможности подвергнуться наказанию из-за своих предыдущих каких-либо действий, при этом об этом факте он должен дать правдивые показания, объективное существование такой опасности не требуется.

Так, в окружном суде г. Бохума находилось на рассмотрении уголовное дело против учителя физкультуры средней школы. По делу допрашивались впоследствии обвиняемые в ложных показаниях преподаватели этой же школы. Учителя физкультуры обвинили в том, что он неподобающе прикасался к ученикам во время уроков физкультуры. На основном заседании суда преподаватели были заслушаны в качестве свидетелей. Ранее учащиеся в возрасте 11–12 лет и их родители жаловались допрашиваемым преподавателям на сексуальные домогательства и словесные оскорбления со стороны учителя физкультуры, однако в суде обвиняемые отрицали, что знали о таких жалобах. До судебных слушаний, когда их вызвали в надзорный орган образовательного учреждения, они также заявили, вопреки действительности, что ничего не знают о сексуальных домогательствах со стороны учителя физкультуры.

Окружной суд предположил, что подсудимые говорили неправду во время допроса свидетелей в окружном суде, чтобы предотвратить риск наступления для себя негативных последствий, поскольку они были обязаны отреагировать и принять меры на обращения учеников и других учителей. Поскольку они ничего не предприняли, их действия могли быть расценены как пособничество и подстрекательство к таким действиям путем бездействия. Подобная оценка могла стать возможной, поскольку они понимали, что их бездействие приведет к дальнейшим преступлениям сексуального характера, в частности, к возможному сексуальному насилию над учениками. В силу своих профессиональных обязанностей они должны были защищать вверенных им учащихся от вреда их здоровью во время школьных занятий. Таким образом, обвиняемые были обязаны принять разумные меры для предотвращения дальнейших сексуальных посягательств со стороны своего коллеги, например, проинформировав директора школы. Поскольку данный факт не выяснялся в ходе судебного разбирательства по обвинению учителей, окружной суд Бохума направил дело на повторное рассмотрение о возможности применения § 157 УК ФРГ*.

Также был применен § 157 в отношении обвиняемого Y., который дал ложные показания как свидетель на основном слушании против привлеченного к уголовной ответственности X. DVD последнего содержал детскую порнографию, которую он намеревался переслать через Y. для Z. Фактически обвиняемый получил файлы на DVD несколько раз от X. на CD-диске для передачи свидетелю Z., который проинформировал обвиняемого, что этот диск не читается. Затем обвиняемый скопировал данные на свой DVD-рекордер с жестким диском, записал DVD и затем отправил его Z.

Суд указал, что необходимо рассмотреть дачу ложных показаний в соответствии с абз. 1 § 157 УК ФРГ, а также возможное смягчение наказания в соответствии с § 49. Независимо от состязательной правовой оценки преступного поведения подсудимого, если бы он дал правдивые показания, ему было бы предъявлено обвинение в совершении более тяжкого преступления, а именно, помимо получения чужого имущества он также лично путем

* BGH 4 StR239/07 – Beschluss vom 26. Juli 2007 (LG Bochum). URL: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/4/07/4-239-07.php>

копирования создал носитель данных с содержанием детской порнографии. Кроме того, обвиняемый мог опасаться, что его устройство записи на жесткий диск DVD будет конфисковано*.

Абзац 2 § 157 предписывает суду право смягчения наказания или полного отказа от него в том случае, если ложные показания без присяги дало лицо, которое не достигло возраста приведения к присяге. В соответствии с § 60 Уголовно-процессуального кодекса и § 393 Гражданско-процессуального кодекса таким признается лицо, не достигшее 16-летнего возраста. Также положения указанного абзаца распространяются на лиц, допрошенных с приведением к присяге, не достигших соответствующего возраста, поскольку с точки зрения закона их показания могут быть расценены как данные без присяги, что соответствует § 153 УК ФРГ [4, с. 262].

Параграф 158 «Исправление ложных показаний» в части первой предусматривает возможность смягчения наказания или освобождения от наказания судом лица, виновного в лжеприсяге, ложном заверении, данном вместо присяги, или даче ложных показаний без принесения присяги. Смягчение наказания или освобождение от него возможно при условии, если данное ложное показание своевременно исправлено виновным.

Часть первая нормы может быть реализована после совершения окончанных преступлений, предусмотренных § 153, 154 и 156 УК ФРГ, поскольку добровольный отказ, в соответствии с § 24, возможен, согласно общим принципам, до тех пор, пока преступление не будет завершено. Виновный, давший ложные показания, может их исправить, дав правдивые показания.

Согласно части второй статьи, исправление показаний является запоздалым, если они не могут быть учтены при принятии решения, или другому лицу был причинен вред, или если в отношении лица уже было подано заявление о совершении им преступления и возбуждено уголовное дело. Таким образом, исправление ложных показаний должно быть своевременным. Своевременными исправления признаются, если: 1) против лица не было возбуждено уголовное дело; 2) третьим лицам не причинено какого-либо ущерба; 3) исправленные показания по-прежнему имеют возможность использоваться при принятии решения, т. е. могут быть учтены судом и могут оказать влияние на принятие окончательного решения по делу.

Часть третья статьи содержит указание на то, что исправление сведений путем дачи правдивых показаний может быть произведено в любой инстанции, в которой были даны ложные показания, а также в которой осуществляется проверка этих показаний, а равно в суде, в прокуратуре или в полицейском участке.

Данная норма имеет поощрительный характер и преследует цель установления истины и устранения недостатков по делу, возникших в результате ложных показаний**.

Параграф 160 содержит нормативный запрет на склонение другого лица к даче ложных показаний. В части первой указано, что лицо, склоняющее другого человека к ложной присяге, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до двух лет или денежного штрафа. В случае склонения другого лица к ложным показаниям под присягой или ложным показаниям без присяги, виновный наказывается лишением свободы на срок до 6 месяцев или денежным штрафом размером до 180 дневных ставок.

Как может показаться на первый взгляд, в статье предусмотрен специальный вид подстрекательства к даче заведомо ложных показаний. Однако, с точки зрения немецкого законодателя, данная норма имеет несколько иное правовое содержание. В ней устанавливается ответственность не за подстрекательство, а за действия исполнителя, который действует посредством использования другого лица, что аналогично посредственному исполнению в УК РФ. Уголовно-правовая норма включает в себя и случаи, когда добросовестный свидетель дает ложные показания по неосторожности в результате обманного воздействия на него [5, с. 263].

* BGH, Beschl. v. 15.6.2011–4 StR224/11. URL: http://www.wiete-strafrecht.de/User/Inhalt/157_StGB.html

** Streifler D. Berichtigung einer falschen Angabe. URL: <https://www.streifler.de/lexikon/berichtigung-einer-falschen-angabe>

Параграф 161 «Неосторожная лжеприсяга, неосторожное ложное заверение вместо присяги» в части первой устанавливает ответственность за совершение преступлений, предусмотренных §§ 154–156, с неосторожной формой вины. Поскольку, по мнению немецкого законодателя, преступление, совершенное с неосторожной формой вины, является менее опасным, наказание в данной статье предусмотрено до одного года лишения свободы или в виде денежного штрафа.

Форма вины является ключевым признаком, разграничивающим указанные нормы от § 161. Законодатель создал специальную норму, предусматривающую дачу ложных показаний по неосторожности. Это связано с особенностями немецкого уголовного законодательства. В соответствии с § 15 УК ФРГ наказуемы только умышленные действия, если закон прямо не предусматривает такое деяние, совершенное по неосторожности [6, с. 17]. Данное положение несколько отличается от содержащегося в российском уголовном законодательстве, закрепленном в ст. 24 УК РФ, согласно которому деяние, совершенное только по неосторожности, может быть признано преступлением, если это предусмотрено Особенной частью. В то же время, если форма вины не указана в статье УК РФ, данное преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

В отличие от российского уголовного законодательства, в котором предусмотрен только прямой умысел при даче ложных показаний, немецкий законодатель считает, что в случаях, если лицо должно было осознавать факт возможной недостоверности предоставляемых им сведений, оно подлежит уголовной ответственности, поскольку в итоге страдают интересы правосудия.

Так, Х., которой по должности была поручена проверка кредитных договоров, выполнила проверку поверхностно и упустила из виду многие важные детали. По этой причине она предоставила ложную информацию, в достоверности которой поклялась, дав присягу. Дрезденский окружной суд приговорил Х. к штрафу в размере 60 дневных ставок по 100 евро каждая за дачу ложных показаний по неосторожности*.

В части второй § 161 предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности лица, давшего ложные показания по неосторожности. В частности, если давший ложные показания своевременно их исправляет, в этом случае он освобождается от уголовной ответственности. Условия освобождения от ответственности и признак своевременности раскрываются так же, как и в § 158.

Десятый раздел УК ФРГ «Ложное подозрение» содержит всего две статьи, которые также можно отнести к регулирующим отношения в сфере правосудия.

Параграф 164 «Ложное подозрение» в части первой устанавливает ответственность за обвинение другого лица в государственном органе перед должностным лицом, в компетенцию которого входят полномочия принимать заявления, или начальником в совершении противоправного деяния или нарушения обязанностей по службе. Исходя из смысла диспозиции статьи, обвинение должно быть связано именно с такими нарушениями, которые носят характер преступления или административного правонарушения. Это вытекает из цели, которая является обязательным признаком нормы и заключается в возбуждении или продолжении судебного разбирательства или иных административных мер в отношении потерпевшего. Такие действия наказываются лишением свободы до 5 лет или денежным штрафом.

Данное преступление можно лишь условно отнести к преступлениям против правосудия, поскольку по содержанию оно несколько шире и затрагивает не только отношения в области деятельности судов, но и лиц, способствующих реализации отправлению правосудия. Возбуждение в отношении потерпевшего судебного разбирательства является лишь одним из возможных последствий, предусмотренных нормой, в то время как уголовно наказуемой является и цель последующего применения в отношении потерпевшего на основе представленных ложных сведений мер административного и дисциплинарного характера.

* LG Dresden, Urteil v. 02.03.2019 – Az. 15 KLS 205 Js 29021/16. URL: <https://www.kanzlei.law/strafrecht/vorladung/fahrtaessiger-falschheit-und-fahrtaessige-falsche-versicherung-an-eides-statt/>

Часть вторая статьи предусматривает наказание, если лицо в одном из органов, указанных в части первой, публично или посредством другого лица сообщает ложные сведения, которые являются достаточными для возбуждения или продолжения судебного преследования или применения иных мер в отношении потерпевшего.

Так, I. двигался на своем автомобиле с превышением скорости и не заметил знака ограничения скорости. Нарушение было зафиксировано камерой слежения. Через несколько дней I. получил письмо из полиции для явки и дачи показаний по факту допущенного нарушения. К письму прилагались снимки автомобиля, сделанные камерой слежения. I. решил избежать оплаты штрафа и сказал полиции, что за рулем в тот день был его друг, который приезжал к нему в гости из России, который в настоящее время вернулся обратно, а I. ничего не может пояснить по данному нарушению. Через несколько дней к I. приехала домой полиция, чтобы сравнить его личность с фотографией, сделанной камерой слежения. Также полиция предупредила его, что сделанное им заявление вызывает сомнения. И поскольку сообщенные им сведения направлены на привлечение иного лица за допущенное нарушение, I. может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии с § 164 УК ФРГ*.

В отличие от положений, закрепленных в части первой, ложные утверждения не должны опираться на совершенное лицом правонарушение или нарушение служебных обязанностей. Для привлечения лица к ответственности по части первой достаточно фактически сделанного ложного заявления, а не создание заведомо ложной ситуации доказывания.

Третья часть предусматривает лишение свободы на срок от 6 месяцев до 10 лет, если лицо совершает дачу ложных показаний, связанных с обвинением иного лица, с целью добиться смягчения наказания или освобождения от ответственности в соответствии с § 46b, предусматривающим такую возможность освобождения в связи с оказанием помощи в раскрытии или предотвращении тяжких преступных деяний, или § 31 Закона об обращении наркотических средств**.

Тринадцатый раздел «Должностные преступления» также содержит некоторые составы преступлений, которые могут быть отнесены к числу преступлений против правосудия. Раздел содержит как общие составы преступлений, которые могут совершаться в любой сфере государственной службы, так и специальные составы, посягающие на более узкий круг служебных интересов, к которому относятся и интересы правосудия [7, с. 10].

Параграф 339 «Вынесение неправосудного приговора или решения» по содержанию объективной стороны довольно близок со ст. 305 УК РФ, предусматривающей ответственность за вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта. Если судья, иное должностное лицо или третейский судья окажутся виновны в неправосудном ведении дела или принятии решения по нему в пользу или в ущерб одной из сторон, то они подлежат наказанию в виде лишения свободы на срок от одного года до пяти лет.

Субъектом данного преступления выступают судьи судов всех уровней и сфер деятельности. В Германии система общих судов следующая: 1) участковый (районный) суд (Amtsgericht); 2) земельный суд (Landgericht); 3) верховный земельный суд (Oberlandesgericht); 4) федеральная судебная палата как высшая инстанция (Bundesgerichtshof). В судебной системе выделяют суды, специализирующиеся на различных отраслях права: трудовые, социальные, семейные, административные и пр. Также существуют третейские суды, рассматривающие споры между обществами и компаниями. Судья любого из названных судов является субъектом рассматриваемого состава преступления.

* Симуляция наказуемого деяния или обвинение в даче ложных показаний в Германии – § 164 StGB Falsche Verdächtigung. URL: <https://advokat-engelmann.de/index.php?do=cat&category=falsche-verdaechtigung>

** Федеральный закон об обращении наркотических средств – Gesetz über den Verkehr mit Betäubungsmitteln (Betäubungsmittelgesetz – BtMG) от 01.03.1994 (с изм. и доп.).

Неправосудными приговор, решение или иной судебный акт будут в случаях, когда они не основаны на законе. Такое понимание полностью совпадает с толкованием данного признака в отечественной уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике [8, с. 233].

Параграф 343 «Принуждение к даче показаний» устанавливает ответственность в случаях, когда должностное лицо, участвующее: 1) в уголовном процессе, в процедуре принудительного помещения лица в соответствующее учреждение; 2) в процессе, связанном с назначением административного денежного взыскания; 3) в дисциплинарном процессе; 4) в процессе в судах на общественных началах; 5) в судах по делам представителей определенных профессий (например, в отношении налоговых консультантов) [9, с. 129], в целях принуждения к даче определенных показаний или заявления в судебном процессе, или воздержания от дачи таких показаний или заявления, применяет физическое или психическое насилие. Такие действия наказываются лишением свободы на срок от одного года до десяти лет.

Схожая норма содержится в ст. 302 УК РФ, которая предусматривает ответственность за принуждение к даче показаний. Вместе с тем, несмотря на схожесть области регулирования обеими нормами, имеются существенные отличия в их содержании. В российском уголовном законодательстве способы оказания воздействия на потерпевшего описаны более широко, поскольку помимо физического или психического воздействия предусмотрены шантаж и иные незаконные действия со стороны должностных лиц. Конструкция объективной стороны § 343 УК ФРГ исключает возможность принуждения к даче показаний путем угроз иного характера (например, шантажа потерпевшего) [10, с. 86]. Данный момент выгодно отличает ст. 302 УК РФ от § 343 УК ФРГ, содержащего ограниченный спектр способов совершения преступления.

Субъектом этого преступления в немецком законодательстве выступает любое публичное должностное лицо, участвующее в судебном заседании в качестве такового [11, с. 176]. В российском законодательстве круг субъектов ограничен следователем, лицом, производящим дознание, или иным сотрудником правоохранительного органа.

Параграф 345 «Уголовное преследование невиновного» устанавливает ответственность за привлечение к уголовной ответственности заведомо невиновное лицо. Данная норма также имеет аналог в российском уголовном законодательстве, в ст. 299 УК РФ. Диспозиция § 345 описывает запрет должностному лицу, которое участвует в уголовном процессе, за исключением процедуры назначения принудительных мер, не связанных с изоляцией от общества, подвергать уголовному преследованию заведомо невиновного или лицо, которое в соответствии с законом не подлежит уголовной ответственности, а также оказывать воздействие на порядок проведения уголовного преследования. Такие действия наказываются лишением свободы на срок от одного года до десяти лет. Также указанные положения распространяются на должностных лиц, которые участвуют в процедуре принудительного помещения лица в учреждение, связанное с изоляцией от общества.

Часть вторая статьи устанавливает ответственность в случае, если должностное лицо, участвующее в процедуре назначения принудительных мер, не связанных с изоляцией от общества, подвергает уголовному преследованию лицо, которое, согласно закону, не должно подлежать уголовному преследованию или оказывает воздействие на осуществление такого преследования. Также положения части второй распространяются на должностных лиц, которые участвуют в процессе, связанном с назначением административного штрафа, или в дисциплинарном процессе, в процессе в суде на общественных началах или в судах по делам представителей определенных профессий.

В соответствии с § 11 под принудительными мерами, указанными в диспозиции § 345, понимается любая принудительная мера исправления и безопасности, конфискация имущества и пр.

Сравнение данной нормы со ст. 299 УК РФ позволяет выделить ряд особенностей, разнящих данные составы преступлений. Российский уголовный закон содержит простое описание диспозиции: «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности». При этом под привлечением к уголовной ответственности понимается вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Состав преступления в немецком законодательстве описан более широко. Помимо лица, в полномочия которого входит привлечение к уголовной ответственности, субъектом является любое публичное должностное лицо, участвующее в уголовном процессе, если оно своими действиями инициирует привлечение к уголовной ответственности или оказывает воздействие на процесс привлечения. Таким образом, субъектный состав § 345 УК ФРГ описан более широко. Кроме того, в части второй предусмотрена ответственность не только за привлечение невиновного к уголовной ответственности, но и в случаях привлечения к административной ответственности с назначением штрафа, в иных судебных процессах по делам о дисциплинарных и профессиональных проступках. Поэтому можно констатировать, что § 345 охватывает более широкий круг правоотношений, связанных с привлечением лица не только к уголовной ответственности, но и к другим видам юридической ответственности.

Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности по УК ФРГ и УК РФ позволил сделать выводы о том, что в УК ФРГ нормы об ответственности за преступления против правосудия носят более казуистичный характер. Нередко законодатель Германии прибегает к способу описания деталей одного и того же случая в самостоятельных нормах. В частности, дифференцирована ответственность за дачу ложных показаний под присягой и без нее. Также существенным отличием от УК РФ является допущение дачи ложных показаний с неосторожной формы вины, а также использование других лиц для дачи таких показаний. Привлечение заведомо невиновного к ответственности предполагает не только уголовную ответственность, но и административную. Данное положение целесообразно было бы принять и в рамках отечественного уголовного законодательства.

Список источников

1. Махмутов Т. А. Преступления против правосудия, совершенные должностными лицами органов предварительного расследования, в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58). С. 208–213.
2. Roxin C. Strafverfahrensrecht. München, 1991. 327 s.
3. Трефилов А. А. Показания свидетелей в доказательственном праве Германии // Юридические исследования. 2012. № 4. С. 49–72.
4. Головненков П. В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германии (Strafgesetzbuch (StGB): науч.-практ. коммент. и пер. текста закона. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 с.
5. Там же.
6. Аистова Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран: учеб. пособие. 2-е изд. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2020. 131 с.
7. Рарог А. И. Уголовная ответственность должностных лиц по законодательству Федеративной Республики Германии и Российской Федерации: Schriften zum deutschen und russischen Strafrecht.. Issue: 3. Potsdam Universitätsverlag Potsdam, 2013. С. 9–12.
8. Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. 491 с.
9. Намнясева В. В. Ответственность за подкуп и принуждение участников судопроизводства в уголовном законодательстве стран группы германского права: сравнительно-правовой анализ // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегод. всерос. науч.-практ. конф. (6–7 июня 2019 г.). СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2019. С. 126–132.
10. Постовая К. А. Зарубежный опыт уголовной ответственности за принуждение к даче показаний // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. № 5 (17). С. 82–87.
11. Kyriakos N. Kotsoglou über die «Verständigung» im Strafverfahren als Aussageerpressung // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2015. № 3. S. 175–198.

Информация об авторе

А. О. Швейгер – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

A. O. Shveyger – *kandidat nauk*, degree in Law, Associate Professor, professor of the Department of the Criminal Law and Criminology.

Статья поступила в редакцию 22.07.2025; одобрена после рецензирования 01.08.2025; принята к публикации 01.08.2025.

The article was submitted 22.07.2025; approved after reviewing 01.08.2025; accepted for publication 01.08.2025.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакционную коллегию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала (уголовно-правовые науки).

2. При приеме статьи с автором (авторами) заключается лицензионный договор (размещен по адресу: https://mvd.ru/upload/site134/folder_page/003/378/423/Litsenzionnyy_dogovor_2.pdf) о предоставлении издательству Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова прав на использование материалов (неисключительная лицензия), в том числе права на обработку персональных данных автора (авторов).

3. Все рукописи статей, поступившие в редколлегию журнала, проверяются на оригинальность текста с использованием специализированного программного обеспечения. Доля оригинального текста должна быть не менее 70 %. В случае обнаружения ранее опубликованной (обнародованной) работы, повторяющей результаты находящейся на рассмотрении статьи более чем на 30 % по отчету специализированного программного обеспечения, редколлегия Вестника оставляет за собой право отказать авторам в опубликовании статьи.

4. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде по электронной почте vestnikdvui@yandex.ru.

5. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

6. Представляемые к опубликованию научные статьи должны соответствовать следующим требованиям:

- объем – 10–18 страниц при наборе текста в программе Word шрифтом Times New Roman размером 14 пунктов с использованием полуторного межстрочного интервала;

- статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7–2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление»;

- после названия статьи указываются фамилия, имя, отчество всех авторов полностью, полное название организации – места работы каждого автора (на русском и английском языках). Указывается адрес электронной почты каждого автора, а также ORCID автора (**пройти регистрацию на сайте <http://orcid.org/>**) или другие его идентификационные номера;

- информация об авторе (авторах) указывается в конце статьи после списка источников. Указываются: ученая степень, ученое звание, занимаемая должность (на русском и английском языках);

- название статьи, аннотация (не более 250 слов), ключевые слова (не менее 3 и не более 15 речевых единиц) приводятся на русском и английском языках;

- указывается код универсальной десятичной классификации (УДК);

- приставленный список источников размещается в конце статьи и содержит пронумерованные по порядку библиографические ссылки на использованную при написании статьи литературу;

- ссылки на официальные документы, авторефераты диссертаций, интернет-источники оформляются по тексту как подстрочные;

- статья должна быть подписана автором (авторами). Статья адъюнкта (аспиранта, соискателя), кроме того, должна быть подписана его научным руководителем.

7. Ответственность за достоверность фактов, приводимых цитат, за правильность ссылок на источники, точность предоставленных персональных данных, а также корректность перевода на английский язык несут авторы.

8. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей, редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

9. Плата за опубликование статей не взимается.

10. Редакционная коллегия поддерживает связь с авторами только по указанной ими электронной почте. При этом редколлегия не несет ответственности за недостоверность представленного ей адреса электронной почты и мер к поиску иных способов связи с авторами не предпринимает. В случае если автор не отвечает в течение более одного месяца на запросы редколлегии, его статья снимается с публикации.

Адрес редакции:

680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15,

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова,

редакционно-издательский отдел, журнал «Вестник ДВЮИ МВД России имени И. Ф. Шилова».

Тел. (4212) 92-02-59

E-mail: vestnikdvui@yandex.ru